

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Картавцева Юлия Вячеславовна

**ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО
МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ**

**5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика**

Диссертация

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор З.Р. Хачмафова**

Майкоп – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	12
1.1. Основные подходы к исследованию сленга в отечественной и зарубежной лингвистике	12
1.2. Понятие «молодежный сленг» и проблема его дифференциации в социолингвистических исследованиях.....	27
1.3. Лингвоаксиологический подход к изучению молодежного сленга.....	40
1.4. Интернет как коммуникативное пространство функционирования современного молодежного сленга.....	52
ВЫВОДЫ.....	62
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ- ДИСКУРСЕ.....	65
2.1. Деривационные особенности молодежного сленга в русскоязычном интернет-дискурсе	65
2.2. Особенности адаптации англоязычных заимствований в молодежном сленге русскоязычного интернет-дискурса	102
ВЫВОДЫ.....	117
ГЛАВА 3. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: КЛАСТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ.....	120
3.1. Кластерный подход как методологическая основа систематизации молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе	120
3.2. Тематические кластеры молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе: состав, структура и оценочный потенциал.....	127
3.3. Аксиологические кластеры молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе как отражение ценностных доминант	166
ВЫВОДЫ.....	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	189
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	194

ВВЕДЕНИЕ

В русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики сформировалось лингвоаксиологическое направление, сосредоточенное на ценностных доминантах языка. По словам В.И. Карасика, «исследование ценностных доминант в языке представляется важной задачей для лингвистики, поскольку это позволяет понять принципы языкового освоения мира человеком» [Карасик, 2024: 185]. Изучение лингвоаксиологических особенностей молодежного сленга в интернет-дискурсе позволяет описать ценностные смыслы, закрепленные в семантике и коннотациях сленговых единиц, и тем самым отвечает исследовательским установкам современной науки о языке.

Степень разработанности проблемы. Высокая динамичность молодежного сленга, функционирующего в пространстве интернет-дискурса, обуславливает устойчивый интерес исследователей к данному феномену и необходимость его системного научного осмысления. В рамках социолингвистического подхода рассматриваются вопросы детерминации и дифференциации понятия «молодежный сленг» от смежных явлений [Береговская, 1996]; анализируется социальная природа молодежного сленга как инструмента групповой идентификации и оппозиции по отношению к нормам «взрослого» общества [Арустамова, 2006; Косякова, 2017]; осуществляется систематизация типов и функций сленга в русском языке [Чжан Вэй, 2024]. Исследования лингвопрагматических особенностей молодежного сленга, динамических процессов в сфере сленга и способов их лексикографической фиксации, специфики словообразования в интернет-дискурсе, моделей семантической деривации, а также языковой динамики в молодежной лексике [Зоркина, 2020; Дмитриева, 2024; Капер, Мирошниченко, 2022; Жираковская, 2025; Кунгурова, Асадчая, 2026 и др.] свидетельствуют об устойчивом исследовательском интересе к механизмам сленгообразования и их роли в функционировании молодежной лексики. В последние десятилетия особое внимание уделяется проблемам изучения функционирования

молодежного сленга в интернет-дискурсе. Исследуются особенности его бытования в интернет-пространстве [Карпов, 2017; Воронцова, 2017], репрезентация сленга как инструмента номинации новых цифровых реалий [Юрова, 2020]. Ряд работ посвящен сленгу в конкретных сегментах русскоязычного интернет-дискурса, таких как сленг спортивных болельщиков [Трегубова и др., 2023] или уличные субкультуры [Скуридина, Новиков, 2026], что подтверждает значимость интернет-дискурса как основного пространства бытования сленга.

В современной лингвистике в русле антропоцентрической парадигмы сформировалось самостоятельное направление – лингвоаксиология, предметом которой выступает ценностно-оценочная составляющая языка и дискурса. В рамках данного подхода язык рассматривается как способ фиксации, трансляции и конструирования ценностных смыслов; анализируются оценочные значения, ценностные доминанты, репрезентированные в лексике, фразеологии и дискурсивных практиках [Вольф, 2002; Карасик, 2015; Катермина, 2021; Марьянчик, 2005, 2013; Павлов, 2013; Старостина, 2022, 2024 и др.].

Применительно к сленгу лингвоаксиологический аспект также начинает привлекать внимание исследователей. Исследование молодежных сленговых урбанизмов подтверждает высокий лингвоаксиологический потенциал данного пласта лексики [Васильева, Никитина, Рогалева, 2024]. Отдельным перспективным направлением становится изучение сленга как инструмента реконструкции ценностной картины мира конкретных социальных групп [Хэ Яньли, Елистратов, 2025]. Вместе с тем оценочный потенциал молодежных сленгизмов в интернете, хотя и отмечается в отдельных работах [Абайдельданова, Тирадо, 2024], до сих пор не получил системного лингвоаксиологического описания.

Несмотря на многоаспектность существующих исследований, вопросы системной взаимосвязи формальных механизмов образования молодежного

сленга и его аксиологического содержания в интернет-дискурсе остаются недостаточно разработанными.

Актуальность исследования обусловлена научным интересом к исследованию молодежного сленга как одной из наиболее динамичных подсистем национального языка, в которой непосредственно отражаются ценностные приоритеты, поведенческие модели и оценочные реакции молодого поколения на социальные, культурные и технологические изменения. Лингвоаксиологический подход к изучению молодежного сленга позволяет понять динамику ценностной картины мира современной молодежи, что представляется значимым для прогнозирования социокультурных изменений в языке, поскольку именно в сленговой номинации находят выражение новые ценностные ориентации и оценочные установки молодежной среды.

Интернет-дискурс выступает доминирующей коммуникативной средой бытования и обновления молодежного сленга, в котором интенсифицируются процессы словотворчества и формируются новые механизмы номинации и оценки. Это обуславливает потребность в специальном изучении молодежного сленга именно в данном коммуникативном контексте, поскольку цифровая коммуникация не только обеспечивает быстрое распространение сленговых единиц, но и усиливает их аксиологическую нагруженность.

Таким образом, актуальность работы определяется как экстралингвистическими факторами, так и собственно лингвистической потребностью в системном описании лингвоаксиологических особенностей молодежного сленга, формирующихся в цифровом коммуникативном пространстве, что определяет теоретическую и прикладную значимость данного исследования.

Объектом диссертации является молодежный сленг в русскоязычном интернет-дискурсе.

Предметом исследования являются лингвоаксиологические особенности современного молодежного сленга в интернет-дискурсе,

рассматриваемые в единстве его формально-лингвистических характеристик и ценностного содержания.

Материалом исследования послужила молодежная сленговая лексика, функционирующая в социальной сети «ВКонтакте» и кроссплатформенном мессенджере «Telegram» в период за 2016-2026. Были использованы данные следующих словарей: «Словарь перемен 2015-2016», «Толковый словарь русского молодежного сленга», «Словарь молодежного сленга», «Милфы, скуфы, краши. Самый полный словарь молодежного русского сленга» (2016-2026). Объем картотеки составил 1615 сленговых лексических единиц на русском языке.

Цель диссертации заключается в выявлении и описании лингвоаксиологических особенностей современного молодежного сленга в интернет-дискурсе.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить теоретико-методологические основы исследования молодежного сленга в рамках социолингвистического и лингвоаксиологического подходов;
- 2) уточнить понятие «молодежный сленг» и разграничить его от смежных явлений;
- 3) выявить и систематизировать продуктивные деривационные модели сленгизмов и определить их роль в формировании оценочной семантики единиц молодежного сленга в интернет-дискурсе;
- 4) проанализировать механизмы адаптации англоязычных заимствований в молодежном сленге и установить специфику их оценочного потенциала в русскоязычном интернет-дискурсе;
- 5) обосновать применение кластерного подхода к систематизации молодежной сленговой лексики и построить тематическую кластерную модель сленговой лексики, отражающую ключевые коммуникативные практики молодежи в интернет-дискурсе;

б) выявить и охарактеризовать аксиологические кластеры молодежного сленга в интернет-дискурсе, репрезентирующие иерархию ценностных доминант современной молодежи, и описать их оценочный потенциал.

Для решения поставленных задач использовался комплекс исследовательских **методов**: лингвистическое описание; контекстуальный, дефиниционный и структурно-семантический анализ; деривационный и функциональный анализ; кластерное моделирование. Отбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из текстов интернет-дискурса. Количественная обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики (частотный анализ, процентные соотношения).

Положения, выносимые на защиту:

1. Молодежный сленг в интернет-дискурсе представляет собой динамичную открытую лингвосоциальную систему, в которой эмоционально-экспрессивная и оценочная функции доминируют над номинативной, обеспечивая аксиологическую категоризацию действительности и объективацию ценностной картины мира молодежи.

2. Комплекс лингвистических механизмов сленгообразования – семантическая деривация, аффиксация, адаптация англоязычных заимствований – не только обеспечивает пополнение лексического состава молодежного сленга в интернет-дискурсе, но и выступает фактором формирования его аксиологического потенциала. Данные механизмы детерминируют оценочный вектор сленгизмов, обуславливая становление пейоративной или мелиоративной семантики и участвуя в аксиологической категоризации действительности.

3. Кластерный подход к систематизации молодежной сленговой лексики позволяет представить ее в виде тематической кластерной модели, отражающей ключевые коммуникативные практики молодежи в интернет-дискурсе. Выделенные тематические кластеры «Самопрезентация и идентичность», «Эмоционально-оценочные реакции», «Образ жизни», «Игра» и входящие в них субкластеры демонстрируют системную организацию

данной лексики, а межкластерные пересечения сленговых единиц свидетельствуют о полифункциональности молодежного сленга и подвижности границ между коммуникативными сферами.

4. Ценностная картина мира современной молодежи, реконструированная на основе анализа молодежного сленга в интернет-дискурсе, иерархически организована и представлена аксиологическими кластерами «Отношения», «Карьера и социальный статус», «Развлечения» и «Здоровье», в которых доминируют ценности межличностных отношений, социальной успешности и гедонизма. Оценочный потенциал сленговых единиц реализуется через аксиологически маркированные коннотации, которые отражают как социальные приоритеты, так и амбивалентность мировосприятия молодежи и свидетельствуют об активном участии сленга в конструировании и трансляции ценностных доминант в цифровой коммуникации.

Теоретическую базу диссертационного исследования составляют фундаментальные положения и концепции ученых в следующих областях лингвистики: *социолингвистики* (Э. М. Береговская (1996), В. Д. Бондалетов (1990), В. С. (2010), Д. Коулман (2004), Л. П. Крысин (1989, 2021), А. Т. Липатов (2010), В. М. Мокиенко (2000), Э. Х. Партридж (1954), Р. А. Спирерс (1991), Т. Торн (2010), Х. Уэнтворт (1960), Дж. К. Хоттен (1860) и др.); *лингвистической аксиологии* (Ю. Д. Апресян (1995), Н. Д. Арутюнова (1988), Е. М. Вольф (2002), В. И. Карасик (2015), В. В. Катермина (2021), И. Б. Левонтина (2011), В. А. Марьянчик (2005), С. Г. Павлов (2013), И. В. Рец (2014), Е. Ф. Серебренникова (2008), А. Д. Шмелев (2008) и др.); *лексикологии и теории словообразования* (Е. А. Земская (2005), Е. С. Кубрякова (1972, 2009), М. Д. Степанова (1984), И. С. Улуханов (2012), Н. М. Шанский (2019) и др.); *интернет-дискурса* (Н. А. Ахренова (2016, 2022), Е. Н. Галичкина (2021), Е. И. Горошко (2007), Е. А. Ивлиева (2025), Л. Ф. Компанцева (2008), А. Л. Латипова (2018), И. А. Ушанова (2015), А. А. Финогеева (2021), Е. С. Юртаева (2016) и др.). Также были использованы научные идеи в рамках проблемы *кластерного*

подхода к анализу и классификации языковых единиц (В. Ю. Апресян (2011), Л. Ю. Буянова (2023), Д. И. Новоселецкая (2024), Н. Х. Нургалиева (2013), А. Т. Хроленко (1995) и др.)

Научная новизна проведенного исследования определяется тем, что в нем впервые:

1) выявлены и описаны лингвистические механизмы формирования молодежного сленга в интернет-дискурсе и установлена их роль в актуализации оценочной семантики сленговых единиц, обеспечивающей реализацию прагматических установок цифровой коммуникации;

2) разработана и апробирована методика кластерного моделирования молодежной сленговой лексики, включающая тематическую и аксиологическую кластеризацию, что позволило представить материал как систему тематических кластеров, отражающих ключевые коммуникативные практики молодежи, и аксиологических кластеров, репрезентирующих ценностные доминанты и их оценочный потенциал в интернет-дискурсе;

3) обоснована системная взаимосвязь между лингвистическими механизмами сленгообразования и аксиологическим содержанием молодежного сленга, что позволяет рассматривать его как способ лингвоаксиологической категоризации действительности и конструирования ценностной картины мира в цифровой коммуникативной среде;

4) установлена корреляция между типом оценочной семантики молодежных сленгизмов и их коммуникативной функцией, а также выявлены связи между кластерами, свидетельствующие о многомерности семантики сленговых единиц и подвижности границ между ними.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование развивает научные идеи лингвистической аксиологии, социолингвистики и теории номинации. Предложен научный подход к реконструкции ценностных доминант языковой картины мира молодежи на основе кластерного моделирования сленговой лексики в интернет-дискурсе,

что расширяет инструментарий лингвоаксиологического анализа и открывает перспективы для системного изучения других социолектов.

Уточнено представление о молодежном сленге как о целостной, динамичной лингвосоциальной системе, функционирующей в цифровой коммуникации. Установлено, что деривационные механизмы и процессы адаптации заимствований не только пополняют лексический состав молодежного сленга, но и детерминируют оценочную семантику сленгизмов, что раскрывает аксиологическую значимость формальных средств сленгообразования и вносит вклад в теорию номинации.

Полученные данные о механизмах лингвистической адаптации англоязычных заимствований в русскоязычном интернет-дискурсе углубляют понимание процессов языковой интерференции и ассимиляции в цифровой коммуникативной среде.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования результатов данного исследования в преподавании вузовских курсов социолингвистики, лингвоаксиологии, теории номинации, лексикологии, стилистики, семантики и прагматики. Материалы и выводы исследования могут найти применение в лексикографической практике при составлении словарей современного молодежного сленга, а также в процессе подготовки научно-исследовательских работ обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования были представлены на научных конференциях разного уровня: на IX Международной научно-практической очно-заочной конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2024); на Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных исследований» (Краснодар, 2024); на Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики» (Уфа, 2025); на Международной

научно-практической конференции «Синтез науки и образования как инструмент решения глобальных проблем современности» (Уфа, 2025); на Всероссийской научно-практической студенческой конференции на иностранных языках с международным участием «Инновационные стратегии профессиональной коммуникации: вызовы современности» (Ростов-на-Дону, 2025); на Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных исследований» (Краснодар, 2025); на II Международной научно-практической конференции «Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития» (Казань, 2025); на Международной научно-практической конференции «Нургалиевские чтения – XV: Научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки» (Астана, 2026); на X Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» (Симферополь, 2026).

Основные положения и результаты исследования изложены в **19** публикациях, в том числе в **6** статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы. Структура диссертации определена логикой исследования и последовательностью решения поставленных в ней задач. Работа состоит из введения, трех глав (каждая из которых разделена на параграфы), заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В первой главе изложены теоретические основы исследования молодежного сленга в интернет-дискурсе. Анализируются основные подходы к определению сленга, сложившиеся в отечественной и зарубежной лингвистике; уточняется содержание понятия «молодежный сленг» и проводится его разграничение со смежными языковыми явлениями. Обосновывается лингвоаксиологический подход к изучению молодежного сленга в интернет-дискурсе; дается характеристика интернет-дискурса как коммуникативного пространства функционирования молодежного сленга.

1.1. Основные подходы к исследованию сленга в отечественной и зарубежной лингвистике

Современная коммуникация глубоко изучается всеми науками гуманитарного знания и, в первую очередь, лингвистикой, которая фиксирует процессы эволюции языка не только в рамках общепринятых грамматических норм, характерных для литературного стиля. В течение нескольких десятилетий, в связи с демократизацией, прогрессирующей внутри определенных языковых пластов, пристальное внимание многих отечественных и зарубежных исследователей обращено на лингвокультурный феномен «сленг».

Проблема изучения сленга в качестве самостоятельного явления ранее была объектом для локальных дискуссий с научной точки зрения, рассматриваясь неотделимо от разговорной речи как компонент сниженной лексики, «закрытой» для большей части общества. Однако работы некоторых отечественных (О. С. Ахманова [Ахманова, 2012]; Э. М. Береговская [Береговская, 2002]; И. Р. Гальперин [Гальперин, 2015]; С. О. Дмитриева

[Дмитриева, 2024]; К. В. Зоркина [Зоркина, 2021]; Э. С. Карпов [Карпов, 2016]; В. С. Майер [Майер, 2021]; О. Н. Мужикова [Мужикова, 2016]; Е. А. Редкозубова [Редкозубова, 2014]; С. А. Титаренко [Титаренко, 2022]; П. С. Ухова [Ухова, 2017]; В. А. Хомяков [Хомяков, 2009]; В. Чжан [Чжан, 2024] и др.) и зарубежных исследователей (З. Брич [Брич, 2021], И. Гердес [Гердес, 2018]; Дж. Грин [Грин, 2002]; Ф. Гроуз [Гроуз, 2002]; М. Дико [Дико, 2017]; Л. С. Киттеридж, Дж. Б. Гриноу [Киттеридж, Гриноу, 1901]; Дж. Коулман [Коулман, 2012]; Э. Х. Партридж [Партридж, 1970]; Р. А. Спирс [Спирс, 1991]; Дж. К. Хоттен [Хоттен, 1972] и др.), посвященные вопросу о месте понятия «сленг» в современном языкознании, расширили границы понимания сленга как «двигателя» межличностного общения, а также обозначили ряд его функционально-прагматических особенностей, благодаря которым распространение данного феномена затрагивает все уровни языка.

Отечественная лингвистика активно изучает особенности сленговой лексики и определяет сленг как феномен, выходящий за пределы норм литературного языка.

В настоящее время термин «сленг» характеризуется распространенностью в силу своей экспрессивности, способствующей эмоциональному выражению мыслей. Кроме того, сленговая лексика привлекает внимание нестандартными речевыми оборотами, экономией языковых средств, передавая сообщение в более сжатой форме.

Сленг в системе языка считается актуальным явлением, поскольку он «на наших глазах появляется и растет в языках, где его раньше не было, в частности, в русском языке» [Апресян, 1999: 11], кроме того, сленг – это «эмоционально окрашенные слова и устойчивые словосочетания, бытующие в разговорной речи и находящиеся вне пределов литературного языка» [Швейцер, 1983: 43]. Эмоциональная окраска компонентов сленговой лексики отмечается в работах других ученых, заявлявших, что «сленг – это генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, имеющий ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер,

бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы» [Арнольд, 1990: 39]. В свою очередь, сленг конкретной социальной группы «влияет на некоторое количество его носителей, у которых уже сложилась определенная норма поведения, своя мода, манера поведения, одежда и т.п.» [Миралаева, 1994: 9].

Сленгу, как разговорной разновидности языка, свойственна размытость границ. Э. М. Береговская полагает, что сленг является характерной чертой для устной речи, поскольку обладает экспрессивностью и демаркирует социальные и профессиональные группы людей. Кроме того, с ее точки зрения, нет оснований рассматривать сленговую лексику как «пагубную» для языка, потому как сленг выступает в качестве его неотъемлемой части, которая «характеризуется депрециативностью и доминированием репрезентативной функции» [Береговская, 2002: 38].

Под сленгом понимается языковая система, не вписывающаяся в нормативный узус литературной речи, представляющая собой активный ресурс пополнения разговорной лексики, профессионализмов, фразеологических единиц, а также включающая в себя ненормативную лексику с высокой степенью экспрессивности и оценочности [Хомяков, 2009]. Сленг – это отдельный лексический пласт, являющийся «относительно устойчивым для определенного периода и широко употребительным компонентом экспрессивного просторечия. Он входит в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Там же: 29].

В «Словаре лингвистических терминов» выдвигается следующее толкование термина «сленг»: «1. Сленг – это один из вариантов разговорной речи в профессиональной сфере; 2. Разговорный вариант языка, имеющий особую эмоционально-экспрессивную окраску и относящийся к различным социальным группам, который частично проникает в литературный язык и речь людей» [Ахманова, 2012: 419].

Тем не менее, по мнению И. Р. Гальперина, сленг не является четко установленной дефиницией и не может существовать в качестве отдельной категории. Диапазон стилистических разрядов слов, граничащих со словами, относимыми к сленговой лексике довольно широк, в результате чего под термином «сленг» могут объединяться разнородные явления. С этой точки зрения, сленгу присуща неустойчивость и эпизодический характер и его следует трактовать как разговорную речь, неутвержденную общепринятыми языковыми нормами. В силу этого, невозможно выделить сленг в автономный языковой жанр, идентифицируя его с жаргоном по причине большого спектра вариативности лексических групп, присущих разговорному языку. Однако сленг следует понимать, как «слой лексики или фразеологии, который появляется в сфере живой разговорной речи в качестве разговорных неологизмов, легко переходящих в слой общеупотребительной литературной разговорной лексики» [Гальперин, 2015: 156]. В связи с этим, сленг нельзя считать характерной особенностью только определенных социальных групп, так как сленговая лексика чаще всего характеризуется доступностью семантики, что позволяет сленгизмам интегрироваться в коммуникацию различных социальных областей [Гусякова, 2008].

Научным трудом, обозначившим роль сленга в современной коммуникации, стала работа Е. А. Редкозубовой, которая установила ряд специфических свойств и характеристик, позволивших выделить сленг в качестве автономного языкового явления. Внимание акцентируется на рамках употребления, присущих сленговой лексике: сленг выходит за пределы границ «узкого» использования, постепенно становясь атрибутом лингвокультурного сообщества в целом. Помимо этого, исследователь обращает внимание на то, что сленгу присуща определенная система словообразования, характеризующая его как элемент, интегрируемый под определенный грамматический строй. Тенденции развития и распространения сленга, несмотря на небольшие различия, связанные с особенностями каждого отдельного языка, являются общенациональными. Данный процесс связан с

экспансией сленга на литературный язык, а также, как следствие, с его постепенной грамматикализацией [Редкозубова, 2014].

Сленг является критерием самоактуализации человека, что характеризует данное понятие как реалию социальной жизни, и представляется специфической областью лексики языка, на которую воздействуют именно социальные факторы. Сленговая лексика обуславливает общение внутри различных социальных групп и знакомит с нормами и культурой общения той или иной категории людей [Карпов, 2016]. Кроме того, сленг отображает в своих лексических единицах коннотацию субъективного отношения человека к окружающей среде, поэтому его главной чертой является экспрессивность, помогающая выразить определенные эмоции при обозначении факторов внутреннего либо внешнего мира.

Важность сленга как общенационального кодификатора повседневной речи разных социальных групп подчеркивают и другие исследователи. Главную роль в сленге как в языке межличностного общения играют его функционально-прагматические свойства, позволяющие реализовывать полицентричные коммуникативные задачи. Цели инициатора коммуникации и реакция слушающего – задачи, выполняя которые сленг обретает социокультурный характер, поскольку оказывает необходимое лингвопрагматическое действие посредством нестандартной лексики, входящей в его состав [Титаренко, 2022].

Вместе с тем, роль сленговой лексики в жизни общества подчеркивает П. С. Ухова, делая акцент на языке, который использует молодое поколение. Характеризуя данное явление, она указывает на то, что, во-первых, подобная лексика выступает в качестве языка общения молодых людей одного возраста, отражая реалии их мировоззрения. Во-вторых, невзирая на то, что сленгизмы остаются недоступными для речи многих пожилых людей, понятие «сленг» в исследовании лингвиста представлено как минимально закрытая и обладающая максимальной лексической ясностью система. Это связано с тем, что многие единицы сленга возникают на базе литературного языка при

помощи языковой игры, используемой молодым поколением для усиления экспрессивности высказываний. Помимо этого, сленговая лексика обладает довольно большим количеством заимствований из английского языка, что, в свою очередь, способствует упрощению межкультурной коммуникации между молодыми людьми на основании общих увлечений. Опираясь на вышесказанное, можно предположить, что сленг является упрощенной формой языка, и отличается постоянной реновацией в связи со сменой интересов подрастающих поколений [Ухова, 2017].

В современной лингвистике рассматривается вопрос о схожести сленга с арго по степени ироничности и преобладанию денотативной функции, а также его общность с жаргонной лексикой по причине своей недостаточной закрытости. Однако сленговая лексика – языковая универсалия, потому как в отличие от других языков, используемых определенными группами лиц, сленг употребляется значительным количеством носителей языка, безотносительно к тому, к каким социальным группам они имеют отношение. Данный язык является доступным благодаря своей вторичности совокупности разновидностей общенационального языка. К. В. Зоркина определяет сленг как «язык устного общения, отличный от нормы, объединяющий большое число носителей одной лингвокультуры» [Зоркина, 2021: 26]. Вместе с тем, она отмечает, что понятие «сленг» в данный период времени рассматривается учеными «не как явление, загрязняющее язык, а как органическая и необходимая часть языковой системы» [Там же: 26].

Актуальность сленговой лексики в межнациональной коммуникации подтверждается рядом работ, где сленг описывается не только как отличительная особенность молодежной культуры, но и как неотъемлемая часть общества в целом, являясь по сути «маркером современности», так как лексические единицы, входящие в состав этого феномена, обозначают текущие реалии и отношение к ним. Благодаря широкому распространению в средствах массовой информации, а также выполняя в речи экспрессивную и нарицательную функции, сленгизмы стали практически

общеупотребительным языком общения. Отмечается преимущество лексических единиц сленга, которые отражают «экстралингвистические события и феномены» в речи молодого поколения [Майер, 2021].

С точки зрения социальности, сленг – довольно распространенное явление среди большинства молодых людей, несмотря на то что имеет изменчивый и неоднородный характер. Кроме того, сленг может подразумевать под собой некое вторичное образование в отношении других социолектов – жаргона и аргота, из которых в сленг заимствуются лексические единицы [Чжан, 2024].

В статьях зарубежных ученых-лингвистов, занимающихся проблемой определения роли сленга в современном дискурсе, сленг описывается в качестве интегрального аспекта каждого языка.

С целью более глубокого понимания коннотаций понятия «сленг» следует обратиться к определениям, данным зарубежными и отечественными лингвистами. Френсис Гроуз, составитель словаря «A Classical Dictionary Of The Vulgar Tongue», ввел в 1875 году лингвистическую среду термин, разделяя «низкий, уличный» язык на две части, одну из которых, имеющую корни языка цыган, называет «сленгом» [Grose, 2009].

М. Дико в своей публикации «Eine Untersuchung über die Funktionen vom Ghetto-Slang bei Jugendlichen mit oder ohne Migrationshintergrund» отмечает, что сленг функционирует как общий код в языке полиэтнической молодежи, населяющей Германию. Сленг в данном случае является не только формой экспрессии и эмоциональности в речи, но и формой протеста, посредством которой молодое поколение стремится выразить солидарность с представителями других лингвокультурных сообществ. По словам автора, важное отличие сленгизмов от общепринятых норм речи заключается в том, что сленгу «понятен код литературного языка», но большое значение в формировании этого лингвистического явления имеет творчество и игра с языком, благодаря которым сленговая лексика становится сочетанием различных языков, подстраивая новые словарные единицы под конкретный

грамматический строй. Использование подобной лексики на интерес молодого поколения «к текущим изменениям в мире и готовность адаптироваться к ним», находясь в рамках межкультурной коммуникации [Dyko, 2017].

Современная немецкая лингвистика рассматривает вопрос, связанный с определением места понятия «сленг» в системе немецкого языка. Как и в других языках, лексический компонент каждого высказывания должен изучаться для соотнесения его с определенным языковым пластом. Это касается и молодежного языка, имеющего собственный стиль и грамматическую структуру [Gerdes, 2018].

Английские лингвисты Л. С. Киттеридж и Дж. Б. Гриноу в работе «Слова и их путь в английскую речь» дают сленгу следующую характеристику: «Сленг... это особый тип бродячего языка, находящийся за пределами кодифицированной речи, но постоянно пробивающий себе путь в самое респектабельное общество» [Киттеридж, Гриноу, 1901: 10].

Известный британский ученый-лексикограф Э. Х. Партридж, в труде «Slang Today and Yesterday» отмечает, что сленг «как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного словаря в разговорной речи: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, зримости, точности, краткости, образности, а также, чтобы избежать штампов, клише» [Partridge, 1970:176].

Тем не менее, не все зарубежные лингвисты наделяли сленговую лексику рядом положительных черт, говоря о ней как о языке низших слоев общества и утверждая, что «сленг представляет собой вульгарный, низкий, кричащий, устный язык, который постоянно изменяется, и на котором говорят представители различных классов, он не имеет автора; это – секретный язык цыган, используемый для обмана, злоупотребления, сквернословия; это – язык уличного юмора» [Hotten, 1972: 44, 52, 53]. Р. А. Спирс, составитель словаря американского сленга и исследователь субстандартной лексики, утверждал,

что сленг – язык, используемый непосредственно внутри небольших социальных групп и отражающий культуру маргинальных слоев общества [Spears, 1981]. Однако лексикограф признавал, что в настоящее время сферы употребления сленговой лексики расширяются, и она уже рассматривается «в качестве маркера объемного лексического пласта, существующего в противопоставлении стандартному или формальному языку» [Spears, 1991: 9].

Дж. Грин указывает на то, что лексема «сленг» произошла от скандинавского глагола «sling» – бросать и называет язык сленга «брошенным» языком. Помимо этого, понятие определяется следующим образом: «сленг – слова или узусы, не составляющие часть стандартного языка, используемые только очень неформально, особенно в устной речи...» [Green, 2008: 113]. В свою очередь, исследователь американского сленга М. Адамс описывает данное явление как «пороговый язык», потому как невозможно определить каким интересам и мотивам он подчиняется [Адамс, 2011].

В работах американских лингвистов выделяется социальный характер данного понятия и сленг представляется постоянно меняющимся набором разговорных слов и фраз, используемыми для установления или усиления социальной идентичности или сплоченности внутри группы [Eble, 2012]. Употребление сленга – это «употребление слова, а не его значения». Сленг необходимо относить к «непросто разговорному» языку, а включающему в себя элементы жаргона, диалектов, профессионального сленга, поскольку он не ограничивается рамками разговорного языка как раньше [Coleman, 2012].

Некоторые современные лингвисты считают сленговую лексику «продуктом» коммуникации молодых людей, обращая внимание на тот факт, что сленгу свойственна регулярная замена лексических единиц не только в связи с изменениями, происходящими в социальной среде. Также обновление данного языкового пласта обусловлено спектром интересов и эмоций, проявляемых молодыми людьми к окружающим реалиям. К числу ученых, придерживающихся данной точки зрения, относится Ф. В. Снегирев,

утверждающий, что «сленг – это набор постоянно трансформирующихся лингвистических средств высокой выразительной силы, которые используются в общении молодых людей, состоящих из знакомых, дружеских отношений» [Снегирев, 2018: 199].

Однако в исследовании «Литературный язык и нелитературные варианты языка» И. С. Трусовой подчеркивается, что сленг может пониматься более широко, чем просто язык молодого поколения. «В силу своей эмоционально-экспрессивной окрашенности, тяготению к шутке, иронии, присущим молодежи, сленговые единицы (слова и выражения) становятся привлекательными не только для молодых людей: им активно пользуются люди старшего поколения, интеллигенция, средства массовой информации» [Трусова, 2005:12-13].

Исходя из вышеописанных источников, необходимо отметить, что сленг, в первую очередь, – явление социальное, которое, с одной стороны, является маркером общения людей определенной возрастной категории и сленговую лексику в данном случае стоит относить к кодифицированному языку. С другой стороны – это признак поликультурной коммуникации, позволяющий сленгу, наряду с наличием таких свойств, как экспрессивность, экспансивность, современность и краткость, стать «этнолектом» в межнациональном дискурсе.

На основании вышерассмотренных тезисов, в частности опираясь на мнения А. В. Гусяковой [Гусякова, 2008] и И. С. Трусовой [Трусова, 2005:12-13], можно охарактеризовать сленг как язык, в настоящее время выходящий за рамки употребления конкретной группы, в силу нескольких отличительных особенностей, таких как: 1. эмоционально-экспрессивная коннотация, позволяющая использовать сленговую лексику в качестве универсального средства выражения чувств; 2. относительная прозрачность смысловых значений, способствующая постепенному расширению употребления сленговых лексем носителями определенной лингвокультуры.

Однако в некоторых работах сленг отождествляется с такими видами субстандартной лексики, как жаргон и арг. Следовательно, существует необходимость выделить термин «сленг» из перечня смежных понятий, обратив при этом внимание на черты сходства и различия между сленговой лексикой и языковыми элементами, присущими другим формам разговорной речи.

Несмотря на то, что современная лингвистика четко обозначает отличительные особенности литературного языка, единой точки зрения по вопросам, касающимся толкований видов нелитературной или внелитературной лексики в данный момент нет. В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под «внелитературной лексикой» понимаются слова и словосочетания, а также их отдельные значения, находящиеся за пределами литературного языка. К ним относятся диалектизмы, просторечия, вульгаризмы, жаргонизмы, арготизмы, сленгизмы [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011].

Стоит отметить, что данные языковые элементы в отдельных случаях могут пополнять литературную составляющую в качестве средств эмоциональности, экспрессивности или субъективной оценки. Зачастую именно маркированность подобной лексики является барьером в демаркации ее компонентов.

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «диалектизм» – слово или оборот речи из какого-либо диалекта, употребленное в литературном языке, соответственно «диалект» понимается как местная либо социальная разновидность языка [Ожегов, Шведова, 2003]. При определении данного понятия акцент делается на территориальной принадлежности, от которой зависит характер употребляемой лексики. Данная лексика не является частью литературного языка не только по причине ограниченного употребления, использования устной формы коммуникации, но также в силу того, что диалектизмам присущи различные фонетические,

грамматические и лексико-семантические особенности, имеющие отношения к определенному месту проживания.

Просторечие противопоставлено диалектной лексике по принципу независимости от географических рамок, тем не менее, языковые единицы, входящие в просторечный стиль общения, характеризуются нерегламентированностью, которая обуславливает реализацию общения лишь в ограниченных бытовых ситуациях. В Толковом словаре русского языка просторечие определяется как «речь малообразованных носителей языка; черты произношения, слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению» [Ожегов, Шведова, 2003: 944]. В данном случае просторечный тип речевой культуры указывает на то, что его носителями являются люди, не имеющие достаточного образования, которым свойственно употребление слов с фамильярно-грубоватым оттенком.

Фамильярно-грубая модель общения свойственна вульгаризмам, которые по определению, данному в Словаре иностранных слов, являются с точки зрения лингвистики пошлыми, грубыми словами или выражениями, употребленными в литературном языке [Словарь иностранных слов, 2006]. Для вульгарной лексики характерна стилистическая сниженность, которая представляет собой нарушение норм речевого этикета. Вульгаризмы могут быть элементами просторечия либо жаргона, однако жаргонную лексику отличают от вышерассмотренных видов некоторые особенности.

В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой «жаргон» представляет собой речь социальной или профессиональной группы, содержащая большое количество свойственных только такой группе слов и выражений, в том числе искусственных, иногда условных [Ефремова, 2000]. Соответственно, жаргонизмы – слова, также ограниченные рамками употребления и понятные определенному кругу людей. В состав жаргонной лексики, помимо единиц, характеризующихся экспрессивностью, входят профессионализмы, свойственные довольно большим объединениям людей,

относящихся к какой-либо специальности. В. В. Химик утверждает, что жаргон – полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового общества [Химик, 2000].

Принцип частичной открытости отличает жаргон от словарных единиц, относящихся к языку «арго», который определяется многими лексикографами как более закрытый тип устного общения. Арго понимается как язык социально замкнутой группы лиц, характеризующийся специфичностью используемой лексики, своеобразием ее употребления, но не имеющий собственной фонетической и грамматической системы [Ефремова, 2000]. В процессе исследования особенностей данной лексики внимание акцентируется на своеобразной секретности, что позволяет обозначать ее как «воровской, тюремный» язык. По словам Э. М. Береговской, арго – «деформированная речь, состоящая из произвольно выбираемых элементов, применяющихся отдельной группой с целью языкового обособления...» [Береговская, 1975: 11]. В Словаре лингвистических терминов «жаргон» и «арго» рассматриваются в качестве практически тождественных с разницей лишь в том, что арго «лишено пейоративного, уничижительного значения» в противоположность жаргонной лексике [Ахманова, 2012].

С точки зрения современного языкознания, между понятиями «жаргон», «арго» и «сленг» нет четкой демаркации, и они в некоторых случаях могут выстраиваться в один синонимичный ряд для взаимозамещения. Тем не менее, опираясь на толкование, данное жаргону и языку арго, можно сделать вывод о том, что арготической речи свойственна закрытость, и она может использоваться в качестве «тайного» языка общения, понятного узкому кругу людей. Жаргонная лексика имеет более широкое употребление в связи с большей вариативностью применения, однако остается понятной для определенных групп, связанных, зачастую, профессиональными интересами.

Возвращаясь к понятию «сленг», следует еще раз обратиться к определениям, предложенным А. В. Гусяковой [Гусякова, 2008] и И. С.

Трусовой [Трусова, 2005:12-13], в которых отмечено, что сленг является совокупностью различных условий организации языковых элементов. Это свойство характеризует его семантическую доступность и прозрачность языковых единиц, посредством которых сленговая лексика может интегрироваться в коммуникацию практически любой социальной сферы. Помимо этого, сленг, обладает множеством функций, среди которых – когнитивная, номинативная и коммуникативная [Иванова, 1990]. Такие особенности отделяют сленговую лексику от форм нелитературного языка, в частности, от арго и жаргона, и позволяют ей служить инструментом межличностного общения, выходя за пределы конкретного сообщества.

Акцентируя внимание на различиях, присущих последним трем типам субстандартной речи, следует отметить, что арго, жаргон и сленг являются синонимами отчасти, образуя своеобразные «ступени» понятности восприятия языковых единиц: арго – «закрытый» ограниченный язык, доступный относительно небольшому контингенту. Жаргон – «полуоткрытая» лексика, употребляемая большим количеством носителей языка в виду более широкого диапазона лексического проникновения, но, несмотря на это, свойственная определенным социальным группам. Сленг – лексика, также относящаяся к использованию каким-либо социумом, но, благодаря относительной прозрачности и открытости словоформ, попадающая в коммуникацию вне рамок данного сообщества.

Интенсивное развитие и распространение сленга в современном русском языке способствует более детальному изучению этого феномена с точки зрения не только современной лингвистики, но и психологии. Сленг – по сути, явление уникальное в силу своих специфических черт, а также в силу многогранности его употребления. Гибкость и неоднородность структуры обуславливает необходимость анализировать сленговую лексику не только с точки зрения лексикологии и лексикографии, но и рассматривая сленг через призму фонетических, морфологических, словообразовательных и синтаксических аспектов языковой системы. Кроме того, следует обратить

особое внимание на ряд социальных факторов, влияющих на появление и формирование сленговой лексики. Существование сленговой лексики в языке обусловлено целым рядом аспектов, которые определяют ее характер и специфику. Одной из основных причин возникновения современного сленга является развитие цифровых технологий, а именно увеличение количества различных интернет-ресурсов, которые включают в себя огромное количество заимствованной из английского языка лексики, относимой в последствие к числу сленгизмов.

Функционирование сленга, в том числе молодежного сленга, объясняется несколькими причинами, первая из которых заключается в самовыражении и идентификации личности. Кроме того, большую роль в реализации сленговой лексики играет коммуникация внутри определенных социальных групп, количество участников которых регулярно расширяется. Стремление к быстрой общению и экономии языковых ресурсов также влияют на образование единиц сленговой лексики, которая, помимо всего прочего, служит для выражения позиции протеста и нонконформизма, подчеркивая оппозицию с традиционными ожиданиями и стереотипами. Помимо всего прочего, современная поп-культура, медиапространство и глобализация оказывают огромное влияние на динамику возникновения сленга, поскольку за основу общения зачастую могут использоваться слова и фразы популярных медийных личностей, а также англоязычные лексемы, регулярно проникающие в принимающий язык в результате межкультурных контактов [Чимбергонов, 2023]. Репрезентация групповой идентичности и культурной принадлежности находит свое отражение в сленге, поскольку сленг выступает в качестве инструмента самовыражения и социальной идентификации в условиях окружающих реалий, которые стирают границу между виртуальным миром и миром реальным [Резникова, Погребисская, 2024].

Исходя из рассмотренного выше материала, можно сделать вывод о том, что основными экстралингвистическими факторами, влияющими на распространение сленговой лексики, является, прежде всего, стремление к

самовыражению и идентификации с целью отделить себя и свое мнение от традиционных установок общества. Экономия языковых средств также является важной причиной использования сленгизмов, поскольку это позволяет максимально упростить общение и сделать его более быстрым. И в заключение, необходимо отметить, что современный сленг – продукт межкультурного социально-коммуникативного взаимодействия, воздействующего на его развитие как посредством заимствованных из английского языка единиц, так и при помощи лексем исходного языка, которые в процессе метафорического переосмысления становятся неотъемлемой частью сленговой лексики и проникают в повседневную коммуникацию.

1.2. Понятие «молодежный сленг» и проблема его дифференциации в социолингвистических исследованиях

С точки зрения социолингвистики, изучение молодежного сленга – это, прежде всего, анализ сверхязыковых факторов, влияющих на его существование и распространение. Такими факторами выступают реалии современного общества, которые формируют основной корпус лексики молодого поколения, поскольку сам термин «социолингвистика» предполагает исследование взаимодействия языка и социальных условий его существования благодаря применению некоторых понятий, относимых к таким наукам, как социология и социальная психология. В связи с этим, исследование специфики такой категории сленга как молодежный сленг является актуальной проблемой для социолингвистики, так как сленг является отражением культурных и социальных изменений окружающей действительности [Воронцова, 2024].

Исследованием молодежной сленговой лексики в социолингвистическом контексте занимались такие лингвисты, как О. Д.

Миралаева [Миралаева, 1994]; Н. В. Целепидис [Целепидис, 2009]; А. В. Рудковская [Рудковская, 2013]; В. Д. Бондалетов [Бондалетов, 2019]; Ю. А. Воронцова [Воронцова, 2024] и другие.

По мнению О. Д. Миралаевой, суть социолингвистического подхода к изучению молодежного сленга заключается в наблюдении за речевым поведением различных социальных групп и отдельных субъектов. В рамках данного подхода ученый выделяет аспекты, которые позволяют провести всесторонний анализ данного субстандарта. В первую очередь, внимание акцентируется на структурном описании сленговой лексики и сопоставлении различных ее вариантов. Кроме того, большое значение в исследовании социолингвистических особенностей молодежного сленга имеют динамика его развития, а также ситуативная вариативность, характеризующая употребление сленга в зависимости от параметров коммуникативной ситуации [Миралаева, 1994].

Объединение лингвистических и социолингвистических параметров – обстоятельств, оказывающих влияние на развитие языка в рамках социума, трактуется как сленг, поскольку именно социолингвистические особенности определяют семантику молодежного сленга, оказывая влияние на смысловую составляющую при перемещении словарной единицы из литературного языка в разговорный [Рудковская, 2013]. Молодежный сленг – объект изучения социолингвистики, в рамках которой он рассматривается в качестве социолекта, а именно языка определенной социальной группы, в данном случае, молодежной [Савельев, 2018].

В рамках современных научных исследований в области психологии и социологии актуальным является вопрос об определении возрастных границ социально-демографической группы, представителями которой выступает молодежь, так как она характеризуется как с точки зрения движущей силы общества, так и с точки зрения стратегически важного ресурса для дальнейшего развития социальной структуры и государства в целом.

Однако стоит отметить, что формирование самого определения «молодежь» в науках, изучающих личность человека и ее связь с социумом, имеет определенные трудности, поскольку у многих ученых, занимающихся изучением психологических характеристик данной социальной группы, нет единого мнения по поводу концепции этого термина.

К трактовке такого понятия, как «молодежь», существует несколько подходов, первый из которых опирается на положение, что молодое поколение – это совокупность индивидов, временно пребывающих в определенной возрастной категории [Плугарь, 2015]. Именно временный характер исследуемого понятия мотивирует личность на совершение конкретных действий с целью получения определенного статуса в обществе и собственного самоопределения. С позиции неотъемлемой части глобального социума, молодежь представляет собой множество групповых общностей, возникающих на основании возрастных критериев и относящихся к ним социально-психологических особенностей. В более конкретном понимании, обоснование данного термина исходит, прежде всего, из социально-демографической специфики, которая рассматривает молодежь как группу людей, обусловленную не только возрастом, но и положением, функциями, деятельностью внутри социального устройства, а также системой ценностей и интересов [Там же].

При изучении отличительных черт молодого поколения от населения в целом следует обращать внимание на особый социальный статус, присущий данной группе. Он определяется возрастным порогом, ролевыми характеристиками, кругом увлечений, и позволяет использовать понятие «молодежь» для номинации субкультуры, обуславливающей внутри себя определенную организацию мышления, установок, моделей поведения и стереотипов [Там же]. В контексте социологической и поведенческой парадигм, одной из основных концепций этого определения являются возрастные рамки, позволяющие относить человека на определенном этапе жизненного цикла к молодому поколению.

Тем не менее, несмотря на это, общепринятых, четких границ, определяющих возраст молодых людей, не существует. Это связано с рядом социальных, экономических, политических, этнических, а также демографических факторов.

Стратегия государства в данный момент ориентируется на максимально продолжительную помощь молодежи на их пути социального становления. По этой причине, ряд нескольких государств относительно недавно увеличил возраст молодого населения до 30-35 лет. Российская Федерация относится к числу таких стран, поскольку новая формулировка закона №489-ФЗ от 30.12.2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» гласит о том, что верхняя граница возраста молодых людей повышается до 35 лет включительно, тогда как нижняя граница остается неизменной – 14 лет.

По мнению Н. Ю. Журавлева, категория людей, относимых к молодежи до 35 лет, имеет собственную внутреннюю структуру, касающуюся возрастной специфики, так как подгруппы, составляющие эту часть социального контингента, имеют различные возрастные диапазоны и, согласно этому, каждая из них оказывает уникальное влияние общее устройство этого общественного класса. Самой малой составляющей в категории молодого поколения является сегмент населения от 20 до 24 лет, который составлял в 2021 году всего 22 %. Средний показатель численности, составляющий 28, 4 %, по словам исследователя, имели люди в возрасте от 25 до 30 лет. Самое многочисленное звено, по данным ученого, на 2021 год, входящее в рамки молодого поколения, представляли люди, чей возраст варьировался от 30 до 35 лет и численный показатель которых достигал на момент исследования 32,3 % [Журавлев, 2021].

Возрастная категория молодых людей выступает в качестве основного критерия формирования понятия «молодежная субкультура», которое обуславливает динамику сленговой лексики в условиях данной социальной группы.

С точки зрения отечественной науки, под молодежной субкультурой подразумевается культура определенного поколения молодых людей, объединенного общностью интересов, единством стиля жизни, идентичностью норм поведения, стереотипов и ценностей [Александров, 2008]. Однако среди ученых существует мнение о том, что молодежная субкультура – понятие универсальное, представляющее совокупность множества молодежных субкультур с определенным мировоззрением и системой ценностей, находящихся отражение в специфике поведения [Соколова-Сербская, 2008]. Соответственно, если опираться на данное определение, молодежную субкультуру можно воспринимать как молодежную культуру на основании особенностей мироощущения молодых людей и отличия их мышления и образа жизни от более взрослых поколений.

В процессе анализа специфики молодежной субкультуры многие ученые выделяют среди аспектов ее изучения аксиологический подход, направленный на выявление ценностных ориентаций современного молодого поколения, поскольку он не только наиболее объективен в оценке закономерностей существования этой социальной группы, но и может выступать как способ, объединяющий множество методов и методик, тем самым, позволяющий сформировать более глубокое суждение о молодежной субкультуре и решить ряд проблем, связанных с ее исследованием. Рассмотрение молодежной субкультуры с различных точек зрения – важная задача для многих наук, так как молодежная субкультура выступает ключевым фактором становления и успешной инклюзии молодых людей в современное общество [Бреус, 2021].

Самопрезентация и самореализация молодых людей, являющихся основными представителями молодежной субкультуры, находит свое отражение в используемом ими языке, поскольку процесс мышления человека напрямую связан с той или иной формой речи как инструмента реализации когнитивной деятельности. Специфическая форма речи, обуславливающая закономерности существования молодежной субкультуры, подразумевает под собой молодежный сленг, получивший широкое распространение в

современном обществе благодаря тому, что молодежная социокультурная группа является самой многочисленной из всех известных общественных течений. Молодежный сленг является социально-маркированным пластом, отличающимся динамичностью и возрастной спецификой молодежных субкультур, в то время как общий сленг представляет собой языковое явление, куда проникают лексические единицы из разных узких областей. Так как носители молодежного сленга – представители самой социально активной части общества, сленговая лексика довольно быстро может проникать в разные подсистемы, включающие разговорную речь, в связи с этим, молодежный сленг может характеризоваться широким кругом носителей. Тем не менее, молодые люди, регулярно употребляющие в своей речи сленг, становятся главными его носителями и делают его частью лингвокультурного кода [Библиева, 2007].

Поддерживает эту точку зрения и Д. В. Анохина, утверждающая в своей работе, что сленг выступает в качестве ключевого компонента коммуникативного поведения в контексте молодежной субкультуры, поскольку сленговая лексика отражает образ жизни молодых людей и их социальные запросы, а также их творческий потенциал [Анохина, 2017].

Молодежный сленг, по мнению некоторых ученых, является универсальным социолингвистическим феноменом, так как выявляет, прежде всего, возрастную классификацию, сходство отношения к жизни и ценности как фактор коммуникативного сближения определенного круга людей. Таким образом, у представителей молодежной субкультуры формируется групповой идентичности и единства, что позволяет данному микросоциуму существовать в соответствии с собственно установленными нормами [Петрова, 2020]. Другими словами, молодежный сленг понимается как отражение содержания субкультуры, включающее ценностные ориентиры той или иной молодежной группы, поскольку анализ сленга молодых людей позволяет получить полное представление об их личности, опираясь на наполнение, структуру и частоту употребления определенных лексических единиц [Десяев, 2023].

Обращаясь к более подробной трактовке понятия «молодежный сленг», следует отметить, что его определение на данном этапе общественного развития является наиболее актуальной проблемой, поскольку молодежный сленг, с позиции социолингвистики и лингвистики в целом, представляет собой языковой феномен, требующий разностороннего исследования. В рамках социолингвистического анализа вопросом детерминации понятия занимались такие отечественные ученые, как Л. П. Крысин [Крысин, 1989]; О. Д. Миралаева [Миралаева, 1994]; В. В. Химик [Химик, 2000]; В. И. Карасик [Карасик, 2002]; Э. М. Береговская [Береговская, 2002]; Н. О. Орлова [Орлова, 2004]; А. А. Арустамова [Арустамова, 2006]; А. Т. Липатов [Липатов, 2010]; А. В. Рудковская [Рудковская, 2013]; Н. А. Ломова [Ломова, 2015]; К. В. Зоркина [Зоркина, 2021]; С. Р. Оноприенко [Оноприенко, 2023] и другие.

По мнению Л. П. Крысина, молодежный сленг – разновидность жаргона, носителями которой могут выступать учащиеся и молодежь от 22 до 35 лет. Данное явление в языке является социально значимым, поскольку служит инструментом общения для достаточно многочисленных групп носителей языка и некоторые его элементы со временем проникают в литературную речь [Крысин, 1989]. Понятие «молодежный сленг» характеризуется, прежде всего, возрастной спецификой и трактует молодежный сленг как слова, употребляемые только людьми определенного возраста, заменяющие привычную лексику и отличающиеся разговорным или грубо-фамильярным оттенком. Носителями подобной лексики чаще всего выступают школьники, студенты и молодежь [Миралаева, 1994]. Соответственно, когда речь идет о молодежном сленге, он представляется как уникальное и амбивалентное явление в современном языке, потому как к детерминации данного понятия целесообразно применять два подхода одновременно. В широком смысле молодежным сленгом принято считать все неформальные языковые процессы, характерные для молодых людей от 14 до 35 лет и частично унаследованные из разговорного языка предыдущих поколений. В узком же смысле «молодежный сленг» – словарные единицы, возникшие в конкретный период

времени и свойственные исключительно определенной возрастной группе молодых людей. Другими словами, лексика, именуемая молодежным сленгом, существует «здесь и сейчас» [Чжан, 2024: 53].

Отрицая роль исключительно возрастного фактора в создании сленгизмов, Э. М. Береговская в своей работе, посвященной формированию и функционированию рассматриваемого явления, дает следующее определение молодежному сленгу: молодежный сленг, согласно ее суждению, подразумевает под собой интереснейший лингвистический феномен, существование которого сосредоточено в пределах не только возрастных, но и социальных, временных и пространственных параметров. Сленговая лексика, употребляемая молодыми людьми, имеет статус социального диалекта, который использует ресурсы общенационального языка и опирается на его фонетическую и грамматическую структуры [Береговская, 2002].

Вне всякого сомнения, молодежным сленгом может быть обозначен индекс социального статуса, отражающий межличностные отношения, интересы, действия и поведение, связанное с проявлением характера молодых людей. В таком ключе молодежный сленг рассматривает В. И. Карасик, который делает акцент на том, что роль молодых людей в обществе репрезентируется посредством лексики, ими воспроизводимой [Карасик, 2002]. Социальная природа происхождения молодежного сленга также подчеркивается и другими лингвистами, отмечающими, что молодежный сленг следует понимать, как словарь «открытого» социолекта, который существует на базе литературного языка и развивается на основании социально-речевого единства конкретной группы носителей языка. Молодежный сленг характеризуется пейоративной коннотацией в силу того, что он, по сути, является интерпретированной по смыслу, экспрессивно-сниженной лексикой [Арустамова, 2006].

Кроме того, феномен молодежного сленга может восприниматься как один из способов репрезентации специфической картины мира, устанавливающей собственные нормы морали и нравственные идеалы,

отличные от традиций современного общества [Ершова, 2023]. Отражение картины мира определенной части общества еще раз подчеркивает социально-языковой характер сленговой лексики молодого поколения, основанный на том, что понятие «молодежный сленг» подразумевает под собой социальный диалект молодых людей, существование которого обусловлено потребностью молодежи, во-первых, оградить межличностную коммуникацию с ровесниками от представителей более старшего возраста, а во-вторых, сделать неформальное общение более быстрым и удобным. Сленг выступает явлением сложным, но в то же время, неизбежным, поскольку представляет собой неотъемлемую часть молодежной речевой культуры миллениалов – людей, рожденных в 1982-1990 гг. – и зумеров, родившихся после 1996 г. [Максимова, 2023].

Современный молодежный сленг представляет собой большое количество лингвистических словообразований, которые можно назвать феноменальными, поскольку в него регулярно проникают новые лексемы, зачастую приходящие на смену общепринятым обозначениям существующих реалий. Это влияет на популяризацию его распространения среди людей разных возрастных категорий и социальных статусов [Калюк, 2024].

Рассмотрев позиции по вопросу исследования молодежного сленга некоторых отечественных ученых, целесообразно обратиться к изучению данного явления в рамках зарубежной лингвистики для более глубокого рассмотрения теоретической составляющей описываемого понятия.

Первые признаки молодежного сленга обозначили в своих трудах Б. Холл и Л. Бэгс, классифицировавшие специфическую разговорную лексику по тематическому признаку и при этом отметившие, что подобная лексика распространена в студенческой среде. По мнению Э. Партриджа, эти исследования положили начало изучению студенческого сленга [Partridge, 1972]. Рассуждая о молодежной сленговой лексике, М. Халидей называет ее антиязыком и считает секретным кодом, живущим вне правил какой-либо субкультуры [Halliday, 1978]. Молодежный сленг – специальный переходный

и возрастной язык, занимающий временное место в жизни человека. Несмотря на то, что молодежный сленг не может претендовать на роль особого языка в западноевропейской лингвистической науке, он, тем не менее, носит характер относительно сложной разновидности унифицированного языка, поскольку имеет свойства стиля речи молодежных сообществ [Леффлер, 1985]. Хотя молодежный сленг не имеет строгого определения, он отличается разнообразием и динамичностью, а также наличием необычных сокращений и заимствований из разных иностранных языков [Glück, 2005].

Учитывая вышеизложенное, молодежный сленг выделяется в автономную лингвистическую категорию и понимается как особая форма языка, подверженная влиянию социальных сетей и включающая в себя по большей части исключительно иностранные слова, употребляемые подрастающим поколением [Васильева, 2022]. Помимо этого, молодежная сленг выступает как часть автономной денотативной системы знаков, которая помимо особенностей языка включает в себя определенный стиль одежды и поведенческие установки. Молодежный сленг является неотъемлемым звеном социального диалекта, основанном на молодежном языке – многонациональным молодежным диалектом.

Однако, если анализировать молодежный язык с позиции языка субкультуры, также необходимо подчеркнуть социальную позицию носителей молодежного сленга: их обособление от старшего поколения и внутреннее разграничение коммуникативного пространства, связанное, возможно, с выделением сленговой лексики из корпуса национального родного языка. Кроме этого, молодежный сленг разделяется на молодежные языковые стили, опирающиеся на использование ресурсов общепринятого немецкого языка, в тоже время, являющиеся маркером экспрессивности и обретающие новый смысл и частотность употребления. В связи с этим, молодежный язык служит отражением восприятия, ориентированного на многоаспектное использование языка в зависимости от ситуации [Трошина, 2020]. Поэтому молодежный сленг зачастую может носить также и игровой характер, поскольку включает

в себя метафоризацию, гиперболизацию, юмор, иронию, а также язык жестов помимо разговорного [Бросс, 2022].

Учитывая все вышеперечисленные определения, характеризующие понятие «молодежный сленг», наиболее объективной выступает трактовка А. А. Васильевой [Васильева, 2022], которая утверждает, что под молодежным сленгом подразумевается автономная лингвистическая категория или форма языка, зависящая от деятельности социальных сетей и включающая в свой состав в большинстве случаев заимствованную лексику преимущественно из английского языка, понятную молодому поколению. Подобный выбор определения исследуемого понятия, в первую очередь, аргументирован тем, что сетевые ресурсы, образующие в совокупности интернет-дискурс, безусловно являются одним из главных механизмов распространения сленговой лексики среди молодых людей. На данном этапе развития общества расширение лексического состава молодежной сленговой лексики, а также ее разностороннее функционирование обусловлены зачастую использованием интернет-дискурса.

Однако функции, выполняемые молодежным сленгом, невозможно ограничить рамками одного лишь виртуального пространства, их реализация напрямую связана с возникновением и развитием сленга молодых людей.

Исследованием специфики функционирования молодежной сленговой лексики занимались такие ученые, как Г. Р. Иванова [Иванова, 1990]; Э. М. Береговская [Береговская, 2002]; О. Е. Андросова [Андросова, 2006]; Н. С. Иванова [Иванова, 2007]; К. В. Зоркина [Зоркина, 2021]; Н. О. Орлова, О. Ю. Богданова [Орлова, Богданова, 2021]; Л. Е. Большанина [Большанина, 2023] и другие.

С точки зрения некоторых ученых-языковедов, при анализе особенностей молодежного сленга, возможно выделять такие функции, как номинативно-коммуникативную – поскольку потребность в наименовании реалий действительности является первостепенной задачей любой коммуникации; эмоционально-оценочную (экспрессивную) – направленную

на выражение чувств и эмоций; номинативную – способствующую заполнению терминологических лакун; мировоззренческую – передающую жизненную позицию говорящего; эзотерическую – где сленговая лексика представлена как средство обособления определенной группы; функцию экономии времени, представляющую собой важный аспект молодежного общения [Иванова, 1990].

В работе Э. М. Береговской «Молодежный сленг: формирование и функционирование» описывается специфика следующих функций молодежного сленга: демонстративная функция обусловлена привлечением внимания к собственной личности; корпоративная функция сленга указывает на принадлежность к определенной корпорации с профессиональной направленностью; функция творческого самовыражения является инструментом репрезентации творческого потенциала носителя сленговой лексики; депрециативная функция служит для выражения иронического оттенка в общении с родителями и старшим поколением; криптолалическая функция отвечает за представление молодежного сленга в качестве тайного языка [Береговская, 2002].

Н. С. Иванова в диссертации «Молодежный жаргон в культурологическом освещении» описывает коммуникативную, номинативную, когнитивную и экспрессивную функции молодежного сленга, где коммуникативная функция представляет сленг как средство общения людей, номинативная функция выполняет роль номинации современных реалий, когнитивная функция выражается в том, что сленгизмы – носители дополнительной информации об окружающей действительности; экспрессивная функция является средством выражения субъективного эмоционального восприятия мира [Иванова, 2007].

Развитие и распространение молодежной сленговой лексики, по мнению некоторых исследователей, обусловлено шестью функциями, которые она выполняет. Первой функцией является коммуникативная, предназначенная для обмена информацией. Вторая функция – функция идентификации,

помогающая молодым людям почувствовать себя частью определенной группы. Эмоционально-экспрессивная является третьей функцией и направлена на выражение чувств и эмоций с положительной и отрицательной коннотацией. Следующая функция – оценочная, выражающая отношение говорящего к человеку, предмету или явлению действительности. В качестве пятой функции выступает творческая, проявляющаяся в специфическом словотворчестве, связанном со стремлением к самовыражению. Шестая функция – манипулятивная, помогающая оказать определенное давление на собеседника и выразить намерение говорящего [Андросова, 2006].

Рассматривая различные подходы к описанию функций молодежного сленга, в качестве основных можно выделить коммуникативную, номинативную, экспрессивную и когнитивную. В качестве дополнительных существуют такие функции как мировоззренческая, сигнальная и функция психологической разгрузки. Главной функцией молодежной сленговой лексики является экспрессивная, потому как сленг представляет собой динамичный, разговорный слой языка, имеющий экспрессивный оттенок в силу своего грубовато-фамильярного характера [Швецова, 2016].

В процессе описания функциональной значимости молодежного сленга выделяются пять его основных функций, среди которых коммуникативная, номинативная, когнитивная, эмоционально-оценочная и мировоззренческая [Мужикова, 2019]. С позиции Н. О. Орловой и О. Ю. Богдановой, базовыми функциями молодежного сленга являются демонстративная функция, корпоративная функция и функция творческого самовыражения. Демонстративная функция молодежного сленга выделяется в связи с потребностью молодого поколения проявить себя, найти способы самовыражения. Корпоративная функция указывает на принадлежность говорящего к той или иной социальной группе, а творческая функция позволяет определять сленговую лексику в качестве средства создания новых слов [Орлова, Богданова, 2021].

В качестве одной из основополагающих выступает функция идентификации как инструмент установления социальных и возрастных связей между участниками беседы, коммуникативную функцию, эмоционально-экспрессивную функцию и оценочную функцию. Вместе с тем, значимыми, раскрывающими молодежный сленг как современный лингвистический феномен, являются коммуникативная и эмоционально-экспрессивная функции [Большанина, 2023].

На основании различных подходов к выделению основных функций молодежного сленга, можно сделать вывод о том, что определяющими для распространения и динамики молодежной сленговой лексики являются такие функции как номинативная – номинация, в том числе переосмысленная, реалий окружающей действительности, а также заполнение новыми обозначениями лакун литературном языке; коммуникативная – включающая в себя идентификацию языковой личности и установление связи между участниками молодежной группы; когнитивная – влияющая на способы реинтерпретации и формирования картины мира посредством сленговой лексики; эмоционально-экспрессивная и оценочная функции – способствующие выражению субъективного отношения к предмету речи посредством восприятия и оценивания на эмоциональном уровне.

1.3. Лингвоаксиологический подход к изучению молодежного сленга

Сленговая лексика отражает не только стремление молодых людей к идентификации, самовыражению и определению роли в современном социуме, но также и их мировоззрение, возникающее на основании восприятия и интерпретирования явлений действительности. Подобные когнитивные процессы формируют аксиологическую специфику молодежного сленга, поскольку каждый окружающий объект требует оценочной характеристики с положительной либо отрицательной позиций.

Лингвоаксиологический подход к изучению сленга молодых людей зачастую рассматривается в трудах лингвистов, представляющих сленговую лексику в качестве репрезентанта ценностной картины мира конкретной социальной группы. Соответственно, в рамках такого подхода ведется исследование сленгизмов, употребляемых молодыми людьми, через призму их функций, отвечающих за выражение экспрессивности, эмоционально-оценочного потенциала и ценностной парадигмы [Карамова, 2024].

Под термином «лингвистическая аксиология» или «лингвоаксиология» понимается междисциплинарная научная область, в рамках которой происходит изучение ценностных установок сознания человека, отражаемых в вербальной коммуникации, поскольку ценности выступают в качестве неотъемлемого элемента всякой деятельности, в том числе и научного познания [Ивин, 2010]. По этой причине аксиологический аспект освещается довольно широко, как в языкознании в целом (А. Р. Аракелова [Аракелова, 2017]; Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988]; Г. И. Берестнев [Берестнев, 2009]; Е. М. Вольф [Вольф, 2002]; А. А. Ивин [Ивин, 2010]; В. В. Катермина [Катермина, 2023]; Т. В. Маркелова [Маркелова, 2019]; М. С. Милованова, К. Я. Сигал, В. И. Карасик [Милованова, Сигал, Карасик, 2022]; Е. Н. Овчаренко [Овчаренко, 2022]; С. Г. Павлов [Павлов, 2013]; Е. Ф. Серебрянникова [Серебрянникова, 2011]; А. А. Терехова [Терехова, 2024]; А. И. Хлопова [Хлопова, 2025] и др.), так и в контексте исследования молодежного сленга (М. К. Абайдельданова, Р. Гусман Тирадо [Абайдельданова, Гусман Тирадо, 2024], И. А. Ваулина [Ваулина, 2022]; Е. С. Волоснова [Волоснова, 2024]; А. В. Кириллова [Кириллова, 2018]; Л. В. Коцюбинская [Коцюбинская, 2015]; С. В. Лазаревич [Лазаревич, 2016]; Л. А. Пасечная, В. Е. Щербина [Пасечная, Щербина, 2022]; Е. И. Попова [Попова, 2021]; Е. А. Рубцова [Рубцова, 2009]; П. С. Ухова [Ухова, 2017] и др.).

С точки зрения Н. Д. Арутюновой, разработавшей концепцию лингвоаксиологии, суть данной дефиниции, с одной стороны, заключается в анализе языковых явлений и речевой деятельности человека,

воспринимаемого как источник информации о ценностных установках всего общества, с другой стороны, под лингвоаксиологическим подходом понимается изучение языка и процесса общения относительно вариативности существующих ценностей, направленное на обнаружение новых свойств языка и речи. Следовательно, цель лингвоаксиологической классификации состоит в том, чтобы реконструировать аксиосферу языковой картины мира, а также аксиосферы различных социолектов, где аксиосферой, по определению ученого, является система ценностных концептов, отражающихся в языковых единицах и характерных для определенной социальной группы либо конкретного носителя языка [Арутюнова, 1988].

Формирование понятия «лингвоаксиологический подход» стало возможным благодаря трудам Е. М. Вольф, исследовавшей языковые способы репрезентации ценностей и оценок. По ее мнению, принцип лингвоаксиологического подхода обусловлен изучением системы разноуровневых языковых средств, осуществляющих функцию оценки, поскольку под оценкой следует понимать универсальную языковую категорию, представляющую собой экспликацию ценностной позиции субъекта к объекту в языковом воплощении. Кроме того, в рамках лингвоаксиологического подхода основополагающим фактором является единство ценностей и оценки в качестве механизма единства аксиологического восприятия субъекта речи [Вольф, 2002]. Таким образом, совокупность оценочных категорий, которыми располагает языковая личность формируется на основании присущих ей ценностных ориентиров, направленность которых обусловлена культурным кодом и социальными условиями. Иными словами, оценка как выражение субъективного отношения к предмету речи напрямую зависит от мировоззрения носителя языка и его нравственных установок.

Аксиологическую лингвистику необходимо детерминировать как область междисциплинарного знания, изучающую репрезентацию ценностей сквозь призму языка. Ценностная картина мира, воплощенная в семантике

языковых единиц, по мнению ученого, выступает в роли объекта лингвоаксиологического исследования, а предметом является комплекс лексических и фразеологических единиц, на основании содержания которых можно сделать вывод о ценностных приоритетах определенной культурной общности [Карасик, 2009].

Разработкой аксиологического подхода в лингвистике занимался также А. А. Ивин, указывающий на то, что лингвоаксиология ставит задачей изучить аксиологическую (оценочную) функцию языка и языковые ресурсы, при помощи которых реализуется эта функция: осуществляется реификация оценок, ценностей и связанных с ними суждений в процессе речевого акта. Вместе с тем, подчеркивается важность синкретизма ценности и оценки, поскольку субъект, характеризуя конкретный объект, всегда руководствуется едиными ценностно-оценочными установками [Ивин, 2010].

Наряду с этим, изучение языка с позиции лингвоаксиологии дает возможность не только исследовать речевую деятельность отдельно представленных личностей или социума, в котором эти личности выполняют определенные функции. Лингвоаксиология позволяет проводить подробный сравнительный анализ нескольких языков с целью выявления сходств и различий ценностных установок, отраженных в языковой картине мира сопоставляемых лингвокультур, что обуславливает роль и растущий авторитет данного междисциплинарного знания в гуманитарном, в особенности, филологическом, научно-образовательном пространстве [Беккер, 2015].

Ценностно-оценочный характер воспринимаемой информации является постоянной составляющей любой человеческой деятельности, как уже отмечалось выше. Это предполагает изучение аксиологического компонента институциональной коммуникации с различных точек зрения, так как каждый дискурс – своеобразная актуализация определенных ценностей и оценочных установок [Аракелова, 2017]. Несмотря на то, что денотаты «ценность» и «оценка» тесно связаны между собой и являются сегментами

аксиологического подхода, между ними существует разница, заключающаяся в относительной разнонаправленности данных понятий. Термин «ценность» отражает предмет оценки, тогда как «оценка» – процесс оценивания, в результате которого определяется ценность предмета речи [Скопич, 2007].

Необходимо подчеркнуть, что основными понятиями аксиологии могут являться не только «ценность», «оценка», но и «ценностная система», «оценивание», «оценочность», «самооценка». Вместе с тем, отмечается, что центральным звеном лингвоаксиологии выступает аксиологическая функция – языковой материал, служащий для вербализации ценностно-ориентированных принципов человека. Выявления ценностных ориентаций или этических стандартов происходит на основании классификации носителя ценностей: это могут быть личностные, групповые либо общечеловеческие ценности. Под системой ценностей подразумевается способ организации картины мира, потому как ценностные ориентации рассматриваются в качестве устойчивого стандарта, регулирующего поведение языковой личности. Следовательно, целью аксиологической лингвистики необходимо считать установление и описание нравственных принципов социума [Овчаренко, 2022].

На важность аксиологической составляющей в лингвистике указывает в своих работах В. В. Катермина, рассуждая об изучении ценностных ориентиров носителей языка посредством анализа языковых средств, «присутствующих во всех языках и на всех языковых уровнях» и выражающих оценочное отношение к действительности [Катермина, 2022: 2]. Иначе говоря, результат оценочного взаимодействия объективной реальности и человека воплощается в речь благодаря языковому потенциалу, позволяющему субъекту оценивать те или иные предметы и явления окружающего мира [Там же]. Исходя из вышеизложенного, лингвоаксиологический подход – репрезентация ценностей посредством языка, а его цель состоит в выявлении постоянных и непостоянных ценностных категорий как различных народов, так и общенационального сознания, включающего стандарты поведения,

нравственные устои и культурное наследие конкретного этноса [Финская, 2023].

Система ценностей любой лингвокультуры складывается в течении долгого времени и реализуется зачастую строго определенными, незыблемыми доминантами, отражающими основные нравственные установки носителей языка. Однако развитие общества предполагает замену некоторых ценностных стандартов, связанную, прежде всего, со сменой поколений. Каждое новое возрастное звено создает, помимо постоянных, собственные идеологические устои, которые передают совокупность принципов мировоззрения молодых людей.

Становление мировоззренческих приоритетов способствует структуризации системы ценностей молодежи, которая во многом зависит не только от наличия культурного кода, но также и от динамики современных тенденций, оказывающих огромное влияние на развитие личности молодых людей. Учитывая многочисленные условия социально-культурного характера, обуславливающие вектор молодежного миропонимания, в некоторых работах подчеркивается, что на данный момент молодое поколение еще не сформировало единый алгоритм ценностной картины мира и ее представления о ценностях являются весьма разрозненными, поскольку многие молодые люди уверены в том, что в современном обществе нет того нравственного идеала, которого можно рассматривать в качестве примера воплощения духовных ценностей [Гончар, 2023].

В. И. Карасик придерживается аналогичного мнения, отмечая, что, с одной стороны, в восприятии молодых людей главными жизненными ценностями традиционно могут оставаться семья, друзья и здоровье постепенно дополняясь такими критериями как интересная работа, материальное благополучие и справедливость. С другой стороны, ценностные ориентиры, представляющие собой цели человеческой жизни, снизили свое значение и превратились в средства достижения, что привело к примитивизации жизненных приоритетов [Карасик, 2024]. Однако

современной молодежи удалось сохранить структуру базовых ценностей, к числу которых относятся семья, безопасность родных, выстраивание взаимоотношений с близкими людьми, наряду с формированием таких ценностей как карьера, социальный статус и возможность для творческой самореализации [Ильиных, 2025].

Ценностная картина мира молодежи непосредственно находит свое отражение в языке, который является инструментом передачи восприятия объектов действительности. В связи с этим, стоит рассмотреть лингвоаксиологический аспект применительно к такому социолекту как молодежный сленг, поскольку именно сленговая лексика молодых людей, на наш взгляд, является актуальным способом оценивания общественных реалий и окружающих людей. Кроме того, ее развитие, функционирование и смысловое наполнение напрямую зависит от ценностей, формирующихся у молодого поколения. Язык общения молодежи не просто включает в себя отдельные ценностные критерии и сопутствующие им критерии оценочности, а по большей части состоит из ценностно-ориентированных вербальных компонентов, формирующих систему восприятия и отношения к предмету речи, которые функционируют как в повседневном общении, так и в рамках интернет-дискурса.

Развитие языка молодого поколения напрямую зависит от развития общества, а понятие «молодежный сленг», по сути, представляет собой легко изменяющийся лексический пласт, заимствующий слова из различных общественных и культурных диалектов, что делает его «весьма неустойчивым языковым явлением», но «в то же время позволяет легко приспосабливаться к смене окружающих реалий» [Кузнецов, 2023: 138]. Само существование лингвистического феномена «молодежный сленг» напрямую связано с желанием молодых людей сделать свою речь наиболее яркой и динамичной, в особенности, если это касается выражения отношения к человеку или явлению. Сленгизмы являются языковыми средствами эмотивного характера,

так как выступают в роли индикаторов воплощения эмоций в речи [Кириллова, 2018].

Сленговая лексика представляет собой инструмент отражения менталитета молодого поколения, включающего в себя ценностные установки и предпочтения. Тем не менее, употребление сленга молодыми людьми, по мнению Е. А. Рубцовой, не представляет собой отрицание универсальных общечеловеческих ценностей, таких как семья, родина, религия. Они формируются и сохраняются в самосознании молодежи как базовые ценностные ориентиры [Рубцова, 2009].

С точки зрения П. С. Уховой, лингвоаксиологический подход к изучению молодежного сленга представляет сленг как языковую картину мира его носителей, потому как помогает анализировать структуру сленга и семантику его лексических единиц, выявляет их оценочный ресурс и на основании этого моделирует языковую картину мира молодых людей. Поскольку сленг является особой формой существования языка, созданной его носителями и несет в себе информацию о категоризации их мира и о его восприятии [Ухова, 2017].

Таким образом, важность аксиологического подхода при изучении молодежного сленга очевидна, поскольку основной задачей аксиологических исследований является «выявление ценностного компонента языковой единицы или высказывания», а цель представляет собой воссоздание аксиосферы языковой картины мира различных социальных классов [Павлов, 2013: 58-59]. Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что в кругу молодых людей в последнее время наблюдается значительное увеличение интереса к процессу оценивания действительности. Оценка происходящего зачастую проявляется в регулярном использовании сленговой лексики, выполняющей наряду с другими функцию номинации. Это объясняется тем, что сленгизмы – отражение критического отношения ко всему, что окружает молодых людей, у которых наблюдается нестабильность эмоционального и психологического состояния [Лазаревич, 2016]. Соответственно, молодежный

сленг – феномен, требующий большого внимания со стороны лингвистов, занимающихся исследованием экспликации оценки в языке, поскольку сленг представляет собой полностью оценочное явление и молодое поколение использует его для интерпретации получаемой информации о мире [Пасечная, 2022]. Проявление конкретных чувств и эмоций, формирующих оценку происходящего, является передачей субъективного отношения говорящего к действительности. М. К. Абайдельданова и Р. Гусман Тирадо также поддерживают точку зрения Л. А. Пасечной, утверждая, что способность выражать оценку в ответ на какую-либо ситуацию или действие – главное назначение молодежного сленга, поскольку он является оценочным вариантом разговорной речи [Абайдельданова, 2024].

Неформальная коммуникация не ограничена нормативными рамками, что позволяет молодым людям свободно выражать свое отношение к происходящему вокруг, используя сленговую лексику с различной коннотацией. Ценностные ориентации человека в основном имеют оппозиционное распределение на мелиоративность и пейоративность, где под термином «мелиоративность» следует понимать вид эмоциональной положительной оценки, заложенной в понятийном содержании слов-обращений, выражающих экспрессивно-оценочный оттенок одобрения, восхищения и дружелюбия. Языковыми средствами с мелиоративной коннотацией выступают лексемы с положительной эмотивной оценочностью [Лескина, 2014]. Пейоративность в данном случае воспринимается как полярная категория, потому как этот термин характеризуется неодобрительным, уничижительным или оскорбительным отношением к предмету речи. Структурные единицы, используемые как инструмент пейоративной коннотации, относятся к негативно-оценочной составляющей языка [Николаев, Доля, 2019].

Таким образом, мелиоративность и пейоративность считаются основными критериями восприятия существующих реалий. Эти понятия обычно рассматриваются как абсолютные противоположности, поскольку

понятие «мелиоративность» носит благоприятный характер организации речи и имеет положительное значение используемых единиц, тогда как «пейоративность» – наличие отрицательной коннотации в выбираемых для построения речи слов или словосочетаний.

Анализ показал, что молодежный сленг характеризуется большей пейоративностью, нежели позитивной коннотацией собственных лексем. По нашему мнению, отрицательное восприятие молодыми людьми окружающей действительности во многих случаях может зависеть от такого экстралингвистического фактора как организация структуры общества, поскольку молодым людям свойственно выделяться из толпы не только подстраивая внешний облик под современные тренды, но и пытаясь быть независимыми в суждениях, показывая, что их мнение отличается от общепринятого. Следовательно, для них характерен более резкий тон в высказываниях и восприятию окружающего мира.

Наша точка зрения относительно пейоративности единиц молодежного сленга совпадает с выводами ученых [Горбачева, 2016; Раренко, 2017], утверждающих, что именно негативная оценка в адрес объекта речи является характерной чертой лексики, употребляемой молодыми людьми.

Принимая во внимание вышесказанное, можно утверждать, что категория оценки – неотъемлемая часть молодежного сленга, так как благодаря выражению положительного или отрицательного отношения к происходящему, молодые люди формируют собственную критическую картину мира, каждый компонент которой подвергается оцениванию путем использования средств языка.

Категория оценки отражена во всевозможных языковых функциях и, в первую очередь, оценка имеет тесную взаимосвязь с прагматической функцией языка, поскольку данная функция отвечает за экспликацию положительной либо отрицательной позиции субъекта к объекту речи, тогда как объективизация оценочного отношения говорящего обусловлена его ценностными установками [Ухова, 2017]. Термину «оценка» дается

следующее определение: «оценка есть результат целенаправленного, осознанного, классифицирующего отношения субъекта оценочной ситуации к объекту, который предполагает наличие у субъекта основания, которое обуславливает характер данных отношений и на основании которого формируется и впоследствии выражается, имплицитно или эксплицитно, оценочное суждение [Там же: 83].

Оценочный ресурс современного молодежного сленга представляет собой довольно интересное явление, поскольку одним из основных принципов его формирования является метафорический перенос признаков, позволяющий носителю языка проявлять эмоции и чувства, не ограничивая собственный вокабуляр лишь буквальными значениями, и выражать отношение к окружающим посредством эмотивно-оценочной лексики, поскольку оценка представляет человека в виде главного звена мироздания [Ухова, 2017].

Для анализа оценочного потенциала молодежного сленга необходимо рассматривать понятие «Оценка» в качестве аксиологической составляющей молодежного сленга, а также рассмотреть его подкатегории: «положительная оценка» и «отрицательная оценка», исходя из сленгизмов, употребляемых молодыми людьми в тех или иных ситуациях, связанных с позицией оценивания окружающих реалий. Однако стоит обратить внимание на то, что существуют ситуации и явления чаще всего подверженные выражению субъективного отношения со стороны говорящего. В первую очередь оценивается то, в чем нуждается человек и человечество, поскольку человек является целью, на которую обращен мир [Ухова, 2014].

Как отмечает Е. В. Вотинцева, терминологический и категориальный аппарат лингвоаксиологии соотносится с антропоцентричностью современной лингвистики. Соответственно, проблема выражения ценностных ориентиров человека в языке и прослеживание их изменений, является наиболее актуальной для научного познания. Именно структура языкового ресурса позволяет проследить динамику ценностной иерархии, зависящей как от

социокультурной среды, так и от возраста языковой личности [Вотинцева, 2018].

Безусловно, если говорить о ценностях современного молодого поколения, то они претерпели значительные изменения в сравнении с ценностными приоритетами прошедших лет и это явление представляется абсолютно закономерным ввиду быстрой динамики социальных и культурных тенденций. Условия, в которых существует современная молодежь, меняются вместе с ее взглядом на мир, который становится все более критичным по отношению к окружающим реалиям, поэтому целесообразно отметить, что оценочность в данный момент представляет собой важный фактор становления и структуризации языковой картины мира молодых людей.

Сленговая лексика, на данный момент располагающая достаточно большим запасом структурных единиц, служащих для номинации оценочных характеристик, обеспечивает оценочные суждения в соответствии с жизненными принципами объекта оценивания, направленными на реализацию важных для него социальных потребностей. Таким образом, молодежный сленг выступает в качестве языкового ресурса, позволяющего молодым людям не только выстраивать свою речь в зависимости от коммуникативных установок, но и отражать в ней ценностные ориентиры, присущие конкретной языковой личности.

В рамках данной работы лингвоаксиологический анализ молодежной сленговой лексики включает: выявление оценочного вектора словарных единиц на основе контекстуального и дефиниционного анализа; количественную фиксацию частотности оценочных значений в исследуемом материале; определение ценностных доминант, объективируемых лексическими единицами молодежного сленга интернет-дискурса.

1.4. Интернет как коммуникативное пространство функционирования современного молодежного сленга

Сленговая лексика, включающая в себя определенные ценностные ориентиры и оценочные критерии, зачастую является маркером общения молодых людей в интернет-дискурсе, так как интернет-дискурс характеризуется отсутствием какой-либо регламентированности и делает возможным межличностную коммуникацию, неограниченную соблюдением грамматических норм. Кроме того, особенность интернет-дискурса – стремление к разнообразию жанров со способностью порождения новых жанров и трансформации имеющихся, а также стремление к быстрой передаче информации и выражению эмоций при максимальной сжатости речи. Учитывая экспрессивность молодежного сленга в контексте виртуального общения, стоит отметить важность аксиологического подхода к анализу сленговой лексики молодых людей в интернет-дискурсе.

Сопоставляя такие термины как «дискурс» и «коммуникация», обратимся к мнению В. А. Садиковой, утверждающей, что дискурс условно может отождествляться с текстом, а коммуникация приравнивается к информации. Однако в данном случае речь, текст и диалог должны изучаться в качестве видов дискурса, следовательно дискурс выступает синонимичным понятием по отношению к коммуникации, потому как под коммуникацией понимаются все формы речи, текста и диалога. Конкретный дискурс – коммуникативная ситуация в процессе общения, определяемая ее участниками. В виду этого, термины «дискурс» и «коммуникация» могут быть эквивалентны при изучении языка в процессе коммуникации [Садикова, 2016].

Терминологический статус такого понятия, как дискурс, выступает в отечественной (Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990]; И. Г. Атрощенко [Атрощенко, 2015]; В. С. Григорьева [Григорьева, 2007]; В. И. Карасик [Карасик, 2015]; Т. В. Кривко [Кривко, 2020]; Н. В. Кунаева [Кунаева, 2012]; В. Е. Чернявская [Чернявская, 2001]; Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2004]; Е. А.

Либба [Либба, 2025]; Т. В. Макаревич [Макаревич, 2011]; Е. А. Савченкова [Савченкова, 2017]; В. И. Саямова, Т. В. Олешко [Саямова, Олешко, 2023]; Ю. В. Сургай [Сургай, 2005]; А. К. Хурматуллин [Хурматуллин, 2009] и др.) и зарубежной лингвистике (Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974]; Т.А. ван Дейк [ван Дейк, 1998]; В. Дресслер [Дресслер, 2004]; Р. Ферклоу [Ферклоу, 2003], Л. Дж. Филипс, М. В. Йоргенсен [Филипс, Йоргенсен, 2008];]; М. Фуко [Фуко, 1996]; М. Хайнеманн, В. Хайнеманн [Хайнеманн, Хайнеманн, 2002] и др.) объектом исследования для многих ученых, пытающихся детерминировать дискурс как совокупность множества текстов и речевых ситуаций.

По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурсом является связный текст в сочетании с множеством различных факторов, в том числе экстралингвистических, прагматических, культурных и психологических. Речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, который участвует во взаимодействии и сознании людей. Другими словами, дискурс – «речь, «погруженная в жизнь»» [Арутюнова, 1990: 137].

Дискурс – процесс создания текстов, где текст воспринимается как конечный результат речевой деятельности. Текст создается непосредственно в дискурсе, является его продуктом. При этом, дискурс не образует комплекс повторяющихся высказываний, он ограничен условиями существования [Кубрякова, 2004]. Под дискурсом подразумевается единство динамического процесса взаимодействия между участниками коммуникации, который возникает в рамках текста, понимающегося как статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности [Кибрик, 2009]. Согласно Л. Ю. Буяновой, дискурс, с одной стороны, также является динамическим процессом языковой деятельности, происходящим во времени с последовательностью речевых актов, коммуникативным взаимодействием участников и совокупностью вербальных и невербальных действий, где результатом данного процесса является текст [Буянова, 2013]. С другой – дискурс воспринимается в качестве уникального языкового кода языковой личности, репрезентирующего ее [Там же].

В. И. Карасик, вслед за Н. Д. Арутюновой, дает следующее определение термину «дискурс»: дискурс – текст, погруженный в ситуацию общения. Коммуникативная ситуация в его понимании должна восприниматься как элемент культуры, в связи с этим, исследование дискурса напрямую связано с культурно-маркированными обстоятельствами и формульными моделями поведения, которые имеют социально-групповую или этнокультурную значимость [Карасик, 2015].

В зависимости от поставленных задач в изучении данной проблемы, определение дискурса следует дать в широком и узком смыслах. В определенном понимании, дискурс представлен совокупностью текстов или устных высказываний, имеющих определенную тематику, а в расширенном значении, дискурс – процесс коммуникации, охватывающий все экстралингвистические обстоятельства, характерные для ситуации реализации данного речевого явления [Буланова, 2021].

Проблемой точного толкования понятия дискурс интересовались как отечественные, так и зарубежные ученые. Дискурс рассматривался одновременно с нескольких позиций в европейских лингвистических исследованиях и эти позиции нередко противоречили друг другу.

Под дискурсом необходимо понимать целостное коммуникативное событие, соотнесенное с определенными экстралингвистическими обстоятельствами, такими как мировоззрение и цели коммуникации. Наряду с этим, существует двойственная экспликация данного термина, где в узком смысле дискурс – это текст, включающий в себя лишь вербальный компонент, и понимающийся как «продукт» коммуникативного воздействия и его результат, интерпретируемый говорящими. В широком смысле, как уже отмечалось ранее, дискурс представлен всесторонним коммуникативным явлением, обусловленным временным, пространственным и прочим контекстом, а также содержащим как вербальные, так и невербальные компоненты [ван Дейк, 1998].

Некоторые ученые рассматривали исключительно корреляцию дискурса и текста, утверждая, что под дискурсом подразумевается открытый набор текстов, имеющих тематическую и прагматическую связь, и регулярно пополняющийся новыми речевыми продуктами [Heinemann, 2002].

Вместе с тем, дискурсом может быть нечто иное как речь, приписываемая говорящему, отличная от объективного повествования и характеризующаяся видовременными формами и наличием местоимений, а также прагматической целевой спецификой [Dressler, 2004].

Опираясь на мнения исследователей дискурса, необходимо отметить, что целесообразным будет двойственное толкование данного термина: в узком смысле, где дискурсом является совокупность текстов, обусловленная их тематикой и прагматикой; и в широком – под дискурсом необходимо понимать комплексное коммуникативное событие (динамичная речь, функционирующая в рамках коммуникативной ситуации) охватывающее все сопутствующие условия создания ситуации общения: временные и пространственные рамки, участников коммуникации, вербальные и невербальные составляющие и различные экстралингвистические факторы, которые влияют на характер коммуникативных установок говорящего и слушающего [Карасик, 2015].

Рассматривая дискурс как коммуникативное событие, необходимо отметить, что данному лингвистическому явлению присуща устная и письменная форма. Помимо этого, различают множество видов дискурса, обусловленных конкретной ситуацией общения. Поскольку в настоящее время популярным средством общения, особенно среди молодого поколения, выступают интернет-ресурсы – социальные сети, мессенджеры, включающие многочисленные форумы, публикации и комментарии к ним – целесообразно будет проанализировать специфику интернет-дискурса в качестве пространства функционирования лексики молодых людей – молодежного сленга.

В условиях интенсивного развития цифрового пространства, исследование особенностей интернет-дискурса имеет важное значение для современного языкознания, поскольку общение в рамках сетевого пространства в некоторых случаях является доминирующим среди молодежи. По этой причине, в научном контексте обосновывается статус интернет-лингвистики, которая подразумевает под собой новое междисциплинарное интегративное научное направление, дающее комплексное определение понятия «язык интернета» с точки зрения лингвопрагматики, а также функциональной и когнитивной лингвистики [Ахренова, 2018]. Опираясь на исследование интернет-лингвистики, Н. А. Ахренова отмечает, что «интернет-дискурс» – «зонтичный термин», представляющий совокупность всех известных видов дискурса, так как его суть заключается в особой коммуникативной среде, подвергающейся описанию и анализу средствами интернет-лингвистики. Подобный вид дискурса носит характер полифункциональности и многожанровости, а его жанры следует считать дискурсообразующими [Там же].

Несмотря на существующие трактовки понятия «интернет-дискурс», следует обратить внимание на то, что у данной дефиниции в лингвистических исследованиях нет единого четкого определения, только интерпретации, сформулированные на основании многочисленных исследований вопроса детерминации анализируемого понятия. Однако отсутствие однозначного толкования особенностей интернет-дискурса вовсе не говорит о том, что проблема изучения его специфических признаков освещена довольно скудно, наоборот, в течение последних десятилетий тема коммуникации в рамках интернет-пространства является объектом внимания многих ученых (Н. А. Ахренова [Ахренова, 2018]; Е. Н. Галичкина [Галичкина, 2021]; Е. А. Ивлиева [Ивлиева, 2025]; А. Л. Латипова [Латипова, 2021]; О. К. Мельникова [Мельникова, 2018]; Н. П. Новицкая, В. Г. Аргунова [Новицкая, Аргунова, 2021]; Е. К. Русанов [Русанов, 2016]; С. А. Сорокина [Сорокина, 2024]; А. М. Шерматова, К. Ж. Алимжан [Шерматова, Алимжан, 2023]; Е. С. Юртаева

[Юртаева, 2016]; А. А. Яковлюк [Яковлюк, 2015]), рассматривающих интернет-дискурс с точки зрения разных направлений в лингвистике. В частности, А. А. Яковлюк в своей диссертации предлагает следующие определения: интернет-дискурс является особым видом дискурса, свойственным сетевой коммуникации; интернет-дискурс – виртуальный вариант бытийного дискурса, обладающий теми или иными особенностями на всех языковых уровнях, поскольку участники общения могут использовать нетипичные для литературного языка средства оформления высказывания благодаря тому, что виртуальное пространство позволяет интернет-дискурсу быть «гибридом всех языковых стилей», что приводит к созданию «искусственных вспомогательных смешанных социализированных языков» [Яковлюк, 2015: 6]. Вследствие этого, интернет-дискурс представлен в некоторых работах многогранным видом общения, зависящим от многих экстралингвистических факторов, таких как ситуация, ее участники, цели их общения и прочее. Вместе с тем, интернет-дискурс может рассматриваться как совокупность субдискурсов: бытового, делового, научного и др. [Русанов, 2016].

Е. С. Юртаева со своей стороны дает более емкую характеристику интернет-дискурсу, называя его речевой ситуацией или текстом, погруженным в ситуацию общения в контексте сетевого пространства [Юртаева, 2016]. Ее версию поддерживает М. А. Жилина, анализируя виртуальный дискурс как не прямое межличностное взаимодействие посредством компьютерных сетей. Она предлагает относить интернет-дискурс к тексту, который задействован в той или иной ситуации общения, реализующейся посредством онлайн-коммуникации [Жилина, 2022]. Такое общение осуществляется преимущественно в письменной форме, так как интернет-дискурсу свойственна письменная речь пользователей сети в режиме реального времени (онлайн) [Латипова, 2021].

С точки зрения некоторых лингвистов, интернет-дискурс – мультижанровая функциональная версия публичной речи монологического и

диалогического характера, которая возникла в процессе межличностной сетевой коммуникации [Галичкина, 2021].

Интернет-дискурс во многих исследованиях рассматривается не только как объединение многих видов дискурса, что позволяет рассматривать язык интернета как вспомогательный, созданный в качестве социализированного инструмента общения в глобальной сети, но и как пространство для социально-коммуникативного взаимодействия его пользователей, большинство из которых являются молодыми людьми. Особенности интернет-дискурса дают возможность молодому поколению проявлять себя, выражать свое мнение, общаясь без каких-либо ограничений, поэтому понятия «интернет-дискурс» и «молодежь» зависят друг от друга, поскольку молодежная среда – движущая сила сетевых ресурсов и главный потребитель их продуктов, а интернет-культура выступает в роли фактора, влияющего как на мировоззрение, ценностные ориентиры современной молодежи, так и на формирование их жизненных стратегий и речевую деятельность, в следствие чего, в вокабулярий молодых людей, проникают слова-сленгизмы, имеющие различную этимологию. Таким образом, анализ специфики интернет-дискурса и молодежного сленга способствуют представлению о динамике современного языка и тенденциях развития языковой личности молодого поколения. Наряду с описанием свойств, характерных для сетевого дискурса, функционирование молодежного сленга в контексте интернет-дискурса представляет большой интерес для лингвистических исследований в течение последних лет (М. К. Абайдельданова, Р. Гусман Тирадо [Абайдельданова, Гусман Тирадо, 2024]; Н. В. Афанасова [Афанасова, 2017]; К. Б. Воронцова [Воронцова, 2017]; Е. Н. Галичкина [Галичкина, 2022]; Л. Р. Гильманова [Гильманова, 2024]; Т. А. Голикова [Голикова, Егорова 2018]; А. Ю. Капер, Л. Н. Мирошниченко [Капер, Мирошниченко, 2022]; В. В. Колесникова, Ю. В. Картавцева [Колесникова, Картавцева, 2020]; Л. П. Сон [Сон, 2023]; М. Р. Тачкова [Тачкова, 2025] О. В. Цибизова, И. И. Галанкина [Цибизова, Галанкина, 2021] и др.), поскольку сленг, употребляемый молодым поколением –

распространенный социолект повседневного общения и виртуальной среды, не подлежащий долговременной фиксации в силу своей быстрой изменчивости, зависящей от цифровых инноваций и скорости их усвоения.

Согласно Д. В. Яковчик, цифровая социализация, подразумевающая под собой «процесс усвоения индивидом правил, ценностей, практик, распространенных в конкретной коммуникативно-информационной среде», – одна из главных причин динамики сленга молодых людей, так как большая часть сленгизмов формируется и популяризируется именно в рамках медиапространства. Тем самым, молодежный сленг является речевым продуктом цифровой социализации и информатизации общества, потому как эти процессы существуют в тесной взаимосвязи с разговорной речью [Яковчик, 2022]. Молодежный интернет-сленг понимается в качестве специфической лексики, употребляемой молодежной субкультурой для коммуникативного взаимодействия в сети Интернет с целью трансфера устойчивых значений и придания речи экспрессивности как маркера выражения субъективного отношения [Капер, 2022].

Молодежный сленг в рамках интернет-дискурса стал общепринятой формой словоупотребления, проникающей в устную повседневную речь в силу частотности употребления и имеющей собственную структуру и характерные признаки, присущие только данному языковому субстандарту. Этому способствует популяризация молодежного интернет-сленга в качестве показателя соответствия современным тенденциям и трендам, ведь социальные сети, основное назначение которых – неограниченное общение, представляют особую коммуникативную среду, где литературный язык практически не функционирует, а вместо него формируется молодежная интернет-речь, которую принято считать новым лингвистическим образованием, являющимся на данный момент не только письменным, но и устным компонентом языка. В связи с этим, воздействие сленга интернет-дискурса на языковое сознание молодых людей довольно велико, так как он используется практически во всех видах их речевой деятельности, «вытесняя

стандартные лексические единицы и заменяя их более «модными» эквивалентами» [Воронцова, 2017: 172-173]. Интенсивное изменение окружающего мира, регулярное внедрение новых технологий, способствующих возникновению языковых единиц для их номинации, побуждают литературный язык заимствовать из сленга некоторые языковые формы в силу частичной лакунарности. Это приводит к тому, что иногда характеристика той или иной реалии может осуществляться только при помощи сленга, однако подобная тенденция позволяет языку расширять свой лексический состав и развиваться параллельно общественным закономерностям [Юрова, 2020]. Формирование нового лексического пласта, понимаемого как интернет-язык и включающего в себя преимущественно выражения, репрезентирующие специфику общества молодых людей, обусловлено, в первую очередь, неформальностью и открытостью интернет-среды [Шишканова, 2022]. Язык сетевой коммуникации отождествляет вторичную символическо-семиотическую систему и с этой точки зрения анализируется в качестве нового системно-структурного образования, позволяющего расширить функциональное пространство естественного языка и отличающегося относительным дискурсивным обособлением с чертами собственной регламентированности [Сон, 2023]. Соответственно, интернет-коммуникация интерпретируется в роли производящей основы для лексических единиц, которые становятся активными компонентами интернет-дискурса, поскольку «современный интернет-дискурс образует уникальный коммуникативный континуум для создания и функционирования молодежного сленга». Это объясняется тем, что интернет-дискурс, в силу универсальности и гибкости, является отражением современных тенденций и ценностных ориентиров молодых людей посредством своей функциональности, заключающейся в лаконичности, возможной анонимности, гипертекстуальности, экспрессивности и др. [Картавцева, 2025].

Факт пополнения словарного запаса молодежи сленгизмами, преобладающими в интернет-дискурсе, влияет на крайнюю

заинтересованность молодых людей в создании неформальных словарей, с одной стороны, делающих попытки зафиксировать новые слова, а, с другой – репрезентирующих ценностные приоритеты, предпочтения, мировоззрение и образ жизни молодого поколения, поскольку формулировка семантики интернет-сленгизмов зачастую происходит посредством описания конкретной ситуации с использованием синонимизации, метафоризации, разного рода аналогий, а также описательных конструкций, позволяющих интерпретировать все оттенки смысла фиксируемого сленгизма и через них ближе познакомиться с мышлением молодежи [Голикова, 2018]. Интернет-сленг, ставший популярным и доступным средством общения молодежи, воспринимается ею в качестве «своеобразного пароля» в интернет-дискурсе, который дает возможность самовыражения и оппозиции не только с литературным языком, но и с его носителями – людьми более старшего поколения [Колесникова, Картавцева, 2020].

Молодежный сленг, употребляемый в интернете, можно условно классифицировать на общеупотребительный и относящийся к определенной тематике – сленг пользователей, объединенных общей узконаправленной деятельностью. Однако данная классификация носит непостоянный и динамичный характер, поскольку сленгизмы, понятные конкретной группе в определенный момент, в процессе приобретают узуральность в силу расширения области их употребления. Таким же образом данные понятия могут выйти из употребления с исчезновением или изменением определенного вида деятельности [Мингазарова, 2020].

О дифференциации молодежного сленга в интернет-дискурсе рассуждают в своей работе О. В. Цибизова и И. И. Галанкина, предлагающие косвенно разделить заимствованные сленгизмы, основываясь на тематических признаках, на две группы с рядом подгрупп, в первой из которых применяется сугубо антропоцентрический подход, где человек и его индивидуальность выступают как ключевое звено. Соответственно, с этим связаны такие категории, как внешность, возраст, одежда, характер, статус, личные качества,

состояние и действия человека, а также отношение к окружающему миру. Вторая группа, являясь описанием реализации человека в социуме, включает в себя критерии, связанные с его взаимодействием с окружающим миром и людьми: общение и развлечения. Опираясь на данную классификацию, исследователи подчеркивают, что и для первой, и для второй групп сленговой лексики характерна антропоцентричность, поскольку само формирование и развитие молодежной сленговой лексики сопряжено, прежде всего, с языковой личностью и ее проявлениями [Цибизова, 2021].

Опираясь на мнения исследователей, рассматривающих функционирование молодежного сленга в рамках интернет-дискурса, можно сделать однозначный вывод о том, что анализируемый лексический субстандарт является безусловным маркером современной коммуникации молодежной субкультуры, как в интернет-среде, так и вне ее пределов, потому как представляет собой социальное явление, упрощающее, но и, вместе с тем, актуализирующее межличностное речевое взаимодействие. Помимо этого, изучение молодежного сленга, реализуемого в интернете, в первую очередь, способствует пониманию мировоззрения и образа жизни молодых людей, а также делает возможным условное систематизирование языковых единиц сленговой лексики по тематическому признаку с целью определения ценностных предпочтений и социально-культурных приоритетов молодого поколения, выступающего в роли движущей силы современного общества.

ВЫВОДЫ

В первой главе представлены теоретические основания исследования: проанализированы основные подходы к изучению сленга в отечественной и зарубежной лингвистике, уточнено понятие «молодежный сленг» и проведена его дифференциация от смежных явлений, обоснован лингвоаксиологический подход к изучению сленга в интернет-дискурсе

1. Изучение молодежного сленга в современной лингвистике базируется на интегративном междисциплинарном подходе. На современном этапе сленг

преодолевают границы узкоспециализированного употребления и выступает в качестве самобытного феномена лингвокультурной коммуникации, формируя целостный лексический пласт, обладающий специфической системой словообразовательных механизмов и функционирующий преимущественно в интернет-дискурсе.

2. В сопоставлении со смежными формами субстандартной лексики сленг характеризуется наибольшей степенью открытости и проницаемости, что детерминирует его способность к диффузии в повседневную коммуникацию различных социальных и возрастных групп и объясняет его функционирование не только как группового социолекта, но и как общенационального ресурса экспрессивной разговорной речи.

3. Обобщение ключевых положений отечественного и зарубежного языкознания позволило конкретизировать содержание понятия «молодежный сленг» и установить критерии его дифференциации от иных форм внелитературной лексики. Молодежный сленг, носителями которого выступают лица от 14 до 35 лет, квалифицируется как социально маркированный лексический субстандарт, возникновение и динамика которого обусловлены комплексом экстралингвистических факторов: возрастными параметрами, принадлежностью к молодежной субкультуре, потребностью в групповой идентификации и воздействием цифровой среды. Данный социолект формируется на лексико-грамматической базе общенационального языка, однако отличается экспрессивно-сниженной оценочной коннотацией и регулярной обновляемостью лексического состава, преимущественно за счет заимствований и семантической деривации.

4. Лингвоаксиологический подход позволяет анализировать молодежную сленговую лексику как ценностно-смысловую систему, объективирующую идентичность, мировоззрение и поведенческие установки современной молодежи. Аксиологический компонент современного дискурса молодого поколения отражает специфику восприятия действительности, поскольку интерпретация окружающих реалий опосредована жизненными

принципами носителей, формируемыми культурным кодом, актуальными социальными тенденциями и процессами цифровизации. Молодежный сленг трактуется как проекция ценностных доминант и оценочных суждений, характеризующихся мелиоративной либо пейоративной направленностью, при этом его антропоцентрическая природа обуславливает преимущественную ориентацию лексики на выражение оценки субъекта и его поведенческих паттернов.

5. Определяющей средой порождения, функционирования и распространения молодежного сленга выступает интернет-дискурс, в пространстве которого сленговая лексика становится неотъемлемым маркером цифровой социализации и групповой идентичности молодого поколения. Интернет-дискурс, характеризующийся образностью, гипертекстуальностью и спонтанностью, служит катализатором структурно-семантической трансформации молодежного сленга, детерминируя его глобальную интеграцию в речевую практику молодежи и последующее проникновение в устную речь.

Таким образом, молодежный сленг представляет собой динамичную лингвосоциокультурную категорию, требующую междисциплинарного анализа, в рамках которого лингвоаксиологический ракурс обеспечивает возможность реконструкции ценностных доминант молодого поколения через системное описание его лексикона с учетом как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ- ДИСКУРСЕ

Во второй главе исследуются лингвистические механизмы формирования молодежного сленга в русскоязычном интернет-дискурсе; выявляются и систематизируются продуктивные деривационные модели сленгизмов, определяется их роль в формировании оценочной семантики единиц молодежного сленга. Анализируются особенности адаптации англоязычных заимствований в молодежном сленге и устанавливается специфика их оценочного потенциала в русскоязычном интернет-дискурсе.

2.1. Деривационные особенности молодежного сленга в русскоязычном интернет-дискурсе

С точки зрения когнитивной науки деривационный процесс понимается не просто как рождение слова, но и как образование его новых смыслов. Появление слова для когнитивиста означает не столько факт формального расширения лексического состава языка, сколько рождение нового средства закрепления смысла или смыслов в слове. Данное явление представляет собой динамическое изменение человеческих предпочтений в культуре, указывает на новую значимость в системе ценностей: практическую, логическую, эстетическую, физическую, религиозную и др. Обнаружение таких смыслов в производном слове – серьезный «вызов» для современного исследователя, предполагающий обращение к деятельностным структурам культуры и знания, в том числе и глубинным. Особый интерес вызывают работы лингвистов, в которых рассматривается когнитивно-деривационная специфика лексики. Следует обратить внимание на некоторые труды, появившиеся в течение последних десяти лет.

В трудах С. В. Балакина рассматриваются не только когнитивно-деривационные особенности лексики, но и происходит описание единых закономерностей ее деривации в результате исследования корреляции производящих и производных лексических единиц. Таким образом, сформированная ученым когнитивно-деривационная теория является методом изучения языка и его функционирования через призму когнитивных процессов, детерминирующих возникновение вторичных языковых единиц на основании не только лингвистических, но и психологических факторов [Балакин, 2018].

В работе Э. И. Бархатовой подчеркивается тесная взаимосвязь деривационной модели, фреймового алгоритма и типа концептуальной интерпретации, появляющаяся в результате когнитивной и словообразовательной дифференциации лексики [Бархатова, 2020]. Фундаментом словообразовательного потенциала лексики служит универсальная когнитивная модель, состоящая из номинируемых реалий, структурной формы, субъективного, семантического и дискурсивного уровней. В связи с этим, новые дериваты, возникающие на основании накопленных знаний и опыта, формируют деривационно-фреймовые парадигмы [Абросимова, Редкозубова, 2023]. Кроме того, учеными-языковедами исследуется когнитивно-деривационный потенциал сленговой лексики. Отмечается, что распространение сленга обусловлено его когнитивной, номинативной, экспрессивной и коммуникативной функциями, репрезентирующими сленговую лексику как автономное явление, поскольку многие сленгизмы создают деривационные поля, наращивая количество производных форм [Там же].

С этой точки зрения целесообразно подробным образом проанализировать совокупность смыслов, входящих в термин «деривация», а также демаркировать такие понятия, как «синтетическая деривация» и «семантическая деривация», а также обратиться к терминам, включающим в себя представление о деривационных моделях языковой системы.

Ссылаясь на определение, которое дает Большая российская энциклопедия, деривация представляет собой процесс производности языковых единиц от единиц, считающихся исходными [БРЭ]. Впервые данный термин был введен в лингвистику в 30-е годы XX века польским лингвистом Е. Куриловичем, что способствовало описанию словообразовательных процессов в языке [Курилович, 1962].

Важное значение имел факт разграничения лингвистом лексической и синтаксической деривации. Подобная демаркация опиралась на то, что оба словообразовательных этапа решают разные задачи и, вследствие этого, отличаются разными семантическими результатами. Лексическая деривация нацелена на преобразование семантики исходной единицы, а синтаксическая, в свою очередь, преобразует слово, меняя ее частеречную принадлежность и, соответственно, синтаксическую функцию. Е. Курилович говорит о деривации не только как об образовании производных слов от производящей основы для обеспечения функционирования синтаксических свойств, отличных от свойств исходной леммы, но и как о возможности слова «выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении» [Курилович, 1962].

А. И. Моисеев, рассуждая о понятии «деривация», указывает на то, что данный термин обозначает процесс образования слов. Следовательно, изучение и описание языковых единиц с позиции их формирования определяется ученым в качестве отдельной науки – дериватологии. Другими словами, дериватология, по мнению А. И. Моисеева, является разделом лингвистики, изучающим словообразовательный механизм языка [Моисеев, 1987].

Дериватология как наука о деривации рассматривает ее с двух позиций: узкой и широкой. В ограниченном значении деривация является образованием языковых единиц благодаря расширению корневой морфемы вследствие присоединения аффиксальных формантов либо словосложения. Широкое понимание деривационного алгоритма сводится к объединению таких

категорий, как словообразование и словоизменение с целью возникновения тех или иных вторичных знаков и объяснения их функционирования на основании производящей основы [Тратникова, 2015].

В рамках дериватологии также исследуют данное понятие С. Ю. Адливанкин и Л. Н. Мурзин, считая деривацию мысле-речевым действием, опирающимся на порождение и преобразование предикативных единиц, и производство на их синтактико-семантической основе из языковых строевых материалов по языковым моделям до известной степени аутентичных конструкций натуральной речи [Адливанкин, Мурзин, 1984]. По словам Е. С. Кубряковой, деривация представляет собой процесс и результат образования в языке производной единицы, значение которой может быть объяснено структурой производящей лексемы или выведено посредством использования определенных закономерностей [Кубрякова, 1974: 64]. Следовательно, деривационные связи понимаются как «какие-либо отношения, которые объединяют первичные и вторичные лексемы на основании производности и формоизменения» [Кубрякова, Панкрац, 1982: 8-9]. Деривация определяется как важнейшая форма оязыковлени детерминационного содержания, фундаментальный и универсальный способ представления нового на базе исходных субпозиций. То есть, поле, созданное посредством деривации, концентрирует внутри себя весь комплекс производных лексических единиц [Голев, 1995].

Проблемой деривации также интересовались многие зарубежные ученые на протяжении XX – начала XXI вв. Французский лингвист М. Гревисс, говоря о деривации, указывает на то, что данный процесс охватывает суффиксальный и безаффиксальный способы словообразования [Grevisse, 2008]. Деривация рассматривается как процесс, где главным инструментом являются суффиксальные морфемы. Термин «деривация» представляет собой четырехкомпонентную систему, основанную на межсловесных и межименных сходствах и контактах. Помимо этого, деривация – семантический сдвиг,

основывающийся на таких принципах как абстрактность/конкретность, антропоморфизм/зооморфизм, синестезия [Ульман,1970].

Возвращаясь к тому, что деривация представляет собой совокупность синтаксической и семантической деривации, необходимо отметить, что большинство ученых рассматривают данный термин зачастую с точки зрения его семантической составляющей. Л. Блумфилд, рассуждая о понятии «семантическая деривация», указывает на то, что данный процесс представляет собой «инновации, затрагивающие не столько грамматическую функцию той или иной формы, сколько ее лексическое значение» [Блумфильд, 1968: 465].

Исходя из того, что семантическая деривация нацелена, прежде всего, на выявление специфики вторичных языковых единиц, исследуются не только общие тенденции изменения значения производных слов, но и причины подобных изменений. Помимо этого, акцентируется внимание на выделении основных типов семантических изменений, ссылаясь на аналитические отношения, существующие между производящей и производной единицами. Таким образом, семантическая деривация рассматривается в четырех направлениях: сужение значения – сокращение объема слова и расширения лексического значения; расширение значения за счет скудности значений определенных языковых сегментов; перенос значения – в результате сопредельности значений; другие виды, представленные зачастую средствами художественной выразительности и некоторыми стилистическими приемами [Пауль,1960.].

Е. А. Земская касается проблематики особенностей функционирования словообразовательных процессов, обращая внимание на то, что словообразовательный потенциал каждой отдельно взятой леммы стремительно реагирует на изменение ее семантики, что приводит к порождению производных единиц, входящих в состав нового деривационного объединения. Учитывая вышеизложенное, семантическая деривация отождествляется с общим представлением о деривации, так как

словообразовательный ресурс производящей единицы напрямую связан трансформацией ее значения [Земская, 2007].

Семантическая деривация трактуется как образование вторичных понятий от производящей основы, избегая формоизменения лексической единицы. Главным механизмом, организующим этот процесс, является метафоризация и метонимизация, позволяющие сохранить первоначальную форму слова, тем самым, формируя его новую семантику, опираясь на конкретную модель [Никитин, 1996]. Семантическую деривацию необходимо исследовать также с точки зрения процесса обновления языка посредством уже имеющихся в языке инструментов: трансформация смысла без изменения формы слова. Подобный алгоритм объясняется семантическим сдвигом, обусловленным семантической модификацией исходной лексики и позволяющим создать более узкие характеристики вторичных наименований. Основа семантической деривации заключается не только в первичной интерпретации, но и в особенностях исходной ситуации [Кустова, 2001].

Однако с позиции других отечественных лингвистов, изменение семантики словарных единиц зачастую приводит к изменению формы знака, что обуславливается спецификой когнитивного восприятия и дальнейшей интерпретации каждой отдельно взятой лексики, что способствует появлению различных словообразовательных парадигм:

- «*Когда у тебя куча **хвостов**, еще не начат курсач, но ты сидишь и не особо **паришься**...*» [https://vk.com/wall-186726568_58593] (*хвост* – несданный экзамен, зачет, незаконченное дело);

- «*Люди утверждают, что женщины не любят «скучных **ботаников**», им подавай только «альфа-чей» – а что делать, если мне как раз-таки нравились **ТОЛЬКО** скучные **ботаники**?»* [https://vk.com/wall-78862255_166547] (*ботаник* – человек, который слишком много учится, зануда);

- «*Муж сильно **накосячил**... **Косяк** был до меня и продолжался в начале наших отношений... **Косяк** очень серьезный, 3 дня всплывают новые*

подробности, я в полном шоке» [https://vk.com/wall-41627368_1729043] (*косяк* – ошибка, *накосячить* – наделать ошибок).

Помимо изменения прагматической функции языковых единиц, приведенные выше примеры демонстрируют пейоративный оценочный вектор – негативную эмоциональную окраску высказываний с элементами пессимизма, раздражения, разочарования, отчаяния, грубости или фрустрации.

- «*Девочки он просто пушка, а еще явно влюблен в нашу пару...*» [https://vk.com/wall-198011563_4869] (*пушка* – выражение восхищения);

- «*Вот она, наша зажигалочка! Наш корпоративный моторчик...*» [https://vk.com/wall-125582072_2319] (*зажигалка* – веселая, общительная девушка);

Вышеуказанные примеры являются показателем ярко выраженной эмоционально-оценочной окраски с четким положительным (позитивная оценка: «*пушка*», «*зажигалочка*» – восхищение, одобрение) оценочным вектором. Кроме того, данные сленгизмы отражают тенденцию неформального, игрового общения, реализуя такие коммуникативные функции как экспрессивная, фатическая, конативная и метаязыковая.

Словообразование с позиции семантики, объединяющее значения слова в синхронии и диахронии – многогранное явление, которое отражает не только динамику языка, но и когнитивную специфику мышления. Появление вторичных словоформ порождает новые семантические ячейки, демонстрируя процессы прироста и обновления лексики. Анализ семантической деривации стимулирует понимание когнитивных процессов интерпретации новых лексических значений, поскольку она выступает в роли индикатора возникновения вторичной знаковой системы, основанной на вторичных ассоциациях. Кроме того, детальное исследование семантической деривации включает в себя различные пласты системы языка, в том числе и субстандартную лексику, распространенным видом которой является сленг.

Появление новых значений в сленговой лексике способствует анализу новых тенденций языкового развития при помощи деривации [Пономарева, 2007].

Кроме того, семантическая деривация многих видов разговорной речи помогает проанализировать психологические особенности мышления определенных социальных групп, что также является важной задачей когнитивной лингвистики на данном этапе развития языка.

Как упоминалось выше, семантическая деривация напрямую связана с процессами когнитивного характера на прототипическом уровне как механизм вторичной номинации, позволяющий категоризировать и структурировать явления действительность исходя из концептосферы, порождаемой субъективной картиной мира.

В рамках изучения молодежной сленговой лексики семантическая деривация играет значимую роль, поскольку она способствует речевой реализации определенных концептов у отдельной языковой личности благодаря семантическому переносу (метафоре, метонимии), служащему инструментом образования новых форм слов. В процессе семантической деривации материалом для образования сленгизмов зачастую являются лексемы исходного (русского литературного) языка.

Производные компоненты представляют собой многозначное слово, понятное как в буквальном – для всех носителей данного языка, так и в переносном смысле [Джеус, 2008]. В работе Н. А. Джеус «Лексико-семантическое словообразование в молодежном сленге» внимание акцентируется на функциональной значимости семантической деривации при возникновении новых единиц языка, входящих в состав сленговой лексики и являющихся неотъемлемым компонентом устной речи, а также языка интернет-общения [Там же].

В широком и узком смысле семантическая деривация сленговой лексики в работах лингвистов понимается как наиболее продуктивный способ словообразования новых сленгизмов и происходит зачастую путем метафоризации, суть которой заключается в переносе названия с одного

предмета на другой, опираясь на сходство их признаков. Данный прием способствует переосмыслению слов, добавляя им новые значения, используемые в определенном контексте [Ши, 2019].

Метафоризация

Метафорический способ образования сленговой лексики молодых людей широко распространен не только в их повседневном общении, но также и в онлайн-коммуникации, являющейся пространством для словотворчества и позволяющей придавать метафорический оттенок множеству лексических единиц, выражающих ценностные ориентиры, отношение молодого поколения к современной действительности и эмоциональный характер молодежной речи (*бомбить, пригорать, орать, угорать, залипать, зацепить, зависать, тормозить, гнать, наезжать, вываливать, мутить, обломать, спалиться*):

- «*Что-то меня уже **бомбит** от «становится страшно за финал». Выиграли одни, вторые, пятые впервые за 365 лет и бла-бла-бла*» [https://t.me/manutd_one/61084].

Ранее лексема «*бомбить*» имела совершенно другое объяснение – «атаковать с воздуха», «сбрасывать бомбы». Т. Г. Никитина в «Толковом словаре молодежного сленга» дает следующие определения глаголу «*бомбить*»: 1. играть на музыкальном инструменте: «*Майкл Енджело **бомбит** на гитаре*»; 2. интенсивно делать что-либо: «*Он **бомбил** везде, и я почувствовал себя картманом, а он был версудой. Чувак начинает бить по клавиатуре, стучать по стене, чуть ли не плакать из-за того, что ему сливают игру*»; 3. делать граффити-надписи на стенах: «*Шел 2-ой день, мы **бомбили** граффити как могли*» [Никитина, 2006]. Однако данный сленгизм в современном молодежном языке употребляется в значении «меня бесит», «я волнуюсь», «я раздражен».

Рассматриваемый сленгизм имеет синоним с негативной коннотацией – «*у меня пригорает*» в значении «бесит», «злит», «раздражает»:

- «У них там бомбит потихоньку, **пригорает** малец)) вот и решили до нормального пацана пристать» [https://vk.com/wall-175952525_4360].

В основе значения данного выражения находится вспышка краткосрочного гнева. Изначально эта мимолетная эмоция возникала у человека в тот момент, когда на плите что-то пригорело. В социальных сетях значение данного слова немного расширилось – «пригорело» означает, что гнев человека достиг своего предела и у него «накипело».

В качестве примеров метафоризации русскоязычного молодежного сленга можно привести еще ряд часто встречающихся в современной коммуникации лексем:

- «Как понять, что вы уже **залипли** на этом мужчине всего один признак...Важнейшим признаком того, чтобы вы уже конкретно **«залипли»** на вашем мужчине является то, что вы теперь постоянно его **ЖДЕТЕ**» [https://vk.com/wall-39824723_502747];

- «После посиделок с друзьями мой муж начал **наезжать** на меня из-за того, что я не делилась с ним своими проблемами» [https://vk.com/wall-188240445_9744] (**наезжать** – нападать с угрозами, выяснять отношения);

- «Если вы встретили какого-нибудь самоуверенного парня, и хотите его **обломать**, то давайте делится этим здесь» [https://vk.com/topic-19248955_23892240] (**обломать** – помешать что-либо сделать, доставить неприятные эмоции);

«Любимый мужчина **спалился** перед женой немного, после того как приехал от меня. И сказал, что удалит мой номер, позвонит, когда все будет нормально» [https://vk.com/wall-46658464_1687854] (**спалиться** – выдать себя, попасться на лжи).

Данные примеры в своем большинстве отражают эмоциональную негативно-окрашенную коммуникацию, с преобладающим пейоративным оценочным вектором, поскольку сленгизмы имеют негативную коннотацию, обусловленную выражением гнева, раздражения, сарказма («бомбит»,

«пригорает»), конфликтными действиями («наезжать»), оценкой поведения: критикой, насмешкой («спалиться», «обломать»).

Также приведенные выше примеры подтверждают, что метафорический способ образования современного молодежного сленга заключается в переосмыслении языковой единицы, изменении либо дополнении ее вторичной семантикой, а также в создании нового значения, что позволяет сленгизмам, возникшим в результате метафоризации, выполнять ряд функций, среди которых номинативная, игровая и экспрессивно-оценочная. Реализация данных функций обуславливает активность и продуктивность метафорического переноса как способа словообразования в коммуникации молодых людей.

Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что производящей основой для появления новых слов путем переноса значения зачастую служат лексемы литературного языка, приобретающие новый смысл в определенном типе дискурса, источником которого вступает разговорный язык. Д. А. Каверина в своей работе подчеркивает, что семантическая деривация в процессе образования сленговой лексики широко используется даже в случае возникновения новых единиц при помощи морфологических приемов. Поскольку концептуальное своеобразие производного компонента зависит не только от совокупности значений исходных единиц, но и от контекста использования данного слова, благодаря которому оно приобретает семантически производный, экспрессивный смысл [Каверина, 2017].

Р. И. Розина утверждает, что посредством семантической деривации образуется приблизительно половина сленговых лексем в разговорном языке, так как семантическая деривация с ее точки зрения представляет собой связь между двумя значениями слова: мотивирующим (исходным) и производным [Розина, 2005]. С точки зрения И. А. Алтуховой семантическая деривация сленговой лексики является одним из основных инструментов пополнения подобной лексики. Она объясняет это тем, что расширение значения отдельных лексем литературного языка зависит от появления в спектре

значения «нового стилистически-ограниченного семантического варианта» [Алтухова, 2019]. Семантическая деривация подразумевает под собой способ образования сленговой лексики, играющий важную роль, поскольку компилятивная номинация, построенная на репрезентации когнитивных процессов и на расширении концептосферы языковой личности, использует уже имеющиеся в языке лексические средства [Псеунова, 2010].

Вслед за Л. А. Зениной, можно сделать вывод о том, что семантическая деривация сленговой лексики является основополагающим способом расширения состава словарных единиц. Благодаря наращиванию смысловых оттенков слов, относящихся к литературному языку, возникает стилистически ограниченное вторичное значение данных лексем, используемое в рамках сленга. Другими словами, посредством изменения значений одного слова, будь то расширение или сужение смысла, приобретение негативной либо положительной коннотации и других семантических метаморфоз, конкретная лексема может подвергаться процессам метафоризации и метонимизации. Следовательно, под действием этих процессов, единицы литературного языка становятся неотъемлемой частью сленговой лексики, обогащаясь эмоциональностью и выразительностью и превращаясь затем в компоненты разговорного языка [Зенина, 2005]. Таким образом, характерной особенностью сленговой лексики является ее многозначность или полисемантичность, благодаря наличию двух и более значений, относящихся к одному и тому же слову, смысл которого может быть очевиден только в рамках конкретной фразы. Иными словами, значение сленгизма напрямую зависит от контекста [Фоос, 2004].

Рассматривая вопрос о продуцировании деривационной модели сленговой лексики вторичных языковых единиц на основании ряда когнитивных процессов, мы пришли к выводу, что новые лексемы и лексические конструкции расширяют рамки фреймов посредством деривационного потенциала, а также влияют на обогащение структуры концептов, создавая словообразовательные гнезда при помощи ранее не

применяемой номинации объектов, тем самым увеличивая масштабы семантического поля и возможности языкового выражения.

Когнитивный механизм деривации сленговой лексики может опираться на семантическую деривацию, то есть на появление у слова дополнительных смыслов, при этом без изменения исходной формы, а также на деривацию, имеющую морфологический характер. Этот факт объясняется тем, что возникновение словообразовательных гнезд во многом обусловлено расширением когнитивно-деривационной парадигмы за счет создания множества производных единиц при помощи специфических формантов.

Трансформация семантики исходной лексемы может осуществляться посредством метонимизации и метафоризации, в процессе которых языковая единица приобретает образность за счет появления экспрессивности. Вследствие расширения значений увеличивается концептуальное поле, интегрируя в себя новые понятия сленговой лексики, возникшие путем когнитивного анализа и интерпретации общеизвестных языковых единиц в контексте неформальной коммуникации, которая служит пространством для развития и функционирования сленга.

Когнитивные механизмы деривационного потенциала данного субстандарта позволяют продуцировать новые словарные единицы путем увеличения деривационно-фреймовой парадигмы, которая может состоять из множества вторичных компонентов. Кроме того, когнитивно-деривационные особенности сленговой лексики напрямую зависят от воспринимаемой информации и строятся на концептах субстанциальных понятий, возникших в мышлении носителя языка. Такие концепты имеют большое значение и оказывают влияние на всю понятийную систему человека. Когнитивно-деривационная теория имеет прямое отношение к задачам, поставленным когнитивной лингвистикой, а также занимается проблемой создания новых словарных единиц посредством деривации на основе уже существующих «первичных» субъектов. В контексте употребления сленговой лексики эта

теория позволяет проецировать как возникновение сленгизмов, так и их адаптацию к потребностям представителей различных социальных групп.

К тому же, большое значение в исследовании деривационных особенностей сленговой лексики (500 сл. ед.), используемой молодыми людьми в рамках интернет-дискурса, имеют способы ее словообразования, среди которых, помимо **метафоризации**, наиболее распространенными и актуализирующими процесс молодежной коммуникации являются **заимствование, аффиксация, аббревиация, сокращение, конверсия, словосложение, эрративы.**

Заимствование

Заимствование является одним из основных способов словообразования, поскольку представляет собой первоначальную ступень появления англоязычной лексики в русском языке с последующей ее грамматической адаптацией. С точки зрения лингвистики, под заимствованием понимается способ словообразования, при котором иноязычные слова проникают в язык-реципиент на основании различных межкультурных контактов. Отличительная черта словообразования в русском языке – заимствования из английского языка, проникающие в современную коммуникацию ввиду глобализации и цифровизации общества [Власова, 2016]. В настоящее время данный процесс прямых заимствований особенно активен в языке русскоязычного молодежного сленга, который стремительно усваивает англоязычные лексемы, номинирующие окружающую действительность (*сториз, фидбек, муд*):

- «Как сделать так, чтобы твои **сториз** отмечали «лайками», отвечали на комментарии и переходили на страничку?» [https://vk.ru/wall-120368120_603] (*сториз* – истории; от англ. «stories»);

- «**Фидбэк** от аудитории станет качественнее. Проводите в рассылках опросы, собирая мнения, рекомендации и советы по улучшению сообщества» [https://vk.com/wall-220759962_37?ysclid=mktjtyfpna71018462] (*фидбэк* –

ответная реакция на какую-либо информацию; от англ. «*feedback*» – обратная связь);

- «*Муд* этого понедельника – Эмили Ратаковски для журнала *Car* 74024» [https://vk.com/wall-44759043_717719?ysclid=mktkf2vcbt442138868] (*муд* – атмосфера, настроение; от англ. «*mood*» – настроение).

Данные заимствования не только отражают тенденцию к упрощению и глобализации разговорной лексики молодого поколения, выполняя коммуникативную и прагматическую функции, но и в определенном контексте имеют оценочный вектор – контекстуальную окраску: нейтральную и позитивно-оценочную, связанную с оценкой явления либо состояния.

Основной источник заимствований в системе молодежного сленга – английский язык. Его активное проникновение в русский язык способствует появлению новых терминов, описывающих не только цифровые технологии, но и стандартные ситуации и явления более кратким языком. Переход англоязычных заимствований в разговорную речь молодого поколения обусловлен как экономией временных и речевых усилий в процессе коммуникации, так и следованием модным тенденциям, а также стремлением к индивидуальности. Заимствование в современном молодежном сленге способствует обогащению языка, регулярно приспосабливая его к современным реалиям. Кроме того, заимствование – ресурс для дальнейшего возникновения деривационных моделей, формирующихся посредством других словообразовательных приемов.

Аффиксация

Принцип аффиксации является вторым по частоте функционирования способом образования молодежной сленговой лексики, поскольку аффиксальные морфемы могут присоединяться и быть частью большинства используемых современными молодыми людьми сленгизмов, появившихся из литературного языка либо возникших путем усваивания заимствованной из английского языка лексики [Матусевич, 2014].

Образование молодежного сленга непосредственно имеет отношение к неморфологической и морфологической модели. Аффиксация представляет собой самый продуктивный морфологический способ деривации и включает **суффиксацию, префиксацию и суффиксально-префиксальный подход.**

Суффиксация

Суффиксация является морфологическим способом словообразования благодаря присоединению к образующей основе какого-либо суффикса, характерного для определенной значимой части речи. Необходимо отметить, что суффиксы могут присоединяться как к иноязычной, что происходит в большинстве случаев, так и к русской основе [Карташева, 2024]. Суффиксы также являются одним из основных элементов для определения лексического значения вторичных форм слова. Исходя из того, что суффиксация способна варьировать содержание лексем, она же детерминирует отношение производной единицы к определенной лексико-грамматической группе.

Как упоминалось ранее, суффикс, присоединяясь к производной основе, используется как инструмент для создания компонентов самостоятельных частей речи. Здесь же можно рассмотреть примеры образования новых форм от производящего слова в составе такой части речи, как имя существительное, опираясь на разнообразие языкового материала современного молодежного сленга в интернет-дискурсе. Суффиксация, являясь неотъемлемым механизмом образования лексических единиц молодежного сленга интернет-дискурса, зачастую представлена следующими словообразовательными формантами:

-инг- (часто от англ. суф. *-ing* в значении действия либо результата действия: *лайкинг, троллинг, гэтсбинг*):

- «Статья о **троллинге** – весьма актуальна. Отправила ее своему другу, тратящему кучу нервов и времени на троллей и их «деактивацию»» [https://vk.com/wall-156817212_16175] (*троллинг* – провокационное поведение с целью вызвать конфликт);

- «Говорят, что SMM-щик занимается лайкингом, если он ставит лайки на какие-либо публикации в какой-либо социальной сети с целью привлечения подписчиков к некоторому продвигаемому профилю» [https://vk.com/wall-68502287_1112] (лайкинг – продвижение публикаций с помощью лайков);

- «В общем, если ты замечал, что постишь что-то для кого-то одного, поздравляем: у тебя гэтсбинг. Ты движеешься в ногу с современными трендами» [https://vk.com/wall-133360395_292578] (гэтсбинг – публикация контента с целью привлечения внимания конкретного человека).

Подобные англоязычные заимствования с суффиксом *-инг*- зачастую служат для номинации процессов, действий, явлений, связанных с современной цифровой сферой – интернет-активностью («гэтсбинг», «троллинг», «лайкинг»). Кроме того, такое понятие как «троллинг» характеризуется пейоративным оценочным вектором, связанным с агрессивно-конфликтными реакциями, тогда как сленгизм «лайкинг» наоборот имеет положительную коннотацию и выражает одобрение какого-либо действия.

-ер/-ор (обозначение лица по роду деятельности: *хайпожор*, *донатер*):

- «...но Артемий Лебедев все же Артемий Лебедев, человек он известный, но Америк все же не открывший... он всегда был хайпожором» [https://vk.com/wall357545057_1886] (*хайпожор* – человек, привлекающий к себе дополнительное внимание за счет каких-либо провокационных действий);

- «Товарищи-донатеры, как вы надоели, зачем вы донатите в игру, вы мешаете обычным людям играть, почему вы так делаете?» [https://vk.ru/wall-684846_684686?ysclid=mt1jyn34q201292736] (*донатер* – человек, тратящий деньги на виртуальные покупки).

В русском молодежном сленге интернет-дискурса происходит активное употребление заимствованных слов с суффиксом *-ер-* для наименования людей, чья деятельность, профессия или социальная функция уже четко

определены. Их распространение особенно заметно в цифровой и финансовой областях («донатер»). Кроме того, некоторые номинации вышеприведенных примеров имеют сугубо оценочный вектор, характеризующийся пейоративностью – выражением негативной оценки с оттенками пренебрежения, насмешки, иронии или критики в определенном контексте («хайпожор»).

-**ик**- (оттенок пренебрежительности либо фамильярности: *шизик, чатик, банкоматик, налик, мазик*):

- «В Казани курьер спас даму, на которую напал какой-то **шизик**» [https://vk.ru/wall-223318187_47405?ysclid=mt45pred5a786827120] (*шизик* – человек с психическим расстройством);

- «...Просто есть поменьше **мазика**. Ну хотя бы просто завтра не кушать **мазик!**» [https://vk.ru/wall-73028281_9114?ysclid=mt45zw6ug5830660673] (*мазик* – майонез).

Англицизмы с суффиксом **-ик**- зачастую употребляются в составе уменьшительно-ласкательных форм («*чатик*»), сниженной или фамильярной лексики («*шизик*»), сленговых названий объектов («*налик*», «*банкоматик*»). Помимо всего прочего, некоторые проиллюстрированные сленгизмы имеют негативную оценочную коннотацию, выраженную пренебрежением или насмешкой («*мазик*»).

-**к**- (пренебрежительный или уменьшительно-ласкательный оттенок: *аватарка, фотка, селфик, училка, зачетка, лалка, гифка, домашка, вписка*):

- «Никогда не менял **аватарки** в вк но тут резко то тигра поставил, то мотоцикл. И все за одну неделю!» [https://vk.com/wall-58747896_232958] (*аватарка* – фото профиля в социальных сетях);

- «Как же меня бесит **училка** сына!!! Я не могу даже какие-то маты подобрать для нее – они не выражают моих эмоций!» [https://vk.com/wall-90470526_451643] (*училка* – учительница).

Оценочный вектор приведенных сленгизмов с суффиксом **-к**- в частности направлен на выражение фамильярного либо пренебрежительного

значения. Тем не менее, среди данных примеров можно выделить нейтрально-разговорную тональность («аватарка», «фотка», «гифка», «домашка», «зачетка»), фамильярно-ироничную коннотацию («селфик», «вписка»), а также пейоративный пренебрежительно-уничижительный оттенок («училка», «лалка»).

-ов/-овск- (образование прилагательных со значением принадлежности, отношения к чему-либо, родовой соотнесенности: *рофловый, кайфовый, люксовый, чилловый, бомбовский, лайфакровский, ништяковский, нормисовский*):

- «**Люксовая** девушка уверена и независима, и хотя порой у нее и случаются моменты растерянности и беспомощности...» [https://vk.com/wall305299268_28086] (*люксовый* – высококлассный, эксклюзивный);

- «Сколько же **нормисовских** говно шаблонов в голове: вера в чудодейственность высшего образования...» [https://vk.com/wall-136921559_219263?ysclid=mjy56pbfy0163849000] (*нормисовский* – стандартный, общепринятый);

Рассмотренные сленгизмы с суффиксами **-ов/-овск-** позволили выявить контекстуальный оценочный вектор, а также определить тональность высказываний. Мелиоративную коннотацию и тональность одобрения передают такие сленгизмы как «*кайфовый*», «*люксовый*», «*чилловый*», «*бомбовский*», «*лайфакровский*», «*ништяковский*». Контекстуальную пейоративность и иронично-пренебрежительное отношение выражают лексемы «*рофловый*», «*нормисовский*».

Проанализировав ряд вышеприведенных примеров употребления некоторых суффиксов, послуживших инструментом образования новых форм современного молодежного сленга интернет-дискурса, следует отметить, что среди имен существительных самыми продуктивными словообразующими морфемами являются англоязычные суффиксы:

1) *-ер-*, образующий существительные со значением лица и его рода деятельности. Продуктивность данного форманта обуславливается не только универсальностью его присоединения практически к любой основе, а также производностью значения, поскольку существительные-дериваты получают конкретную семантику, связанную с определенной деятельностью или характеристикой, позволяющей обозначать новый род занятий или сферу деятельности человека. Кроме того, заимствованный характер морфемы *-ер-* позволяет быстро адаптировать новое слово, так как молодое поколение в межличностной коммуникации зачастую использует именно англицизмы, придавая собственной речи экспрессивность и ироничность;

2) *-инг-* также выступает в качестве одной из производительных морфем и регулярно используется в молодежном сленге как инструмент создания существительных, указывающих на действия, состояния либо процессы. Ввиду этого, данный суффикс не только обладает номинативной функцией, образующей имена существительные от англоязычных глаголов, а также коммуникативной функцией, позволяющей выражать использовать новые термины, описывая объективную реальность.

Помимо суффикса *-ер-*, *-инг-*, употребляемых в составе существительных, среди имен прилагательных, являющихся частью современного молодежного сленга, наиболее продуктивным следует считать суффикс *-ов-*, так как прежде всего он совместно с другими аффиксами способствует абсолютной «русификации» заимствованных лексем, подчиняя англоязычное производящее слова грамматическим закономерностям принимающего языка (*рофл – рофловый*). Частотное использование данного форманта отражает тенденцию современной молодежной речи к активному заимствованию из английского языка с поэтапной грамматической адаптацией.

Префиксация

Префиксация подразумевает под собой морфологический способ образования новых словоформ путем присоединения к производящему слову

префикса, выражающего дополнительный оттенок значения исходной лексемы [Карташева, 2024]. Молодежный сленг интернет-дискурса, расширяя многообразие своего состава, зачастую осваивает иноязычные глаголы, точнее, языковые единицы, приобретающие в русском языке процессуальное значение. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от других знаменательных частей речи (имена существительные и прилагательные, наречия), которые могут и не входить в язык сленга, имея русскоязычные синонимы, глаголы грамматическая система языка осваивает обязательно:

за- (достижение предела, многократность действия, чрезмерность действия, завершенность действия: *запостить, закрашиться, задонатить, заспамить, зашипперить, забайтить, заскамить, загуллить, зафорсить*):

- «Закрашился на девчонке, но не знаешь, как подкатить? Дергать за косички и кидать в нее записочки – это уже зашквар...» [https://vk.com/wall-211702961_592] (*закрашиваться* – влюбляться);

- «Я заспамил бедную стену «Технарей» новостями про питерскую ярмарку, где будет живая, настоящая, бумажная моя книга «Заряд воображения»» [https://vk.com/wall-111065615_7968] (*заспамить* – отправить большое количество однотипных сообщений без разрешения, от англ. «spam» – массовая рассылка рекламы).

Аксиологическая составляющая приведенных примеров может быть выражена негативной коннотацией («заспамить», «заскамить», «забайтить» – агрессия, обман, травля), а также позитивной либо нейтральной оценкой («закрашиться», «зафорсить», «загуллить»).

про- (законченность либо тщательность действия, нежелательность результата, предел действия: *прокрастинировать, прогорать, прочесть, протупить, прогрудить, прочилить, пропитчить, протусить, продинамить*):

- «Всем привет, сегодня очень сильно протупил в автобусе... Зашла девушка с длинным каре... Улыбнулась мне..., вышла на Светлановском

проспекте. Не спросил даже имени» [https://vk.com/wall-66282014_512040]
(*протупить* – проявить тупость);

- «*Организовал для девушки ужин, а она протусила с подругами до поздней ночи, для многих бы было такое обидно?»* [https://vk.com/wall-188600346_300654] (*протусить* – повеселиться, провести время с друзьями);

- «*Познакомился с девушкой в инете, в итоге она меня продинамила. Пишу девушкам, то игнорят, то отвечают долго, что капец!»* [https://vk.com/wall-117738381_111855] (*продинамить* – обмануть, не выполнить обещание).

Рассмотренные примеры глагольной префиксации демонстрируют не только продуктивность префикса *-про*, они могут указывать на семантику действия с оценочным вектором, выраженной глагольными формами «*прогорать*», «*протупить*», «*продинамить*» с иронично-негативной коннотацией, ассоциируемой с ошибкой, неудачей, обманом либо провалом. Помимо вышеуказанных глаголов, а также глаголов с нейтрально-описательной тональностью («*прочекать*», «*протусить*», «*прочилить*»), выявлены глагольные формы со значением улучшения или совершенствования действия («*прогриндить*», «*пропитчить*»), имеющие положительную оценочность.

рас-/раз- (усиление интенсивности действия, направление действия в разные стороны, воспринять или объяснить что-либо в подробностях: *распиарить, разрулить, расфрендить, распетлять, расфидить, раскатать, расфлудить, разрулить, растаргетить*):

- «*Обычный гонщик, но его «талант» распиарили до небес. Денег много приносит команде, вот его и тащат на вершину»* [https://vk.com/wall-172963629_470754] (*распиарить* – сделать широко известным, от англ. «PR» – связи с общественностью);

- «*Позвали менеджера, он разрулил ситуацию, извинился и сказал, что у этой дамы проблемы с математикой»* [<https://vk.ru/wall->]

31480508_1507607?ysclid=mt46oawgqd146241497] (*разрулить* – решить проблему);

- «Кстати, несколькими днями ранее я пытался намекнуть Холмогорову на его «слепые пятна». Он меня **расфрендил**» [https://vk.com/wall-9143630_245518] (*расфрендить* – отменить дружбу в социальной сети, от англ. «friend» – друг).

Префикс *рас-/раз-* употребляется в глагольных формах со значением усиления, распространения действия либо разрушения, что в контексте может указывать на оценочный вектор употребления данных форм. Условно их можно поделить на хаотичные действия или действия с негативным оттенком, выражающим агрессию, беспорядок, прекращение, разрыв («*расфлудить*», «*расфрендить*», «*расфидить*») и на действия распространения/усиления («*распиарить*», «*раскачать*», «*раскатать*», «*разрулить*»), которые имеют контекстуально-положительную окраску.

на- (направленность действия на что-либо, доведение действия до предела, чрезмерность действия: *накручивать*, *навойсить*, *налутать*, *накэшить*, *натрэпнуть*, *нафрилансить*, *нарэндомить*, *набрэйништормить*):

- «Пришло время для нормальных движений, но перед ними мы хотим выпустить все, что мы **натрэпили** и нафрестайлили за последний год ...» [<https://vk.com/wall-153807345>] (*натрэпнуть* – развить карьеру в определенном музыкальном жанре, от англ. «trap» – ловушка);

- «А давайте **набрэйништормим**? Самый популярный метод генерации новых идей – брейништорм...» [https://vk.com/wall-200556546_221?ysclid=mk5dbjgq5m261631732] (*набрэйништормить* – коллективно обсудить поиск решения какой-либо проблемы, от англ. «brainstorm» – метод совместного решения задач, «мозговой штурм»).

Сочетание префикса *на-* с англоязычными корнями в глагольных формах позволяет выражать значение накопления результата, а также интенсивного либо избыточного действия. Кроме того, данные примеры можно разделить на контекстуальные семантические группы с оценочным

вектором нейтрального («*нафрилансить*», «*навойсить*»), позитивно-ресурсного («*накэшиить*», «*налутать*», «*набрэйнштормить*», «*натрэпить*») и негативно-избыточного («*накрутить*») характера.

по- (начало действия, ограничение действия, многократность, результативность действия: *поайтишиить*, *потриггерить*, *поанбоксить*, *погамать*, *подушнить*, *помьютить*, *потэгать*, *поюзать*):

- «Идеальный триггер для поднятия женского настроения-цветы... Так решил *потриггерить*, любящий муж, свою супругу» (*потриггерить* – спровоцировать, от англ. «*to trigger*» – вызывать на какие-либо эмоции, провоцировать);

- «Тожё *подушню*, но считаю цветы не в горшках тратой денег. В миллион раз лучше получить (лично мне) какой-нибудь милый суккулент» [https://vk.com/wall-40232010_1444866] (*подушнить* – докучать окружающим дотошностью и занудством, «*душный*» человек – скучный, занудный).

Присоединение префикса *по-* к рассмотренным примерам глагольных форм отражает тенденцию игрового, неформального словоупотребления в цифровой среде, а также указывает на многократность выполняемого действия. Помимо этого, высказывания сданными глаголами обладают контекстуальной оценочной тональностью, характеризующейся нейтрально-разговорным («*поайтишиить*», «*поанбоксить*», «*потэгать*») и конфликтно-негативным («*потреггерить*», «*подушнить*», «*помьютить*», «*поюзать*») значением, указывающим на возникновение стресса, раздражения или агрессии.

от- (направленность действия: движение куда-либо, удаление от предмета либо отделение, отказ от чего-либо, доведение действия до нежелательных последствий, полное завершение действия: *отфоловить*, *отжигать*, *отишить*, *отгрузить*, *отфотошопить*, *открафтить*, *отскринить*, *отвебинарить*):

- «Этот твит она написала сегодня и удалила. Он украл у нее из дома часы. Она *отфоловила* Шона и его друзей из твиттера и инстаграмма

*Социальная сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ» [https://vk.com/wall-29349547_4393] (*отфоловить* – отписать от социальных сетей, разорвать контакт, от англ. «follow» – отслеживать);

- «Ни копейки ей не должен»: Кехман жестко **отшил** Бузову, которая требует с него 500 тысяч» [https://vk.com/wall-32260312_391049] (*отшить* – отказать, прекратить отношения);

- «Во Франции кандидат в сенаторы Жюльетт де Козан сильно **отфотошопила** свою предвыборную фотографию» [https://vk.com/wall-42981815_2552977] (*отфотошопить* – отредактировать изображение, от англ. «Photoshop» – фотошоп).

Употребление вышеприведенных глагольных форм с префиксом *от-* в рамках молодежного сленга интернет-дискурса подчеркивает динамичность действия, сарказм либо намеренный разрыв коммуникации. Соответственно, исходя из анализов данных примеров, можно группу глаголов с нейтрально-прагматичным значением («отстреляться», «отгрузить», «открафтить», «отскринить», «отвебинарить»), глагол, имеющий контекстуально-положительное значение («отжигать» – добавление эмоционального акцента с целью усиления впечатления от действия, восторженное преувеличение), а также глаголы с пренебрежительно-агрессивным оценочным вектором («отфотошопить», «отписаться», «отфоловить», «отшить»), выраженным чрезмерным улучшением и намеренным отчуждением.

с- (движение с разных сторон в одну точку, движение сверху вниз, удаление, устранение, совместное действие, соединение, предел, результат действия: скинуть, слить, считерить, сшазамить, сконектиться, смайнить, скроллить);

- «Я бы предложила сыграть в игру, называется она «Кто первый?» И сама **слила** бы свои фото, коллажем, не крупным планом)» [https://vk.com/wall-134449726_10232837] (*слить* – обнародовать, от англ. «to leak» – пролить);

- «*Коротко о современном образовании: Абонент (поросенок Боря) не сконектился с берегом и находится вне сети*» [https://vk.com/wall66945053_1951] (*сконектиться* – установить связь, от англ. «connect» – соединять).

Данные глаголы, демонстрируя тенденцию к упрощению и ускорению молодежной коммуникации, обладают также определенной оценочностью, выраженной как небрежно-ироничной контекстуальной тональностью («*скроллить*»), так и пейоративными значениями («*слить*», «*считерить*») обнародования секретной информации, обмана, недоверия.

На примере производных форм глагола можно проанализировать изменение его значений посредством некоторых распространенных префиксных морфем, являющихся «строительным компонентом» для глагольных образований молодежного сленга.

Исходя из анализа современной молодежной сленговой лексики, встречающейся в интернет-дискурсе, необходимо отметить, что глагольные формы, дополненные префиксальными единицами *за-*, *по-*, *про-*, усиливающими экспрессивность высказываний, являются наиболее частотными в рамках социальных сетей, выполняя новую прагматическую и коммуникативную функции, связанные с нередкими случаями изменения семантики глаголов с англоязычными корнями. В свою очередь, изменение семантики обуславливает появление оценочной тональности у языковых единиц с данными префиксами, которая варьируется от положительно-нейтральных до негативных пренебрежительно-ироничных значений.

Кроме того, каждая из рассмотренных лексем, служит примером однократности, многократности какого-либо действия и его завершенности. Непрерывные или повторяющиеся действия, передаваемые с помощью данных префиксов, так или иначе указывают на то, что процесс подошел к концу либо будет закончен. В дополнение, данные предкорневые морфемы имеют существенное значение в формировании новых производных форм,

обозначающих результативность и многократность действий в контексте интернет-общения.

Префиксально-суффиксальный способ

В молодежном сленге интернет-дискурса широко распространен префиксально-суффиксальный способ образования сленговой лексики, являющийся процессом одновременного присоединения приставки и суффикса к производящей основе [Карташева, 2024]. В виду регулярности использования данного способа, целесообразно привести некоторые примеры его функционирования в сленговой лексике молодых людей, используемой ими в интернет-дискурсе (*зашкварный, оффтопный, гиперугарно, суперстремно, пофигистичный, отстойный, околоскуфский, негламуненький*):

- «Сестра вышла замуж за парня с **«зашкварным»** прошлым – отсидка, наркотики, связь с криминалом. Говорит, что он изменился» [https://vk.com/wall-142914432_6621853] (*зашкварный* – позорный: префикс *за-* указывает на нахождение за пределами чего-либо; суффикс *-н-* указывает на признак, относящийся к совершенному действию, а также на соотнесенность с тем, что обозначено данным словом);

- «Мой муж – очень **пофигистичный** человек. Никогда не поздравит друзей и близких с днем рождения, не позвонит просто так» [https://vk.com/wall-138702171_1180831] (*пофигистичный* – равнодушный, безразличный: префикс *по-* указывает на отношение к указываемому явлению, а также на характеристику производительности; суффикс *-ичн-* придает имени прилагательному значение обладания каким-либо признаком);

- «Вместо всякой **околоскуфской** философии, морализаторства и нравоучений я хочу рассказать вам инфу, которая, возможно, спасет вам жизнь» [https://vk.com/wall-214848253_359] (*околоскуфский* – признак или действие, похожие на поведение, образ жизни скуфа – мужчины, старше 30 лет, не заботящегося о внешнем виде: префикс *около-* дополняет

прилагательное значением нахождения рядом, поблизости; суффикс *ск-* образует относительное прилагательное со значением свойства, качества).

Опираясь на рассмотренные примеры лексем молодежного сленга, употребляемого в интернет-пространстве, необходимо обратить внимание на то, что данный способ словообразования находит активное применение в процессе создания новых прилагательных, отражающих особенности культуры и коммуникации современного молодого поколения. Кроме того, рассмотренные сленгизмы выполняют экспрессивную функцию и функцию иронии, демонстрируют эмоциональную насыщенность высказываний, а также тенденцию к гиперболизации, в связи с чем большинство из примеров можно распределить по группам, исходя из их контекстуального оценочного вектора: лексемы, выражающие негативную оценку («*зашкварный*», «*суперстремно*», «*отстойный*», «*околоскуфский*», «*негламурненький*») и позитивно-нейтральную оценку («*гиперугарно*», «*пофигистичный*»).

Аббревиация

Не менее продуктивным способом образования сленговой лексики молодых людей в рамках интернет-дискурса является **аббревиация**, представляющая процесс словообразования на основании сокращения определенной лексемы или словосочетания. В силу своих особенностей аббревиация зачастую выступает в качестве инструмента пополнения молодежного сленга, поскольку именно анализируемый пласт лексики опирается на максимальное сокращение средств коммуникации с целью экономии времени. Кроме того, аббревиация выступает в качестве индикатора номинирования терминологической, социально сниженной или маркированной, а также экспрессивной лексики, благодаря которой молодежный сленг располагает довольно большим количеством аббревиаций, которые также влияют на его распространение не только в повседневной речи, но и в социальных сетях [Мотеюнайте, 2019]. Аббревиатура – ключевой компонент в ходе процесса возникновения сленгизмов, потому как регулярное появление различных аббревиатур в лексике молодежного сленга обусловлено

непрерывным возникновением новых длинных и труднопонимаемых конструкций, затрудняющих темп коммуникации [Ефимов, 2024]. Исключительно важную роль аббревиатура играет в контексте онлайн-общения, которое прежде всего ориентировано на скорость передачи информации.

Для наглядности функционирования способа аббревиации в молодежном сленге интернет-дискурса целесообразным будет привести некоторые примеры ее использования (*ХЗ*, *ИМХО*, *ОМГ*, *РОФЛ*, *БТВ*, *ПЖЛ/PLS*, *НЗЧ*):

- «Я *хз* почему он тут выглядит как торч с 30летним стажем» [https://vk.com/wall-176111608_293] (буквенная аббревиация: *ХЗ* – «хрен знает» – акроним в современном молодежном интернет-сленге, носящий грубо-фамильярный оттенок, который используется в случае, если человек не знает ответ на заданный вопрос, не имеет представления о чем-либо);

- «что с чувствами делать??? Я ЛЮБЛЮ ЕГО *омг* он котенок» [https://vk.com/wall-186995073_22897] (буквенная аббревиация: *ОМГ/OMG* от англ. «*oh my God*» – имеет расшифровку «о боже мой», «о Господи» и используется в интернет-дискурсе аналогично предыдущему сленгизму с целью экономии языковых средств);

- «Аноним *пжл*, девочки чуть не по теме, подруги день рождения, она мне как сестра...» [https://vk.com/wall-48067990_1295569] (буквенная аббревиация: *пжл* – пожалуйста).

Безусловно, аббревиация в молодежном сленге интернет-дискурса имеет особенности и реализует ряд ключевых функций, среди которых необходимо выделить экономию речевых средств, экспрессивность и эмоциональность, а также создание «конспиративного» языка, непонятного другим пользователям. Процесс аббревиации не только ускоряет общение в рамках социальных сетей, отражая динамичность, изобретательность и экспрессивность языка молодых людей, но и позволяет условно выявить в употреблении данных аббревиатур оценочный вектор в качестве

демонстрации отношения к объекту речи. Таким образом, можно выделить нейтрально-описательные сленговые аббревиатуры («БТВ», «ИМХО»), положительно-ироничные («РОФЛ», «ОМГ») и негативно-саркастические («ХЗ»).

Сокращение лексем

Одним из наиболее продуктивных способов образования сленговой лексики следует считать не только аббревиацию различных конструкций или словосочетаний, но и сокращение лексем до нескольких букв либо усечение основы слова. Усечение основы слова представляет собой не что иное, как слоговую аббревиацию – процесс сокращения слова до начальных слогов, которая, в свою очередь, имеет два вида:

1. Апокопа – усечение конца слова [Харькова, 2016] (*комп, норм, инфа, имба, ава, движ, жиза, бро, доки*):

- «Всегда делать вместе одно и то же – СТРЕМ. Хотеть проводить иногда время одному, без партнера – **НОРМ**» [https://t.me/vikadmitrieva_psiholog/4462];

- «Фандомы таковы, что для какого-то из них персонаж – норма, а для какого-то – **имба** и почти божок» [https://vk.com/wall-59870426_1184433] (*имба* от англ. «*imbalanced*» – несбалансированный: нечто выдающееся, мощное, неординарное);

- «А что там за **движ** у пятой столовой? - спрашивают подписчики ШХ. - Убрали наконец-то горы земли с бордюрами, лежавшие там пару лет с замены газонов вокруг управления» [https://vk.com/wall-168205921_36026] (*движ* – сленговое сокращение существительного «движение»).

Среди рассмотренных примеров апокопы можно выделить как нейтрально-описательную («*комп*», «*ава*», «*движ*», «*доки*»), так и оценочно-положительную тональность высказываний с выражением одобрения или восхищения («*имба*», «*норм*», «*бро*»).

2. Синкопа – усечение середины слова [Там же] (*фотка, рили/rly, ваще, щас, че, лан, здрасте, пасибки, смари*):

- «*Девочки, не по теме, но... Парень слил мои **фотки** своему близкому другу*» [https://vk.com/wall-149268003_799699];

- «она **ваще** стремная адвокатишка, был инцидент. Ей тока балтику 9 рекламировать...» [https://vk.com/wall-70683182_452221] (*ваще* – от «вообще»: в разговорной речи данный вариант употребляется с редукцией гласных и упрощением произношения);

- «*Кристина, **пасибки** тебе за классно проведенное время!!! Секрет долгой женской дружбы: разные вкусы на мужиков и одинаковые – на вино*» [https://vk.com/wall195829271_12190] (*пасибки* – сокращение от лексемы «спасибо», представляющее комбинацию словообразовательных способов усечения и суффиксации: суффикс -к- выражает субъективную оценку и экспрессию).

Сокращение слов как разновидность аббревиации является безаффиксным способом словообразования и обуславливает появление новых сленгизмов в молодежном интернет-дискурсе за счет усечения основы либо конца слова, тем самым пополняя лексический состав сленга различными видоизмененными формами слов литературного языка.

Сокращения, используемые в современном молодежном сленге интернет-дискурса, выполняют ряд ключевых функций, среди которых ускорение коммуникации – коммуникативная функция, создание неформального тона, а также выражение эмоциональной оценки, позволяющей классифицировать данные языковые единицы по оценочному вектору с контекстуальной нейтрально-разговорной («*фотка*», «*щас*», «*рили*», «*лан*», «*смари*»), игриво-положительной («*пасибки*»), пренебрежительно-ироничной («*че*», «*ваще*», «*здрасте*») тональностью.

Конверсия

Под конверсией следует понимать словообразовательный способ, подразумевающий переход словарных единиц из одной части речи в другую без добавления аффиксальных компонентов. В процессе конверсии производное слово начинает реализовывать новую синтаксическую функцию,

приобретая грамматические категории, свойственные другой части речи [Голушин, 2022].

В рамках молодежного сленга, используемого в интернет-дискурсе, конверсия является актуальным способом словообразования, поскольку множество сленговых глагольных форм и форм прилагательных возникают именно в процессе перехода от англоязычной заимствованной производящей основы к производному слову, приобретающему в русскоязычном общении другие грамматические признаки (*дизлайкать*, *зумить*, *тильтовать*, *слэшить*, *тиктокать*, *фолловить*, *окейный/неокейный*, *олдскульный*, *хардовый*):

- «Смешно читать советы о том, как не **тильтовать**, от человека, который любит поразбивать шмотки...» [https://vk.com/wall-56333679_2579416] (*тильтовать* – глаг.: терять контроль, разочаровываться, грустить; от англ. «tilt» – сущ.: наклон, крен);

- «Вы знаете, что бывают **ОКейные** и **неОКейные** люди?... Я вышла в состояние ОКейности еще в прошлом веке» [https://vk.com/wall182891040_1032] (*окейный* – прил.: находящийся в мире с самим собой/ *окейность* – сущ.: уверенность в положительности человека; от англ. «Okay» – межд.: хорошо);

- «Адекватный **олдскульный** зритель соответственно отделяет интересное кино именно по олдскульным принципам...» [https://vk.com/wall-162368123_14638] (*олдскульный* – прил.: альтернативный современности, основанный на ностальгии, качестве и простоте; от англ. «old school» – словосочетание: старая школа).

На основании рассмотренных примеров употребления глагольных форм и имен прилагательных в контексте интернет-дискурса, необходимо подчеркнуть, что конверсия имеет огромное значение в словообразовании современного молодежного сленга, потому как способствует созданию новых лексем, номинирующих современные реалии за счет грамматической и смысловой модификации исходной языковой единицы, превращая ее во

вторичную словоформу, относящуюся как правило к разным частям речи: существительное → глагол, прилагательное → глагол, междометие → прилагательное/существительное, существительное → прилагательное, наречие → прилагательное. Использование конверсии в рамках молодежного сленга интернет-дискурса репрезентирует не только коммуникативные и прагматические функции, но и экспрессивную функцию, которая способствует оценочной классификации рассматриваемой лексики. Условно можно выделить языковые единицы с контекстуальной оценочной характеристикой: мелиоративной («окейный», «олдскульный», «хардовый») и негативно-ироничной («дизлайкать», «тильтовать», «фолловить», «неокейный»).

Словосложение

Словосложение в общепринятом значении является одним из видов словообразования, в рамках которого происходит слияние двух или более корней [БСЭ]. Несмотря на это, в отечественном языкознании отсутствует единое мнение по поводу определения данного лингвистического процесса. С одной стороны, словосложению можно рассматривать как один из способов словообразования наряду с аффиксацией, аббревиацией, сокращением слов и т.д., с другой стороны, существует мнение, что словосложение наряду с деривацией и конверсией считается наиболее продуктивным способом словообразования, относясь к морфологическому типу словообразования, поскольку может включать в себя интерфиксацию, префиксацию и суффиксацию [Пешкова, 2025]. Отмечая объективность данной точки зрения, необходимо обратить внимание на то, что в контексте современного молодежного сленга словосложение также играет значительную роль, выступая как продуктивный способ словообразования, поскольку, как и другие виды словообразования, словосложение – распространенный творческий механизм создания новой лексики, придающий ей оттенок экспрессивности, ироничности, интеркультурности. Кроме того, использование словосложения в интернет-дискурсе обуславливается

первостепенной его функцией – максимальной сжатости и образности общения (*афтепати, овердофига, бабуллинг, картинкоспам, лайкозависимость*):

- *«Жертвы бабуллинга, отзовитесь... Получается я в трамвае или маршрутке каждый день бабуллинг встречаю»* [https://vk.com/wall-170528132_5698056] (*бабуллинг* – травля, психологическое давление со стороны старшего поколения, пожилых людей; сложение корней двух лексем «бабушка» и «буллинг» от англ. «*bullying*» – запугивание, травля, издевательство);

- *«Лайкозависимость – новая болезнь 21 века. Станет ли зависимость от лайков в одну строчку с алкогольной, наркотической и игровой зависимостью?»* [https://vk.com/wall-7134_396068?ysclid=mks6pro35sn23182874] (*лайкозависимость* – потребность нравиться другим пользователям в социальных сетях; словосложение с добавлением интерфикса -о-: англ. «*like*» – нравиться и рус. «*зависимость*»).

Рассмотренные примеры словосложения в современном молодежном сленге представляют собой как полное заимствование англоязычных лексем, образованных путем слияния двух корней, так и гибридное соединение англоязычных и русскоязычных словарных единиц, в том числе посредством интерфикса -о-. Словосложение как способ образования новой сленговой лексики позволяет создавать словоформы, заменяющие целые словосочетания на основании языковой игры, креативности и эмоциональной окраски, что обуславливает выявление контекстуального оценочного вектора в рассматриваемых сленгизмах. Выделяются лексемы с нейтрально-негативной («*картинкоспам*») и негативно-ироничной («*бабуллинг*», «*лайкозависимость*») ситуативной тональностью. На основании подобного лексического группирования, можно сделать вывод о том, что словосложение способствует реализации таких функций молодежного сленга, как номинативная, экспрессивная и критическая.

Эрратив

К способу словообразования современного молодежного сленга следует также относить креативные орфографические искажения, обозначаемые термином «эрратив» (от лат. «errare» – ошибаться) – намеренное искажение слово носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания речи особого эффекта выразительности [Гусейнов, 2005]. По мнению некоторых лингвистов, эрративом принято считать языковую игру, широко распространенную в интернет-дискурсе в качестве словопроизводственного приема, что подтверждает наличие в сетевых ресурсах большого количества сокращенных слов, имеющих различные орфографические сокращения [Го, 2023]. Русскоязычный интернет-сленг активно пополняется многочисленными эрративами, как с умышленным, так и со случайным нарушением нормы, используемыми молодыми людьми для обозначения принадлежности к молодежной субкультуре, выражения иронии, а также самовыражения и установления контакта с собеседником (*капец*, *красаучег*, *ничоси*, *ве4ерино4ка*, *стонэ*, *ацтой*, *дратутти*, *аффтар*, *ваине*):

- «*Это **капец** как сложно! Ребят, это мои эмоции как есть! Я хожу на вождение и экзамен совсем скоро...*» [https://vk.com/wall-126639667_1956] (*капец* – конец, провал, неудача; существует мнение, что данный эрратив возник от слияния двух лексем «конец» и «канут» – от нем. «*karut*» – разбитый, погибший, сломанный);

- «*Обалденное произведение, периодически перечитываю. И вообще, Чехов, конечно, **красаучеГ**))*» [https://vk.com/wall-106679763_146390] (*красаучег* – искаженное написание слова «красавчик»; «жаргон подонков, олбанский язык» – стиль употребления русского языка, популярный в Рунете с 2000-х годов);

- «*Музыканты! / **ве4ерино4ка**... 20 октября ПОЧЕПКО в Росинке! 21 октября ТРЕЙДЕН в Хвойном!*» [https://vk.com/wall-122543611_1833] (*ве4ерино4ка* – замена буквы «ч» на цифру 4).

Функционирование эрратива в русскоязычном молодежном сленге связано с довольно долгим периодом существования интернет-дискурса: от

«языка подонков» начала 2000-х годов до настоящего времени. В качестве способа словообразования рассмотренных примеров эрратив является осознанным языковым экспериментом с орфографическим изменением форм слов, включающим в себя: фонетические искажения – замена звуков, добавление звуков, упрощение произношения; графические искажения – перестановка или пропуск букв, замена букв символами; а также фонетико-графические искажения, влияющие на создание новых сленгизмов при помощи комбинирования различных приемов. Среди особенностей использования эрратива в контексте современного молодежного сленга важно отметить создание языковой игры, обуславливающей нестандартность и экспрессивность речи, индивидуальный стиль общения, выражаемый протестом против традиционных языковых норм, а также усиление эмоционального воздействия, что позволяет определить оценочную направленность в анализируемых примерах. Таким образом, выделяются сленгизмы с контекстуально-положительной оценкой («красаучег», «ве4ерино4ка»), с иронично-нейтральной оценкой («ничоси», «стонэ», «дратути», «аффтар», «ваише») и с негативно-ироничной оценкой («капец», «ацтой»). Употребление эрратива в молодежном интернет-дискурсе делает возможным реализацию таких функций сленговой лексики как экспрессивная, игровая, социальная и эвфемистическая.

Обобщая вышеизложенную информацию, можно сделать вывод о том, что к деривационным особенностям относятся все модели и способы, по которым создаются новые молодежные сленговые слова, употребляемые в интернет-дискурсе:

1. Способы: заимствование, аффиксация (суффиксация, префиксация, суффиксально-префиксальный способ), аббревиация, сокращение, конверсия, словосложение, эрратив.

2. Модели: наиболее продуктивные словообразовательные модели, образованные путем аффиксации сленговых единиц от производящей основы:

англояз. основа + англ. суф. -инг- = существительное;

англояз. основа/русская. основа + англ. суф. -ер- = существительное;

англояз. основа/русская. основа + рус. суф. -ов- = прилагательное;

преф. за- + **англояз. основа + рус. суф. -ить** = глагол

преф. про- + **англояз. основа + рус. суф. -ить** = глагол

преф. по- + **англояз. основа + рус. суф. -ить** = глагол

преф. + англояз. основа + рус. суф. -ов- = прилагательное

преф. + англояз. основа + рус. суф. -н- = прилагательное

3. Продуктивные аффиксы:

суффиксация: **суффикс -инг-** – образование имен существительных с обозначением процесса, явления, состояния; **суффикс -ер-** – образование имен существительных с обозначением рода деятельности; **суффикс -ов-** – образование имен прилагательных со значением отношения, принадлежности к чему-либо.

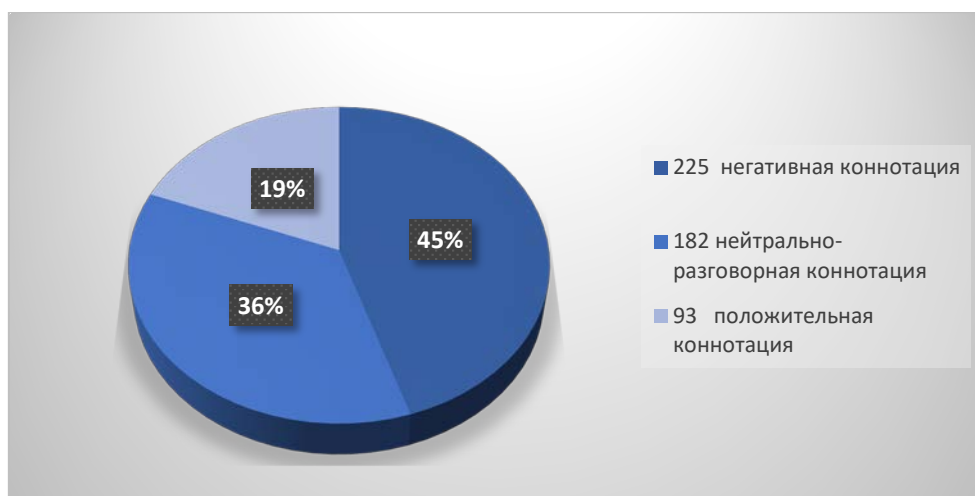
префиксация: **префикс за-** – достижение предела, завершенности, чрезмерность действия; **префикс по-** – завершение либо начало действия, ограничение действия, многократность, результативность; **префикс про-** – законченность действия, нежелательность результата действия.

Семантические модели: семантическое переосмысление – метафоризация молодежного сленга (типичные случаи): *залипать* – перенос значения: делать липким, липнуть (лит. форма) – глубокое погружение в какое-либо занятие или чувства влюбленности (сленг.); *зацепить* – перенос значения: задеть, захватить, прикрепить (лит. форма) – привлечь внимание (сленг.); *зависать* – перенос значения: оказываться в неподвижном состоянии (лит. форма) – проводить время, ничего не делая (сленг.); *мутить* – делать мутным, лишать прозрачности (лит. форма) – встречаться с парнем, девушкой/начинать какое-либо дело (сленг.).

Кроме того, рассмотренные способы деривации молодежного сленга способствовали определению ключевых функций молодежного сленга (коммуникативной, прагматической, эмоционально-экспрессивной и функции идентификации), а также классификации сленговой лексики интернет-

дискурса на основании ее оценочного вектора. В ходе анализа способов словообразования 500 сленгизмов, употребляемых в современном интернет-дискурсе, было установлено, что наиболее продуктивной оказалась аффиксация, при этом пейоративная коннотация преобладает у глаголов с префиксами **за-**, **про-**, а также у существительных с суффиксами **-ер/ор-**, **-ик-**, **-к-**. Также установлено количественное соотношение: 93 языковые единицы, (19%) характеризуются мелиоративной коннотацией – имеют нейтрально-положительную или положительную окраску; 182 языковые единицы (36%) употребляются в стилистически нейтральных значениях; 225 языковым единицам (45%), образованным преимущественно путем аффиксации, свойственна пейоративность – негативная коннотация: оттенки иронии, сарказма, уничижения, пренебрежения либо агрессии.

Рисунок. 1. Оценочный вектор молодежного сленга

2.2. Особенности адаптации англоязычных заимствований в молодежном сленге русскоязычного интернет-дискурса

Формирование современного русского языка обусловлено влиянием англицизмов на его лексический состав, особенно в контексте молодежного

сленга. Молодежная субкультура, стремясь к максимальному выражению эмоций, а также самовыражению, легко принимает в собственную речь неологизмы. Англоязычные заимствования в сленговой лексике не только являются отражением личности молодых людей, но и, как уже было сказано, выполняют функцию номинации новых реалий, прежде всего в цифровой области, устраняя тем самым многие лексические лакуны. Заимствованные языковые единицы интегрируются: фонетически – приспосабливаясь к фонетическим нормам заимствующего языка; графически – изменяя буквенный облик посредством символов языка-реципиента; грамматически – подчиняясь правилам грамматики принимающей языковой системы.

Исследование ассимиляции англицизмов в русскоязычном молодежном сленге интернет-дискурса нацелено на выявление как способов языковой адаптации, так и специфики употребления англоязычных заимствований в разных ситуативных контекстах. Источниками материала данного исследования послужили 790 англоязычных сленгизмов, отобранных из форумов социальной сети «VKontakte» и кроссплатформенного мессенджера «Telegram».

Проблема заимствования англицизмов в русский язык рассматривалась многими отечественными учеными-языковедами, среди которых Э. Ф. Володарская [Володарская, 2002]; Л. П. Крысин [Крысин, 2004]; Б. Д. Ходжагельдыев, О. С. Шурупова [Ходжагельдыев, Шурупова, 2016]; Ю. В. Ахметшина [Ахметшина, 2020]; Р. Р. Хусаинова, А. А. Хуртина [Хусаинова, Хуртина, 2024]; А. В. Дмитриев [Дмитриев, 2025] и др. Что касается вопроса англоязычных заимствований и их адаптации в русском молодежном сленге, то этому явлению посвящены работы таких лингвистов как О. А. Башкирцева и Д. М. Дедковская [Башкирцева, Дедковская, 2019]; Е. Н. Мухина [Мухина, 2021]; Н. Г. Разуваева, Д. К. Ефимов, С. Н. Кайырбаева, [Разуваева, Ефимов, Кайырбаева, 2024]; Э. С. Игнатьева, Е. Ю. Балашова [Игнатьева, Балашова, 2025] и другие.

Молодежный сленг – полиморфное явление, с противоречивым теоретическим обоснованием, тем не менее, в традиционном смысле под сленгом понимается «полузакрытый» язык. Однако современный молодежный сленг стал частью повседневного общения, преодолев социальные и возрастные границы [Спиридонов, 2021]. Распространение сленговой лексики детерминировано в том числе наличием многочисленных англоязычных заимствований, которые возможно рассматривать и как средство расширения языкового ресурса, а не только как причину нарушения уникальности русского языка [Требух, 2017].

С позиции Э. Ф. Володарской, термин «заимствование» отличается универсальностью, так как представляет языковое явление, обуславливающее усвоение языком-реципиентом целого лингвистического корпуса другого языка в результате лингвокультурного взаимодействия [Володарская, 2002]. С другой стороны, заимствованием является конкретный «процесс перемещения различных единиц уровней языковой структуры (фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики) из одного языка в другой» [Крысин, 2004: 24]. Заимствования в языке не имеют пассивный характер: чужеродные лексемы русифицируются, подчиняясь внутренним грамматическим закономерностям и таким образом интегрируются в систему языка-реципиента [Исраилова, 2015].

В то же время существует сложность унификации данного термина в силу вариативности точек зрения на его формулировку. В широком смысле заимствованием называют переход лексических фрагментов из одного языка в другой в результате лингвокультурного взаимодействия. В узком смысле под заимствованием понимается перенос конкретного элемента из языка-источника в язык-реципиент. Заимствование следует рассматривать не только как отдельную словарную единицу, но и как процесс ее адаптации в принимающем языке. Следовательно, под термином «заимствование» понимается и процесс усвоения иноязычных лексем, и результат их интеграции [Букина, 2016].

Вслед за Э. Ф. Володарской, Ю. В. Ахметшина подчеркивает, что «заимствование – совокупность иноязычных словарных единиц вне зависимости от степени их адаптации» [Ахметшина, 2020: 325]. Рецепция англицизмов крайне важна для развития русского языка, поскольку это отражение фактора современности: их употребление обусловлено социальной необходимостью в новизне номинируемых понятий. Кроме того, подобные лексемы обладают высокой словообразовательной активностью, что определяет частоту их употребления [Дедюхин, 2020]. По мнению Л. Р. Закировой, фиксация англоязычных лексем в русском языке связана со статусом английского языка в качестве универсального инструмента межкультурной коммуникации. Влияние английского языка на русский не только зависит от номинации новейших понятий, но также обусловлено возникновением словообразовательных цепочек от англоязычных понятий [Закирова, 2021].

Под термином «англицизм» понимается единица любого языкового уровня, заимствованная из английского языка, которая сохранила свой первоначальный облик либо подверглась процессу адаптации [Андросенко, 2023]. По А. В. Дмитриеву, заимствованная лексема подвергается трем этапам адаптации в языке-реципиенте: минимальное грамматическое изменение, частичная аффиксальная интеграция и полная адаптация [Дмитриев, 2025]. Влияние английского языка не сводится только к прямым заимствованиям, так как включает в себя поэтапную интеграцию и реинтерпретацию англицизмов, обуславливающую появление новых слов с измененной семантикой [Разуваева, 2024].

Заимствованные понятия, проникая в новый язык, проходят процесс максимального соответствия его закономерностям, что подразумевает фонетико-графические, семантические и грамматические изменения, а также словообразовательную динамику [Раздужев, 2018]. Следовательно, языковая интеграция подразумевает многоуровневое проникновение лексических единиц в систему языка-реципиента, изменяющую внешний облик слова и

приспосабливающую его к новым закономерностям [Истомина, 2022]. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи, утверждая, что под термином «адаптация» следует понимать постепенное освоение иноязычных заимствований и их включение в структуру принимающего языка [Жегалина, 2025].

Языковеды считают фонетическую адаптацию ключевым этапом интеграции заимствований, поскольку фонетическая адаптация, производит замену «отсутствующих в данной системе звуков на более близкие в акустическом или артикуляционном отношении» [Раздужев, 2018: 108]. Фонетическая адаптация является приспособлением заимствованного слова к фонетическим нормам заимствующего языка посредством замены исходного звукового облика фонетическими единицами, свойственными языку, осуществляющему рецепцию [Бабенко, 2021].

Под графической адаптацией заимствованных слов в русском языке подразумевается орфографическое уподобление иноязычных единиц, связанное с их фонетической интеграцией [Богословская, 2019]. Графическая адаптация включает в себя транскрипцию и транслитерацию, реализующих передачу заимствований посредством алфавита языка-реципиента [Бабенко, 2021]. Несмотря на то, что англицизмы зачастую подвержены перенятию нового графического облика, в некоторых случаях у них сохраняется латинское написание либо появляются два варианта графического отображения, указывающие на неустойчивость их форм [Варавина, 2023].

К фонетико-графическим способам адаптации иноязычных понятий относятся: трансплантация – введение иностранного слова в русский язык в иноязычном написании, с полным сохранением графического и орфографического облика [Кузьмина, 2008]; транскрипция, как форма графической ассимиляции англоязычных единиц, является условной передачей звучания перенимаемой единицы, ее фонемного состава с использованием фонетических символов, максимально приближенных к исходной фонации [Дьяков, 2012]; транслитерация представляет собой

побуквенную передачу исходных языковых единиц, записанных при помощи одной графической системы средствами другой графической системы [БРЭ].

Фонетическая адаптация заимствованных английских слов (26% – 205 яз. ед.) играет большую роль в развитии современного русского молодежного сленга:

- «Ну он вообще **крейзи**... .. Он там еще обнимашки рекомендовал против этой напасти» [https://vk.com/wall-161978416_20274] (*crazy* [kreizi] → *крейзи* [кр'ий'з'и]: английского звука [ei] в русской фонетике не существует, поэтому английская буква [a] в русском языке зачастую передается эквивалентным сочетанием «эй», похожим на оригинальное звучание);

- «Это было вообще **изи**! Анахайм в этом сезоне не конкурент Вегасу, да и вообще это чуть ли не самая слабая команда!» [https://vk.com/wall-187029894_41305] (*easy* ['i:zi] → *изи* [йз'и]: долгий гласный [i:] передается фонемой [и], звонкий и мягкий звук [z], отражаемый на письме буквой «s», в русском языке побуквенно передается мягкой «з» – [з']; английская буква «y» в данном случае передает звук [i], отражаемый русской буквой «и»);

- «**СлоупОк** в мире блогеров... 3 недели прошло с Нового года и наконец-то готов рилс, еще неделю и Лехин день рождения покажу» [https://vk.com/wall114715266_5859] (*slowpoke* [sləʊpəʊk] → *слоупок* [слауп'ок]: английское сочетание букв «slow» передается с дифтонгом [sləʊ] со звуком [w] в конце, для которого в русской фонетике не существует точного эквивалента, поэтому он заменяется близким по звучанию сочетанием букв «оу»; в сочетании «poke» – [pəʊk] последняя буква «e» не произносится, но ее наличие в конце слова позволяет букве «o» отражать долгий дифтонг [əʊ]);

- «Устал от тупых баб, которые постоянно отправляют смайлик **фейспалма**, даже там, где это не уместно» [https://vk.com/wall-152441742_850811] (*facepalm* [feɪs.pɑ:lm] → *фейспалм* [ф'ий'спáлм]: дифтонг [ei] передан как «ей». Звук [pɑ:] передан как «пал». Это сложное слово, и его заимствование шло не только на слух, но и визуально. Структура «face + palm» легко узнается и побуквенно передается как «фейс + палм»);

- «*А лично вы, как пользователь ВКонтакте, когда кликаете по хештегам?*» [https://vk.com/wall-39599132_202895] (hashtag ['hæʃ,tæg] → хештег [хэшт'эк]: английское буквосочетание «hash» – ['hæʃ,] передается как «хеш», потому как английский гласный [æ] в русском языке эквивалентен открытому звуку, схожему со звуками [а] и [э], отражаемые буквой «е»; в сочетании «tag» – [tæg] буква «а» передается кратким [æ], близким к русской «э»; в конце слова происходит оглушение «г» – «к»);

- «*Но летсплей не был бы летсплеем, если бы не содержал характерную отличительную черту: комментарии игрока*» [https://vk.com/topic-73468783_30385913] (let's play [l'ets pl'eɪ] → летсплэй [л'иц:пл'эй']: на стыке двух слов возникает звуковое сочетание [цп] в результате ассимиляции, дифтонг [eɪ], на письме передающийся буквой «а», в русском языке заменяется близким по звучанию сочетанием «эй»);

- «*В твите он признался, что во время своих спидранов он все-таки использовал читы*» [https://vk.com/wall-182864292_594607] (cheat [tʃi:t] → чит [ч'ит]: англоязычная аффриката [tʃ] передается близкой по звучанию буквой «ч», буквосочетание «ea» – долгий гласный [i:] в русском языке заменяет краткий звук [и]);

- «*Найс денек, конечно.... Два самых сочных улова вам на стенку, как вам?*» [https://vk.com/wall-199940844_9263] (nice [naɪs] → найс [н'ай'с]: дифтонг [aɪ] передается близким по звучанию «ай», «е» в конце слова указывает на открытость слога);

- «*Что ответить если твое фото прокомментировали как трэш*» [https://vk.com/wall-3643_90951] (trash [træʃ] → треш [тр'эш]: дифтонг [æ] передан близким по звучанию звуком [э], а звук [ʃ] – буквой «ш»);

- «*Пока дебильная вумен строит из себя что-то, бедный собачен на поводку сидит...*» [https://vk.com/wall-167123504_228777] (women ['wʊmən] → вумэн [вум'ин]: звук ['w] передается близким по звучанию звуком «в», также как и звук [ʊ] – не имеющий точного аналога в русской фонетике – передается

ближайшей по месту образования буквой «у», безударный [э] передается буквой «э»).

Графическая адаптация, представленная трансплантацией, транскрипцией и транслитерацией англицизмов в контексте русского молодежного сленга, подразумевает также под собой воспроизведение буквенного написания заимствованного слова [Васильева, 2020]. Письменный облик англоязычной лексемы, приходящей в речь молодого поколения, подстраивается под графические нормы принимающего языка не только в случае употребления начальной формы слова, но и во всей парадигме склонений (существительные и прилагательные) и спряжений (глаголы), сопровождаясь адаптацией на уровне грамматики. В связи с этим, исключительно графической адаптации подвержены только 13% (103 яз. ед.) от общего числа исследуемых сленгизмов:

- «*Эта новость облетела весь интернет и дошла до Алишера. Он, в свою очередь, выразил блогеру **респект**, и они даже списались в телеграмме...*» [https://vk.com/wall-53109527_1028703] (*респект* – транслитерация англ. «*respect*» – уважение);

- *Скорее всего, ваш знакомый – самый настоящий **лузер**, если он: часто жалуется – у него кругом виноваты все, только не он;* [https://vk.com/wall116598052_2456] (*лузер* – транслитерация англ. «*loser*» – неудачник);

- «*Осенняя фотосессия с моей **сис...***» [https://vk.com/wall155813927_6574] (*сис* – транслитерация англ. «*sis*» (*sister*) – сестра);

- «*Сделайте **репост** и информация будет всегда под рукой*» [https://vk.com/wall-160262240_51045] (*репост* – транслитерация англ. «*repost*» – вторичная публикация);

- «*Недолго думая, я понял, что попался на **скам**, попросту говоря меня обманули на деньги*» [<https://vk.com/@thelongestihaveid-kak-ya-popalsya-na>]

skam-i-kak-etogo-izbezhat] (скам – транслитерация англ. «scam» – мошенничество);

- «На самом деле, через **липсинк**, в некотором смысле, прошло уже далеко не одно поколение, просто раньше подростки «втихую» от предков имитировали своих поп или рок-кумиров...» [<https://vk.com/@recsquare-guby-v-guby-proshloe-nastoyaschee-i-buduschee-lipsinka>] (л^ипсинк – транслитерация англ. «lipsinc»: «lip» – губа, «sinc» – синхронно);

- «Модный приговор или очередной **кликбейт**? Помните, когда Модный дом Schiaparelli показал свою новую кутюрную коллекцию...?» [https://vk.com/wall-78331226_12565] (кликб^ейт – транслитерация англ. «clickbait» – приманка для кликов);

- «Валя Карнавал ответила хейтерам, которые считают, что она делала пластику лица... **Рил** она ничего себе не делала на лице» [https://vk.com/wall-84101077_129119] (рил – транскрипция англ. «really» – действительно, на самом деле),

- «Несколько дней назад мы были на гендер **пати** наших друзей))) и, представляете, я никогда не была на гендер **пати** и имея 4 детей ни разу не сделала этот праздник» [https://vk.com/wall-211588726_313910] (пати – транскрипция англ. «party» – 1. вечеринка; 2. группа людей);

- «Слушал 20 минут его нытье, что 8к чел собирает на морфе не правильные шмотки и что версута сделал бы по-другому. ... Гы, лол, **ват зе фак**» [https://vk.com/wall-86678270_1527600] (ват зе фак – транскрипция англ. «what a fuck» – какого черта).

Адаптация на грамматическом уровне понимается как подчинение заимствованного слова правилам грамматики заимствующего языка. Словообразовательная система, а также морфологические характеристики и синтагматические свойства заимствований в процессе подчинения правилам новой грамматики претерпевают большие изменения. Признаками грамматической адаптации англицизмов являются: 1) появление склоняемости, 2) стабилизация родовой отнесенности (не только у

одушевленных, но и у неодушевленных существительных), 3) расширение деривационного потенциал и возникновение в современном русском языке новых словообразовательных гнезд [Горностаев, 2017].

Грамматическая адаптация является завершающей стадией усвоения англицизмов русским молодежным сленгом, поскольку англоязычные лексемы приобретают новые аффиксы, соответствуя грамматическим нормам и теряя внешние признаки языка-источника. В силу флективности русского языка, данный вид адаптации представляется наиболее продуктивным, составляя 61% (482 ед.) от всех рассматриваемых сленгизмов. Однако процесс грамматической интеграции англоязычных заимствований в некоторых случаях сопровождается нарушением закономерностей русской грамматики:

- *«Своп книг и одежды на дне рождения ивент-клуба «Чердак»»* [https://vk.com/wall-88657003_17431] (*«своп одеждой»* – лексическая и синтаксическая калька английской конструкции *«to swap clothes <with someone>»* / *«a clothing swap»* – обмен одеждой. В данном случае словосочетание «своп книг и одежды» не соответствует правилам управления).

В русском языке также появляются различные конструкции (без падежей), которые разрушает русские правила управления и согласования:

- *«Своп канал Москва. На данном канале публикуются анонсы свопов и других мероприятий по обмену в Москве»* [<https://t.me/s/swapMoscow/742>]¹ ;

- *«Крафт место – самый большой в России магазин подарков ручной работы!»* [<https://vk.com/craftmesto?ysclid=mlw5g6aspk397208690>] (от англ. *«craft»* – ремесло);

- *«Instagram² начал выдавать пользователям **треш контент** в ленте»* [https://vk.com/wall-152992737_6376938?ysclid=mlw61w30qj661702735] (от англ. *«trash»* – мусор).

¹ РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ

² * Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ

Несмотря на это, в большинстве ситуаций, англоязычные заимствования, становясь частью синтаксической конструкции, успешно приспосабливаются ко всем видам подчинительной связи:

- «22-летняя Валя Карнавал наглядно продемонстрировала, как ее **меняет «домашний лук»**» [https://vk.com/wall-33404310_838257] (от англ. «look» – облик, стильный наряд);

- «А чтобы **прочувствовать летний вайб** максимально, нужно всего лишь несколько шагов» [https://vk.com/wall35056935_25802] (от англ. «vibe» – вибрация, атмосфера, настроение),

- «Вообще нужно полностью в корню запретить фейковые страницы, и по IP банить навсегда, чтобы у пользователя не было возможности **сделать еще один фейк**» [https://vk.com/wall-777107_148045] (от англ. «fake» – подделка, ложь).

Результатом грамматической адаптации сленгизмов также могут являться неаффиксальные дериваты, среди которых аббревиатуры выступают в подавляющем большинстве [Горностаев, 2017], особенно если речь идет об аббревиации (изменяемой и неизменяемой) из начальных букв исходной конструкции:

- «Появилось время и желание взять несколько учеников на обучение! **Пишите в ДМ**, обсудим...» [https://vk.com/wall-23380503_2256] («ДМ» – «**Direct Message**» – личное сообщение);

- «Сегодня тупо захожу в ранг отряда и мне пишет, что мол я был в **АФК**, нажмите ок, я нажал у меня игра вылетела» [https://vk.com/wall-157367664_3403890] («АФК» – «**Away from keyboard**» – далеко от клавиатуры). Путем деривации и грамматической адаптации от данной аббревиатуры возникли следующие образования, включающие аффиксы и относящиеся к знаменательным частям речи:

- «**афкер** это ты после того, как услышал первых трех...» [https://vk.com/wall-166997871_14219] (**афкер** – человек, отходящий от клавиатуры: суффиксация и появление категории рода);

- «Наткнулся на интересную статистику по количеству игр с **АФКерами** и процентом сURRENDЕРОВ в различных регионах и лигах» [https://vk.com/wall-52712708_558212] (появление категории числа и падежного окончания);

- «То есть человек **афкашит**, если просто оставляет игру открытой, не выходя из нее» [https://vk.com/wall-122907146_5225] (**афкашить** – находиться далеко от клавиатуры: суффиксация).

Наиболее продуктивным механизмом грамматической интеграции заимствований выступает аффиксация, в процессе которой англоязычные словарные единицы приобретают суффиксы, префиксы и окончания, а также способствуют появлению словообразовательных гнезд:

- «К посту с Машиковым накидали **Кринжа**... Грех не разместить. Ну и немного березок» [https://vk.com/wall-25557243_3909504] (от англ. «*cringe*» – съезживаться: появление падежных окончаний). Заимствование «**кринж**» прочно укоренилось в контексте русского молодежного сленга став не просто широко употребляемой лексемой, но также продуктивным элементом для формирования целого ряда новых слов, составляющих словообразовательное гнездо:

- «Думала уже ничего не найдется для моей новой рубрики **кринж** дня, но увидела просто **КРИНЖАТИНУ**» [https://vk.com/wall-40232010_1651778] (**кринжатина** – нечто странное и нелепое (сущ.); образовано путем суффиксации);

- «Интересно, что же **кринжового** ты здесь увидела...» [https://vk.com/wall-40232010_1651778] (**кринжовый** – странный, нелепый (прил.); грамматическая адаптация путем суффиксации);

- «ну с неадекватности тоже можно **кринжануть**» [https://vk.com/wall-40232010_1651778] (**кринжануть** – совершить что-то постыдное и нелепое (гл.); суффиксация);

«Валю Карнавал жестко захейтили за видео танцевальной тренировки...Я понимаю, что **кринжово** двигаюсь в силу того, что это всего

лишь третье занятие», – объяснилась блогерша» [https://vk.com/wall-46042333_394685] (*захейтить* – открыто выражать ненависть: глагол, образованный от англ. «*hate*» – ненависть путем суффиксально-префиксально-суффиксального способа; появление окончания множественного числа, *кринжово* – неприятно, ужасно: наречие от англ. «*cringe*» – съезживаться, образованное путем суффиксального способа).

Процесс грамматической ассимиляции англоязычных заимствований обусловил формирование множества глагольных форм, активно употребляемых в рамках молодежной лексики, свойственной для современного интернет-дискурса:

- «...начал его **мейнить** во время ивентов на него. И он понравился мне...» [https://vk.com/wall-128776180_1095364] (*мэйнить* – играть каким-то персонажем как основным, от англ. «*main*» – главный: суффиксация);

- «Я купил перса, активировал, поиграл, вышел, зашел и вот. Самое веселое, что я **отмейнил** 16 уровней» [https://vk.com/wall-119301712_314712] (*отмейнить*: префиксально-суффиксальный способ грамматической адаптации, появление родового окончания);

- «Хочу в новом 15 сезоне **помейнить** арену, может чего получится...» [https://vk.com/wall-168225822_13629] (*помейнить*: префиксально-суффиксальный способ грамматической адаптации);

- «Не часто делаю такое. Но решил это **запостить**. Очень уж за душу взяло» [https://vk.com/wall-170126966_1619?ysclid=mlxkccb1qn749868220] (*запостить*: префиксально-суффиксальный способ грамматической адаптации, появление категории вида);

- «Я тебе могу кучу фоток **напостить** с крутыми парками России и кучу фоток с убогостью Ванкувера» [https://vk.com/wall-78543917_601406?ysclid=mlxkfnkwhs100372006] (*напостить*: префиксально-суффиксальный способ грамматической адаптации);

- «В Stellaris обнаружили настолько интересный баг, что разработчики не хотят его **фиксить**» [<https://vk.com/wall->

126034614_11594?ysclid=mlxkj5xqcq533616699] (*фикснуть* – от англ. «to fix» – исправлять, ремонтировать: суффиксация);

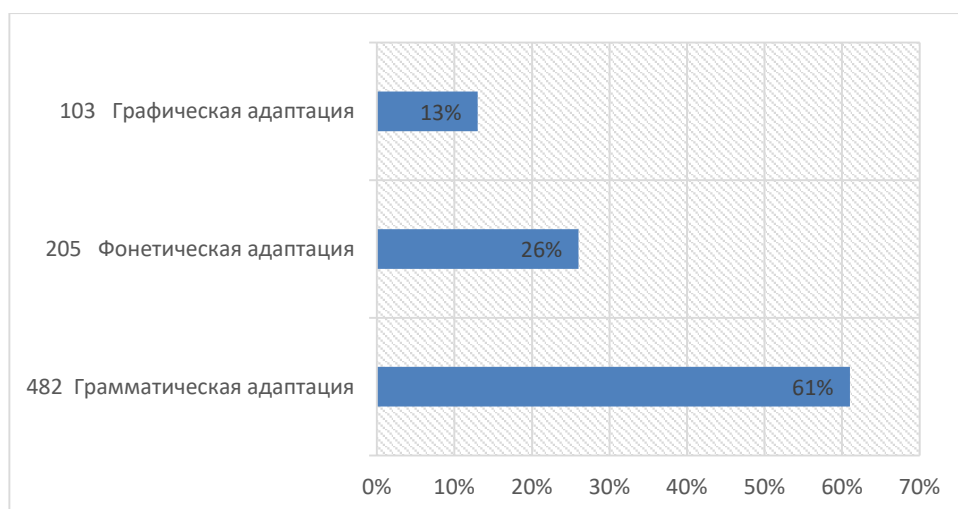
- «*И вот наконец-то в серии «Фиксики» производители решили **отфикснуть** эти недостатки, при этом ничуть не потеряв качество игрушек*» [https://vk.com/wall-108689010?offset=740&ysclid=mlxkob1ro2305767697] (*отфикснуть*: префиксально-суффиксальный способ грамматической адаптации);

- «*Шрифты – только по праздникам, когда их легко **нофикснуть**, а когда сложно – можно и херануть весь текст Arial-ом...*» [https://vk.com/wall-189872314_473389?ysclid=mlxkvsexhm296263166] (*нофикснуть*: префиксально-суффиксальный способ грамматической адаптации);

- «***Фикснули** мою «идею-продукт» с бесплатно аурами бесконечными из примерочной*» [https://vk.com/wall-212923208_795?ysclid=mlx124ygr3409170962] (*фикснуть*: суффиксация, появление категории вида и окончания множественного числа).

В ходе статистического анализа заимствованных из английского языка сленгизмов (790 яз. ед.) было установлено процентное соотношение рассматриваемых видов адаптации, которое позволило выявить наиболее результативный и распространенный способ языковой ассимиляции усваиваемых лексических единиц, продемонстрированный при помощи диаграммы, где графическая адаптация составляет – 13% (103 ед.), фонетическая адаптация – 26% (205 ед.); грамматическая адаптация – 61% (482 ед.):

Рисунок 2. Адаптация англоязычных заимствований в русском молодежном сленге

Исходя из вышеприведенных данных, необходимо подчеркнуть, что грамматическая адаптация англоязычных заимствований в молодежном сленге является наиболее эффективной, поскольку она включает в себя несколько уровней ассимиляции, таких как морфологический – позволяющий заимствованному слову приобретать благодаря появившимся аффиксам первоначальные грамматические признаки, характерные для русской грамматической системы; словообразовательный – адаптирующий англицизм в структуру деривации принимающего языка путем образования производных форм, относимых к знаменательным частям речи; синтаксический – инкорпорирующий англоязычное слово в конструкцию предложения, согласно правилам его построения.

На функционирование грамматической адаптации англицизмов в рамках русского молодежного сленга влияют такие лингвистические факторы как тенденция к экономии языковых средств, что требует повышения коммуникативной четкости употребляемых лексем, а следовательно наличия определенных грамматических признаков, делающих возможной их идентификацию в речи и определение роли в синтаксической конструкции; стремление к детализации значения слова, что приводит к образованию новых слов – производных единиц; кроме того, тенденция молодежного сленга к экспрессивности обуславливает переход англоязычного понятия в состав разных частей речи с целью увеличения количества языковых инструментов

для передачи субъективного отношения к предмету или адресат речи. Необходимо отметить, что семантика и прагматика исходной англоязычной единицы меняется в большинстве случаев адаптации, поскольку в процессе перехода в принимающий язык, контекстуальное значение англицизмов зачастую трансформируется и приобретает новые смыслы в рамках молодежного сленга. Что касается экстралингвистических факторов, влияющих на проникновение и грамматическую адаптацию англоязычных заимствований в сленговую лексику молодого поколения, то здесь следует упомянуть влияние интернет-дискурса как источника англоязычных заимствований, популяризацию английской лингвокультуры в языке молодежи, потребность в самовыражении и социальные тенденции. Эти факторы не просто влияют на усвоение молодежью слов из английского языка, они способствуют полной русификации заимствованного элемента путем приобретения грамматических значений, свойственных языку-реципиенту.

ВЫВОДЫ

Вторая глава посвящена лингвистические механизмы формирования молодежного сленга в русскоязычной интернет-дискурсе. Основными результатами являются:

1. Деривационная система современного молодежного сленга включает комплекс продуктивных моделей. Ведущую роль среди них играют семантическая деривация (метафоризация и метонимизация на базе литературной лексики) и аффиксация, при этом прямое заимствование из английского языка выступает основным источником новых основ. Наиболее продуктивными аффиксальными формантами являются суффиксы -ер/-ор, -инг, -ик, -к, -ов(ый), -овск(ий) и префиксы за-, по-, про-, рас-, на-, от-, с-, активно участвующие в образовании существительных, прилагательных и глаголов от англоязычных и русских основ.

2. В качестве продуктивных способов пополнения сленга зафиксированы также аббревиация, сокращение, конверсия, словосложение, а также намеренные графико-орфографические искажения (эпративы). Совокупность этих механизмов обеспечивает реализацию ключевых прагматических установок интернет-общения – экспрессивности, экономии языковых средств и маркирования групповой идентичности.

3. Количественный анализ 500 сленговых единиц показал, что 45% рассмотренных сленгизмов обладают пейоративной коннотацией, 36% употребляются в стилистически нейтральных значениях и 19% характеризуются мелиоративной окраской. Преобладание негативно-ироничных, пренебрежительных и агрессивных оценочных компонентов свидетельствует о критической, оппозиционно-игровой направленности молодежного интернет-дискурса и подтверждает, что деривационные механизмы не только формируют лексический состав, но и детерминируют оценочный вектор сленгизмов.

4. Адаптация англоязычных заимствований в молодежном сленге русскоязычного интернет-дискурса представляет собой многоэтапный процесс, в котором доминирующим механизмом выступает грамматическая адаптация (61%), реализуемая через морфологическое освоение (приобретение аффиксов и окончаний), словообразовательную продуктивность (формирование словообразовательных гнезд и цепочек) и синтаксическую интеграцию в структуру русского предложения. Фонетическая (26%) и графическая (13%) адаптации создают необходимые предпосылки для последующего грамматического освоения и становления оценочной семантики заимствованной единицы.

5. В процессе грамматической интеграции англицизмы не только приобретают формальные признаки русской словоизменительной системы, но и претерпевают семантические сдвиги: исходное значение трансформируется в сторону экспрессивно-оценочного, ироничного или пренебрежительного.

Таким образом, механизмы адаптации заимствований и деривационные модели в совокупности обеспечивают формирование сленга как динамичной лингвосоциальной подсистемы, активно участвующей в аксиологической категоризации действительности и объективации ценностных доминант молодежи в цифровой коммуникативной среде.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: КЛАСТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ

В третьей главе обосновывается кластерный подход как методологическая основа классификации и систематизации молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе. Применяются два взаимодополняющих типа кластеризации – тематическая по денотативно-референциальному признаку и аксиологическая по критерию ценностной значимости. Выявляются кластеры и субкластеры молодежного сленга в интернет-дискурсе; устанавливаются межкластерные связи и описывается оценочный потенциал сленговых единиц, отражающих как социальные приоритеты, так и особенности мировосприятия современной молодежи.

3.1. Кластерный подход как методологическая основа систематизации молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе

Применительно к молодежному сленгу кластерный подход обладает рядом преимуществ. Во-первых, он дает возможность объединять единицы разной частеречной принадлежности, что особенно значимо для сленга, где оценочные смыслы выражаются не только именами, но и предикатами, наречиями и междометиями. Во-вторых, ориентация на выявление семантических, словообразовательных и синтагматических связей способствует обнаружению системных закономерностей функционирования сленговой лексики в интернет-дискурсе. В-третьих, отсутствие жестких границ между кластерами отражает реальную полифункциональность сленгизмов, которые нередко совмещают несколько значений и оценочных векторов.

Кластерный подход в классификации и систематизации молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе представляется особенно актуальным

ввиду интеграции лингвистических и статистических методов исследования, а также функциональности и удобства применения термина «кластер» для обозначения тематически объединенных сленговых лексических единиц разной частеречной принадлежности, т.к. с помощью кластерного анализа «решается задача классификации баз данных и определения ее структуры» [Зимарева, Песина, 2019: 863].

В связи с этим, представляется необходимым обосновать эффективность кластерного подхода к описанию и классификации молодежного сленга в современной русскоязычного интернет-дискурса. Для этого следует раскрыть сущность кластерного подхода в рамках тематической классификации молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе и обосновать функциональный потенциал термина «кластер». Кроме того, на основе анализа лексико-семантических и словообразовательных особенностей молодежного сленга целесообразно выделить кластеры и субкластеры молодежного сленга в современном русскоязычном интернет-дискурсе, а также выявить в аксиологическом ракурсе закономерности формирования и функционирования молодежного сленга в современной русской лингвокультуре. В диссертации мы опирались на научные идеи таких ученых, как В. Ю. Апресян [Апресян, 2011]; Ф. С. Булыга [Булыга, 2021] Е. И. Дмитриева [Дмитриева, 2021]; Л. Ю. Буянова [Буянова, 2023]; О. И. Власюк [Власюк, 2018]; М. Гаврилова [Гаврилова, 2024]; Б. Дюран [Дюран, 2012]; Н. Х. Нургалиева [Нургалиева, 2013]; Е. В. Прокофьева, О. Ю. Прокофьева [Прокофьева, 2013]; А. Т. Хроленко [Хроленко, 2009] и др., занимавшихся проблемой изучения и применения кластерного анализа в качестве метода тематической кодификации.

Изучение закономерностей формирования и функционирования молодежного сленга требует интегративного подхода в рамках таких направлений современной лингвистической науки, как социолингвистика, лексическая семантика, корпусная лингвистика. Следует отметить, что в настоящее время в лингвистических исследованиях нет единого

терминологического обозначения понятия сленга. Одной из возможных трактовок сленга является следующая: сленг – это «относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 1980: 43]. Р. И. Розина рассматривает сленг как нестандартную подсистему лексики русского языка, используемую в непринужденном общении, а также в публичной речи [Розина, 2002]. Сленг представляет собой «живой, подвижный язык, который идет в ногу со временем и реагирует на любые перемены в жизни страны и общества» [Орлова, 2004: 40]; «разговорные слова и выражения профессиональной речи (или социальной группы), которые приобретают в языке особую экспрессивно-эмоциональную окраску и употребляются в строго определенных ситуациях и сферах общения» [Нелюбин 2009: 12].

Молодежный сленг рассматривается не только как разговорный язык, отличающийся от общепринятых стандартов, но и как сложный лингвистический феномен, формирующий каркас речи молодых людей в зависимости от их ценностных ориентиров.

В классификации и систематизации молодежного сленга интернет-дискурса кластерный подход нам представляется эффективным. Кластер – это, своего рода, сегмент информационного пространства, выделенный в результате установления семантических, функциональных связей некоторых слов, относящихся к какому-либо элементу картины мира [Хроленко, 2009]. Ввиду этого, понятие «кластер» может быть интерпретировано в качестве фундаментальной идеи, прочно укоренившейся в коллективном сознании определенной лингвокультуры. Оно является сжатым прецедентным текстом, который, несмотря на свою устойчивость, наделен потенциалом бесконечных

преобразований. Другими словами, кластер рассматривается как своеобразный узел тематических и формальных особенностей, которые обладают способностью производства множества вторичных текстов [Хорошева, Мадей, 2023].

Если кластер понимается как «объединенные в систему однородные единицы» [Комалова 2016: 182], то кластерный анализ подразумевает объединение нескольких языковых элементов на основании общих признаков в единый компонент информационного пространства. Лингвисты все чаще используют кластеры, называя их высокочастотными линейными либо лексическими соединениями языковых единиц [Власюк, 2018]. Объединение объектов некоторой выборки данных в кластеры на основании схожих показателей – действие процесса кластеризации, направленного на максимальную дифференциацию объектов, относящихся к различным кластерам и на поиск идентичных свойств объектов, входящих в один кластер. Возможность таким образом декомпозировать полученные данные упрощает их дальнейшую обработку, анализируя каждый кластер по отдельности [Булыга, Курейчик, 2021]. По мнению Л. Ю. Буяновой, термин «кластер» применим, если речь идет о категориально-классификационной структуре, объединяющей множество подкластеров, которые моделируют его когнитивно-семантическую базу. Кластер – способ представления сложных комплексов различных структур знания. Основным семантическим признаком данного термина является сема «объединение» [Буянова, 2023]. Анализируя функционирование кластерного подхода по данному принципу, можно сделать вывод о том, что он указывает на глубокое исследование всех языковых единиц, являющихся частью определенного кластера, с параллельным выявлением их ключевых взаимосвязей с другими лексемами, образующих фрагмент мировосприятия.

В случае наличия в кластере более одного концепта, в его структуре возможно выделить субкластеры. Термин «кластерный концепт» представляет собой определенный концепт, дифференциация которого позволяет

установить дополнительные существенные признаки, проявляющиеся в форме комбинаций или «пучков». Наряду с этим, ключевая специфика кластерного концепта – его целостная актуализация в мышлении носителей языка, а не продуцирование совокупности его отличительных особенностей. Следовательно, их экспликация возможна только входе лингвистического анализа. Значимость изучения кластеров определена возможностью их корреляции. Под кластерным подходом понимается методология лексикографического представления всех языковых элементов, входящих в кластер с одновременным выявлением межлексемных связей на всех уровнях языка, иллюстрирующих один из элементов картины мира [Плаксина, 2017].

Кластерный анализ позволяет осуществлять дифференциацию объектов, опираясь не на один конкретный признак, а на совокупность схожих признаков. Отмечается, что «жестких границ между кластерами не существует, взаимодействие между ними носит динамический характер» [Хорошева, Мадей, 2023: 81]. Однако необходимо разграничить понятия кластерного анализа и тематической классификации, исходя из различных подходов к их определению. Как отмечалось выше, кластерный анализ, с точки зрения лингвистики, метод, позволяющий разделить исходные объекты на однородные группы (кластеры) посредством ориентации на наличие одного или нескольких общих признаков. Тематическая классификация подразумевает деление объектов на группы, объединенных общим родовым понятием. Данный вид классификации позволяет упорядочить языковые единицы по смысловому сходству, выявляя их сходства и различия [Багана, Таранова, 2010]. Как отмечает Д. В. Просянюк, тематическая классификация приписывает каждому исследуемому объекту predetermined тематику, опираясь на его содержание. Следовательно, основная задача такой классификации – установить, к какой тематике относится тот или иной элемент, тогда как задача кластеризации направлена на выделение групп схожих по семантике единиц из множества объектов. Отличие тематической группы от лексико-семантической заключается в сосредоточении на

категоризации внеязыковых явлений, а метод кластерного анализа в первую очередь ориентирован на выявление внутриязыковых связей [Просянюк, 2015].

Кроме того, по наблюдениям когнитологов, кластерный анализ может подразумевать комплекс различных алгоритмов классификаций, направленных на организацию информации в кластеры [Новоселецкая, 2024]. Кластеризация, помимо анализа образующих определенный кластер единиц, одновременно осуществляет анализ множества отношений внутри этих единиц на парадигматическом, синтагматическом, словообразовательном и фонетическом уровнях. Главная цель и основа кластерного анализа в контексте различных лингвокультур, по мнению Д. И. Новоселецкой, заключается в установлении структуры картины мира, сочетающей в себе многообразие фрагментов, каждый из которых представлен совокупностью языковых единиц, имеющих разную стилистическую принадлежность [Там же]. На основании приведенных определений, можно утверждать, что кластерный анализ лексики и ее тематическая классификация являются двумя разными подходами к анализу исходных объектов, поскольку имеют различные цели, методы и результаты. Кластеризация формирует кластеры на основании семантического (статистического) сходства без учета заранее известных категорий, которые предполагает метод тематической классификации, распределяя исследуемые элементы. В качестве результатов кластерного анализа появляются новые групповые образования, зачастую требующие дополнительной интерпретации. В процессе тематической классификации лексика распределяется по известным категориям, демонстрируя однозначную интерпретацию.

По мнению Н. Х. Нургалиевой, кластерный анализ призван разбить множество рассматриваемых объектов и признаков на однородные группы (кластеры), опираясь на критерии их формального подобия. Ввиду этого, основными задачами кластерного анализа являются разработка определенной типологии или классификации, а также изучение концептуальной схемы, на

основании которой происходит группирование конкретных элементов [Нургалиева, 2013]. Кластерный анализ позволяет осуществлять дифференциацию объектов, опираясь не на один конкретный признак, а на совокупность схожих признаков. Отмечается, что «жестких границ между кластерами не существует, взаимодействие между ними носит динамический характер» [Хорошева, Мадей, 2023: 81].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, во-первых, кластерный анализ представляет собой метод многогранной статистики, распределяющий объем данных на группы (кластеры), ориентируясь на схожесть классифицируемых объектов внутри каждой из групп; во-вторых применение кластерного анализа позволит классифицировать и систематизировать молодежный сленг в интернет-дискурсе по тематическому признаку посредством выявления логических, парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей выделенных лексических единиц, образующих «пучок» слов, формирующих фрагмент исследуемой картины мира.

Кластерный подход позволит продемонстрировать оценочно-смысловую и контекстную организацию молодежной сленговой лексики, употребляемой в интернет-дискурсе. Помимо этого, представится возможным раскрыть ее внутренние структурные связи и отследить динамику развития сленговых единиц посредством: сбора данных – поиска сленгизмов в форумах и чатах социальных сетей, словарях современного молодежного сленга; дифференциации маркеров для процесса кластеризации – выделение семантических полей, частотности употребления, а также источников заимствования; кластерной организации – объединение языковых единиц в кластеры, обусловленные сходством их понятийных признаков; интерпретации полученных результатов – путем детального исследования структуры и содержания сформированных кластеров и субкластеров. Наряду с этим, кластерный анализ молодежной сленговой лексики позволит выявить контекстуальный оценочный вектор рассматриваемых языковых единиц и определить их преобладающую оценочную категорию в рамках интернет-

дискурса. По нашему мнению, такая систематизация сделает возможным более целостное представление о характере молодежного сленга и его потенциале дальнейшего развития.

3.2. Тематические кластеры молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе: состав, структура и оценочный потенциал

Под тематическим кластером в настоящем исследовании понимается группа лексических единиц, объединенная общей тематической областью, которая соответствует одной из ключевых сфер жизни молодых людей. Выделение тематических кластеров молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе осуществлялось на основе интегративного критерия, включающего три взаимосвязанных параметра: 1) денотативно-референциальный, т.е. отнесенность сленговой единицы к определенной предметно-понятийной сфере; 2) функционально-прагматический, т.е. доминирующая коммуникативная функция сленгизмов; 3) аксиологический, это тип и характер оценочной модальности, закреплённой в семантике сленгизмов и/или реализуемой в типовых контекстах, например, мелиоративная, пейоративная, амбивалентная / ироническая.

Субкластер представляет собой более узкую тематическую подгруппу внутри кластера, конкретизирующую отдельные аспекты соответствующей сферы. Субкластеры внутри каждого кластера формировались на основе более частных семантических признаков, отражающих конкретные аспекты соответствующей сферы. При этом учитывалась возможность вхождения одной единицы в несколько субкластеров, что рассматривалось как проявление диффузности семантики сленга и его полифункциональности. Для тематической кластеризации использовался весь корпус из 1615 сленговых единиц, собранный в русскоязычных социальных сетях, мессенджерах и словарях.

Таким образом, тематико-оценочная кластеризация молодежного сленга в интернет-дискурсе осуществлялась на основе сплошной выборки с последующим контекстуальным и дефиниционным анализом, что позволило учесть как тематическую, так и аксиологическую составляющую сленгизмов.

В качестве источников материала были выбраны: социальная сеть «ВКонтакте», представившая наибольшее количество примеров молодежного сленга, анализ постов и комментариев которой помог отследить наиболее популярные тенденции среди молодежи; форумы и чаты, где наиболее актуальным стало изучение лексики мессенджера «Telegram» как пространства для быстрого обмена новыми словарными единицами, относящихся к молодежному сленгу. Кроме того, были использованы словари: «Словарь перемен 2015-2016», «Толковый словарь русского молодежного сленга», «Словарь молодежного сленга», «Милфы, скуфы, краши. Самый полный словарь молодежного русского сленга» (2016-2026). В качестве методов выступили приемы контекстуального и дефиниционного анализа, контент-анализа, кластерного анализа и тематической классификации.

Кластер «Самопрезентация и идентичность».

Самопрезентация как базовый аспект человеческого существования имеет большое значение в рамках любого социума, в связи с чем, реализует в языке множество семантических категорий. Формирование данного кластера опирается на интегративный критерий, объединяющий денотативно-референциальную отнесенность единиц к сфере самопрезентации и самоопределения личности, их функционально-прагматическую нагрузку и характер закрепленной в них оценочной модальности.

Внутренняя структура кластера конкретизируется субкластерами, соответствующими ключевым аспектам самопрезентации: **«знакомство»**, **«возраст»**, **«гендерная идентичность»**, **«мировоззрение»**. Выделение субкластеров производилось на основе частных семантических признаков, отражающих конкретные параметры самоопределения, при этом учитывалась

возможность вхождения одной единицы в несколько субкластеров, что рассматривается как проявление семантической диффузности сленга.

Субкластер «знакомство».

Состав субкластера образуют глагольные сленгизмы, фиксирующие различные этапы и стратегии установления контакта: *зачекиниться*, (узнать, познакомиться), *свайпнуть* (знакомиться в мессенджерах), *замэчнуться* (договориться о встрече после знакомства), *пофлексить* (произвести впечатление на кого-либо, показать себя), *зафрендить* (добавить в друзья после знакомства), *подкатить* (начать знакомство, флиртовать), *пикапить* (активно пытаться познакомиться с кем-то), *склеить* (попытаться познакомиться), *линкануть* (обмениваться контактами), *зафакапить* (провалить попытку знакомства). Приведем контексты, демонстрирующие типовые ситуации употребления данных единиц в интернет-дискурсе:

- «**зачекинулись** на легендарной вечеринке TOP15MOSCOW (как и 10 лет назад)» [https://t.me/feerique_events/4523]³;
- «Но вечером уже снова **свайпнул** девушек в тиндере. Это реальные высказывания мужчин, слышала лично» [https://vk.com/wall9642109_12169];
- «Мы **замэтились** ценностями, кайфом от деталей и желанием создавать что-то очень крутое» [https://vk.com/wall-121122_20123];
- «Кайф) Надо было подойти, сесть и **пофлексить** с ней под этот же трек» [https://vk.com/wall-202286573_56433];
- «Недавно, моя сокурсница рассталась с парнем, ну я и предложил ей встречаться, а она меня **зафрендил**» [https://vk.com/wall-63794824_22343];
- «Как **подкатить** к девушке, если вокруг столько знакомых лиц и кажется, она подумает, что вы «какой-то странный»?» [https://vk.com/wall-73179428_10];
- «И продолжал **пикапить**, «снимая» молодых девушек и игнорируя Наталью как женичину» [https://vk.com/topic-45980731_27449563];

³ РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ

- «Главное – не просто **«склеить»** девушку, а выстроить с ней нормальное человеческое общение» [https://vk.com/wall131771828_3900];

- «хочу **линкануть** людей с 13-14 хмом, которые в данжах как кроме **дпсит** ничего не умеют» [https://vk.com/wall-74555576_1077523];

- «Мудрость дня: если ты что-то **зафакапил**, не стоит пытаться это исправить» [https://vk.com/wall-211329188_725].

Анализ оценочного потенциала данных единиц показывает, что оценочность в субкластере носит инструментальный характер и тесно связана с успешностью / неуспешностью реализуемой коммуникативной стратегии. Позитивно-нейтральная модальность (*зачекиниться, замэйтчиться, пофлексить, зафрендить*) актуализирует ценности легкости установления контакта, социальной успешности, одобряемой самопрезентации. Негативно-фамильярная окраска (*подкатить, пикапить, склеить, зафакапить*) маркирует ироническое дистанцирование от навязчивых, манипулятивных или неудачных стратегий знакомства, имплицитно утверждая ценность коммуникативной компетентности и уважения личных границ. Таким образом, субкластер «знакомство» демонстрирует, что сленговая номинация в данной сфере не только фиксирует этапы знакомства, но и оценивает их с точки зрения принятых в молодежной среде норм эффективной и «экологичной» коммуникации. Доминирующими функциями здесь выступают экспрессивная, идентифицирующая и регулятивная, а оценочный вектор формируется преимущественно через контекстуальную модальность глагольных форм.

Субкластер «возраст».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, которые маркируют не только биологический возраст, но и культурный код, социальный статус и поколенческую принадлежность. В основе выделения данного субкластера лежит денотативный признак отнесенности к возрастным группам, который в сленговой номинации неизбежно приобретает аксиологическую нагрузку. Возраст в данном случае осмысливается как маркер

образа жизни, мировоззрения и социальной успешности. Соответственно, единицы субкластера одновременно выполняют функции категоризации, т.е. разделение на «своих» и «чужих» по поколенческому признаку, стереотипизации, т.е. закрепление обобщенных представлений о типичном поведении возрастной группы и стигматизации, заключающаяся в негативной оценочной маркировке отклонений от молодежной нормы.

Состав субкластера включает следующие сленгизмы: *бумер* (люди от 50 лет); *миллениал* (поколение Y, родившиеся между 1986 и 1996 годами), *зумер* (поколение Z, родившееся между 1997 и 2010 годами), *кидс* (дети), *думер* (человек, относящийся к зумерам или миллениалам, с нигилистическим мировоззрением), *поколение Пенси* (поколение X, родившееся с 1980 по 1986 годы), *олд* (старшее поколение, не привязанное к конкретному возрасту), *милфа* (женщина зрелого возраста, привлекающая внимание), *скуф* (неуспешный, неухоженный мужчина 30 +), *анк* (мужчина 30 +, старающийся казаться моложе своего возраста). Например:

- «*Типичный бумер глазами младших поколений – старый ворчун, уверенный, что в его время все было как надо, а теперешняя молодежь изнежена и наивна*» [https://vk.com/wall-96719620_1770];

- «*Миллениалы стали первым поколением, выросшим в социальных сетях... но они уже успели застрять в прошлом и превратиться в объект насмешек со стороны наступающих им на пятки тиктокеров*» [https://vk.com/wall-32943546_439124];

«*Новый тренд у зумеров – домовцы. Школьники и студенты в крейзи-образах собирают стаи...*» [https://vk.com/wall-215252715_100834];

- «*Стрэй кидс гуляют по Москве*» [https://vk.com/video-185093394_456239019];

- «*Многие думеры ощущают себя изолированными от общества и недопонятыми окружающими*» [https://vk.com/wall-200750239_911];

- «У **«Поколения Пепси»** дети школу заканчивают. Кто о нас негативно может отзываться, пенсионеры?» [https://vk.com/wall-60965453_1650161];

- «Наверняка многим из вас интересно, как же стать настоящим **олдом...**» [https://vk.com/@raven_and_cheburator_production-kto-takie-oldy];

- «Отношения, для опыта, на бесплатной основе нахрен сейчас не нужны! Хочешь опыт с красивой **милфой**, копи денег!» [https://vk.com/wall-43370570_989945];

- «Типичный **скуф** из комментариев Мувиблога: Александр Якин на новом со съемок возрождения «Счастливы вместе»» [https://vk.com/wall-73629052_2417773];

- «Но, по мнению зумеров, **«анки»** выглядят просто смешно и нелепо, пытаюсь подражать им» [https://vk.com/wall-195570902_501246].

Анализ показывает, что оценочный потенциал субкластера реализуется неравномерно и тесно связан с ценностными ориентациями молодежной среды. Нейтрально-описательную окраску имеют единицы *миллениал*, *зумер*, *кидс*, которые преимущественно выполняют категоризирующую функцию, фиксируя принадлежность к поколению без выраженной оценки. Однако в отдельных контекстах оценочность может актуализироваться: так, *зумер* в приведенном примере выступает как субъект иронической оценки «анков», что косвенно наделяет само понятие «зумер» положительной коннотацией принадлежности к актуальной молодежной культуре. Одобрительно-ироничная модальность характерна для сленгизмов *олд* и *милфа*. Сленгизм *олд* выражает уважительно-ироничное признание опыта и «стажа» в какой-либо среде, а *милфа* – амбивалентную оценку зрелой привлекательности, совмещающую восхищение и фамильярность. В этих единицах оценочный вектор не является строго пейоративным. Ирония смягчает статусное превосходство, позволяя включить «чужого», в данном случае старшего, зрелого, в игровое пространство молодежной коммуникации. Негативно-оценочная модальность наиболее отчетливо выражена у единиц *бумер*, *думер*,

поколение Пепси, скуф, анк. Эти сленгизмы реализуют стигматизирующую функцию, закрепляя отрицательные стереотипы о поколениях и социальных типах. *Бумер* и *поколение Пепси* маркируют устаревшие, с точки зрения молодежи, установки и образ жизни; *думер* акцентирует пассивность и пессимизм; *скуф* и *анк* – неуспешность, неухоженность или нелепые попытки «омоложения». Общим основанием негативной оценки выступает несоответствие ценностям молодости, активности, успешности и аутентичности, которые являются значимыми в молодежной среде.

Субкластер «гендерная идентичность».

Выделение данного субкластера основано на денотативно-референциальном признаке отнесенности сленговых единиц к сфере гендерной самоидентификации и маркирования гендерных ролей. Однако, как показывает практический материал, гендерная номинация в молодежном сленге не ограничивается фиксацией биологического пола, она тесно переплетена с оценкой внешности, поведения, социальных стратегий и субкультурной принадлежности. Поэтому оценочный потенциал единиц данного субкластера формируется на пересечении гендерного, возрастного и социально-статусного признаков, что обуславливает высокую степень амбивалентности и поликластерности.

Состав субкластера включает следующие сленгизмы: *дилфхантеры* или *дилфхантериши* (девушки, которым нравятся зрелые, состоятельные мужчины), *гилхантеры* или *милфхантеры* (молодые мужчины, предпочитающие зрелых состоявшихся женщин), *пикми-герл* (девушки, отрицающие свою похожесть на других девушек и готовые быть «своими» в мужском обществе), *E-girl* (девушки, интересующиеся азиатской культурой и для которых характерен стиль «анимэ»), *тарелочница* (женщина, которая идет на свидание ради ужина исключительно за счет мужчин) *масик* (нежный и заботливый мужчина), *тюбик* (неуверенный в себе парень или же самоутверждающийся за счет слабых), *скуф, чечик* (рандомный мужчина без

особых примет), *демибой* или *демигерл* (частичная гендерная идентификация: частично мужчина, частично женщина). Приведем примеры:

- «оказывается я **дилфхантериша**... открываю в себе новое каждый день» [https://vk.com/wall-210155478_3312];

- «Главный **милф**- и **гилфхантер** Прохор Шалютин заявил Mash, что это прекрасная тенденция, так как женщины в 50–60 лет выглядят гораздо лучше, чем в 20» [https://vk.com/wall-112510789_12047012];

- «Эти особы, **пикми-герл**, как их называют, – это просто ходячий цирк! Они готовы на все, лишь бы в глазах парней выглядели лучше, чем остальные женщины» [https://vk.com/wall-226372432_42172];

- «Конечно, ты можешь встретить **e-girl** и в обычной жизни, но она будет выглядеть, как обычная девушка в одежде от H&M...» [https://vk.com/wall-179849523_1683];

- «Ммммм... очередная **тарелочница** пытается оправдаться своей природной способностью рожать» [https://vk.com/wall-183516402_42677];

- «Он заказывает тебе клубнику в шоколаде, не сплетничает про тебя и твоих подруг и вызывает такси до дома. **Масик** решит все проблемы, со всем разберется» [https://vk.com/wall-44186515_975];

- «Что делать, чтобы сын не стал **тюбиком** – взрослым мужиком, который даже в терапию прийти не может» [https://vk.com/wall-192886166_4048];

- «Так что предстоит познакомиться с ним поближе, чтобы определиться, что этот **чечик** из себя представляет...» [https://vk.com/wall-2340392_36042];

- «Мне не нужны женщины, я днем работаю, вечером играю в танчики, ем что хочу, за фигурой не слежу, на турнике не кручусь и счастлив. Я **скуф**!» [https://vk.com/@aesthetics_vulgarity-skuf-neopryatnyi-nesovremennyyi-muzhik-za-30-s-puzom-i-zalysi];

- «Очередная четырнадцатилетняя небинарная трансуха (ой, простите, **демибой**) с необычным именем «Валик Пастельный»...» [https://vk.com/wall-140560054_278314].

Анализ позволяет выделить три основные группы:

1. Сленгизмы с нейтрально-ироничной окраской: *дилфхантерша*, *гилфхантер*, *E-girl*, *чечик*, которые выполняют номинативную и частично игровую функцию. Ирония здесь направлена не на стигматизацию, а на фиксацию определенного типа гендерного поведения или субкультурного стиля. Так, *дилфхантерша* и *гилфхантер* обозначают специфические матримониальные / романтические предпочтения, при этом оценка может варьироваться от шутливой до осуждающей в зависимости от контекста. *E-girl* маркирует принадлежность к субкультуре, и оценочность здесь смещена в сторону констатации стиля, а не его этической квалификации. *Чечик* – пример максимально нейтральной, почти «пустой» номинации, лишенной оценочного заряда, что само по себе значимо: отсутствие оценки подчеркивает незначительность, «безликость» референта.

2. Сленгизмы с позитивно-одобрительной модальностью, прежде всего *масик*. Данная номинация отражает ценностный сдвиг в молодежной среде: от традиционной маскулинности, ориентированной на силу и доминирование, к «новой маскулинности», в которой значимы эмоциональный интеллект и партнерская позиция. Положительная оценка здесь носит комплиментарный характер и не сопровождается иронией, что выделяет *масик* на фоне большинства других гендерных номинаций.

3. Сленгизмы с негативно-ироничной коннотацией: *пикми-герл*, *тарелочница*, *тюбик*, *скуф*, *демибой*. Негативная оценка в этих единицах реализуется через механизмы стигматизации и социальной девальвации. *Пикми-герл* осуждается за стремление к мужскому одобрению и противопоставление себя другим женщинам, что интерпретируется как нарушение женской солидарности и аутентичности. *Тарелочница* маркирует меркантильное, потребительское отношение к романтическим отношениям,

что противоречит ценности искренности. *Тюбик* и *скуф* закрепляют отрицательные стереотипы о мужской несостоятельности, при этом *тюбик* акцентирует психологическую уязвимость, а *скуф* – внешнюю неухоженность и социальную пассивность. *Демибой* в приведенном контексте используется с явно уничижительной окраской, что отражает амбивалентное, нередко иронично-негативное отношение части молодежной среды к небинарным гендерным идентичностям.

Таким образом, субкластер «гендерная идентичность» демонстрирует тесную связь оценочности с актуальными для молодежной среды ценностями: аутентичность, эмоциональная зрелость, искренность в отношениях, осуждение потребительства и конформизма. Негативная оценка чаще всего направлена на нарушение этих ценностей. Одновременно в субкластере отражается процесс пересмотра традиционных гендерных ролей и появление новых категорий идентичности, что сопровождается как принятием (например, *масик*), так и ироническим дистанцированием (*демибой*). Поликластерность таких единиц, как *милфа* и *скуф*, подтверждает многомерность сленговой семантики и необходимость учета пересечений при моделировании ценностных доминант.

Субкластер «мировоззрение».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, объективирующие культурные нормы, моральные установки, убеждения и жизненные стратегии молодых людей. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак отнесенности к сфере мировоззренческих ориентаций, дополненный функционально-прагматическим. Данные сленгизмы используются для категоризации индивидов по типу мировосприятия и стилю жизни, что неизбежно сопровождается оценочной квалификацией. В данном субкластере особенно отчетливо проявляется связь сленговой номинации с самоидентификацией и социальной категоризацией: молодежь не просто фиксирует разные типы личности, но и выражает отношение к ним, утверждая или отрицая определенные ценности. Состав

субкластера включает следующие лексемы: *думер* (обозначение молодых людей в депрессивном состоянии), *блумер* (оптимист), *E-girl*, *дед инсайд* (человек в состоянии апатии, эмоционального опустошения), *достигатор* (человек, сфокусированный на достижении цели, успехе и зарабатывании денег), *литромантик* (мужчина-поклонник, теряющий интерес при взаимности), *флексер* (человек, демонстративно хвастающийся собственным статусом, успехом или богатством), *нормис* (человек, ведущий обычный образ жизни, далекий от крайностей), *делулу* (человек, живущий иллюзиями). Некоторые из этих единиц (*E-girl*, *думер*) пересекаются с ранее рассмотренными субкластерами «гендерная идентичность» и «возраст», что подтверждает диффузность семантики сленга и целесообразность кластерного подхода. Например:

- «ну хз) я сам **думер**, но не думаю, что меня ждет немецкое разливное и жизнь с мамкой и т.д.» [https://vk.com/wall-32176202_527427];

- «Стоит добавить, что **блумер** по канону успешно сложился в обществе и от того к этому обществу близок, в то время как *думер* наоборот» [https://vk.com/wall-134122585_323285];

- «Типичная **e-girl**... Кадры со съемок продолжения «Джокера» с Леди Гагой в роли Харли Квинн» [https://vk.com/wall-118733379_35405];

- «Истинным **дединсайдом** всегда будет ослик Иа, а не ваши Калеки Кеки» [https://vk.com/wall-168084851_640061];

- «**Достигатор**, как бешеная собака несется к цели, не видя препятствий» [https://vk.com/wall343655_7966];

- «Если ваш избранник – **литромантик**, готовьтесь к эмоциональным американским горкам. Но шанс есть!» [https://vk.com/wall-226372432_67943];

- «На протяжении двух лет, включая отборочные туры, была создана куча бесполезных бесед **флексеров** моей страны» [https://vk.com/wall-60116747_56963];

- «*Нормисы одеваются в то, что продается в массмаркетах, никак не развивая и осознавая свой личный стиль*» [https://vk.com/wall-172037485_245659];

- «*Люди-делулу могут развивать свои фантазии в самых разных формах: от воображаемых любовных отношений до грандиозных планов о будущем*» [https://vk.com/@sup_port_psy-kto-takie-delulu-novyi-termin-kotoryi-stal-populyaren-v-socs].

Анализ оценочной модальности позволяет выделить три группы единиц:

1. Сленгизмы с нейтрально-описательной или слабо ироничной окраской (*E-girl, делулу*), выполняющие преимущественно категоризирующую функцию без резкой стигматизации.

2. Сленгизмы с иронически-одобрительной коннотацией (*блумер, дед инсайд, достигатор*), в которых ирония сочетается с пониманием или симпатией, а оценочный вектор остается смягченным.

3. Сленгизмы с негативно-ироничной коннотацией (*думер, литромантик, флексер, нормис*), стигматизирующие пассивность, эмоциональную незрелость, показную успешность и конформизм.

Таким образом, оценочный потенциал субкластера тесно связан с ценностями эмоциональной аутентичности, самовыражения, индивидуальности и умеренной успешности. Негативная оценка направлена на пассивность, конформизм, неискренность и эмоциональную несостоятельность. Ирония при этом служит средством смягчения оценки, что позволяет использовать данные единицы не только для стигматизации, но и для самоидентификации.

Кластер «Эмоционально-оценочные реакции».

Данный кластер объединяет сленговые единицы, основной функцией которых является выражение эмоциональных состояний, оценок и реакций на явления действительности. В основе выделения кластера лежит функционально-прагматический критерий – доминирование экспрессивной и

оценочной функций, а также денотативная отнесенность к сфере эмоционально-психических процессов.

Внутренняя структура кластера представлена субкластерами «**эмоции и чувства**», «**положительная оценка**», «**отрицательная оценка**», «**агрессивно-конфликтные реакции**», «**оскорбление**», которые дифференцируются по типу выражаемой эмоции и характеру оценочной модальности.

Субкластер «эмоции и чувства».

Субкластер включает сленгизмы, передающие различные эмоциональные состояния, настроения и чувства: *топовый* (лучший), *эщкере* (радость, восторг) *лютый*, *лютейший* (мощный, злой), *агриться* (злиться), *криповый*, *криповать* (жуткий, страшный, бояться), *плюс вайб* (хорошее настроение или атмосфера), *имбовый* (крутой), *тильт* (сильное эмоциональное напряжение), *биполяровка* (резкий перепад настроения). Например:

- «*Бердыева по-прежнему можно считать **топовым** тренером?*» [https://vk.com/wall-203388520_38203];

- «*Например, вы можете сказать «**эщкере**», говоря о своей успешной карьере или хорошем настроении в определенный момент*» [https://vk.com/wall-67235807_3732];

- «*Был у нас экзамен по физике у **лютейшего** препода; сидит одноклассник мой, трясется, аж пот по лбу катится, про силу трения отвечает*» [https://vk.com/wall-198029477_1893];

- «*...наш клан весь знает, что ты на Дьяволов **агришься** просто без причины, потом получаешь! Если еще раз будешь **агриться** ... я солью твою ... фотку...*» [https://vk.com/wall-195466368_5761];

- «***Криповый** случай в Шахтах. Женищина, которая работала при местной церкви, прикоснулась к деснице с частицей мантии...*» [https://vk.com/wall-54841713_1367829];

- «Мы чувствуем **плюс вайб**, когда встречаемся все вместе или делаем то, что приносит нам радость и удовлетворение» [https://vk.com/wall-222549323_63];

- «Периодически ученики говорят, что у меня **имбовая** прическа» [https://vk.com/wall-111376179_9473];

- «**Тильт**, вызванный предположением, что вам не везет больше других. Якобы вы ловите лузстрик за лузстриком...» [https://vk.com/wall-100499497_38825];

- «Это называется **биполярочка**? Когда сначала пишешь от своего имени, а потом от группы?» [https://vk.com/wall-190354124_1626].

Анализ показывает, что сленгизмы данного субкластера реализуют две противоположные, но взаимосвязанные оценочные стратегии. Первая группа – это сленговые единицы с позитивно-усилительной семантикой (*топовый, эцкере, плюс вайб, имбовый*), которые выражают одобрение, восхищение, удовлетворение и маркируют положительные эмоциональные состояния. Их функция – это не только передать эмоцию, но и закрепить в языке молодежи ценность позитивного опыта, успеха, приятной атмосферы. Вторая группа объединяет единицы с негативно-интенсивной окраской (*лютый / лютейший, агриться, криповый, тильт, биполярочка*), которые передают злость, страх, напряжение, раздражение. Они выполняют экспрессивную и регулятивную функции. Они фиксируют границы приемлемого, сигнализируют о нарушении комфорта и служат средством эмоциональной разрядки.

Оценочный потенциал субкластера тесно связан с его основной функцией – экспрессивной. Сленгизмы позволяют сжато и эмоционально насыщенно передать сложные состояния, при этом оценочный вектор встраивается в саму семантику единицы или актуализируется контекстуально. Важно отметить, что интенсивность оценки коррелирует со степенью эмоциональной вовлеченности говорящего, т.е. чем сильнее переживание, тем более экспрессивной и оценочно нагруженной оказывается номинация. Кроме того, некоторые сленгизмы (*агриться, тильт*) проявляют поликластерность,

входя также в субкластеры «агрессивно-конфликтные реакции» и «результат игры», что подтверждает диффузность сленговой семантики.

Таким образом, в субкластере «эмоции и чувства» оценочность реализуется через противопоставление позитивных и негативных эмоциональных состояний, отражая значимость эмоционального комфорта, аутентичности переживаний и экспрессивного самовыражения в молодежной коммуникации.

Субкластер «положительная оценка».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, с помощью которых молодежь выражает положительную оценку человеку, его действиям, качествам или событиям. Критерием выделения послужил функционально-прагматический признак – доминирование одобрительной, мелиоративной модальности, реализуемой в экспрессивной и оценочной функциях. Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп в зависимости от объекта оценки: 1) оценка внешности и привлекательности (*ауф*), 2) оценка личностных качеств и социальной успешности (*сигма*, *красава*, *краш*), 3) положительная характеристика ситуаций и явлений (*огнище*, *ништяк*, *чиназес*), 4) оценка компетентности и осведомленности (*шарить за тренды*). Отдельно стоит отметить единицу *гринфлаг*, которая фиксирует положительную характеристику потенциального партнера или отношений в целом, отражая ценность эмоциональной безопасности и взаимного уважения. Приведем контексты употребления:

- «**Гринфлаг** – человеку комфортно в одиночестве и человек относится ответственно к себе и просит такого же отношения» [https://vk.com/wall-123357457_324508];

- «...глава МИД России – международный **краш**. Сергей Лавров покорила сердца американок после интервью Такеру Карлсону» [https://vk.com/wall-38168721_714269];

- «...**сигма-бой** становится символом тех, кто выбирает свой собственный путь и не боится быть самим собой» [https://vk.com/wall-27592956_53110];

- «Вот это фото просто **огнище!!!**... В этом кадре вся я» [https://vk.com/wall60641987_1010];

- «А там у него все **ништяк**... Не то что у пенсионеров, инвалидов и так далее» [https://vk.com/wall-45608667_948612];

- «А этот препод **шарит за тренды**... Двигаться на одной волне с молодежью и быть строгим преподам – изи!» [https://t.me/donnasa_stud/22424];

- «Каждый раз офигеваю, вот это он **красава**, респект, такую форму сделать – это четко» [https://vk.com/wall-146296329_3466734];

- «Я ваще все **Чиназес** ...везде вставляю и ржу» [https://vk.com/wall-21726258_50686];

- «**ауф**...какая она красивая! у красивой девушки красивый голос)» [https://vk.com/video21640825_163247728].

Анализ оценочной модальности показывает, что оценочный вектор в субкластере является преимущественно мелиоративным, однако интенсивность и характер оценки варьируются. Наиболее высокая степень положительной оценки, граничащая с восхищением, характерна для единиц *ауф*, *огнище*, *чиназес*, которые реализуют экспрессивную функцию и служат средством эмоциональной разрядки, одновременно закрепляя в языке ценность ярких позитивных переживаний. *Краш* и *сигма* выражают признание привлекательности и социальной успешности. *Ништяк* и *гринфлаг* дают положительную оценку ситуациям и качествам, подчеркивая ценность благополучия, комфорта и здоровых отношений. *Красава* и *шарить за тренды* выражают одобрение конкретных действий или компетентности, что свидетельствует о значимости признания со стороны сверстников.

⁴ РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ

Важно отметить, что оценочность в ряде случаев формируется не только через прямую семантику, но и через механизмы гиперболизации (*огнище, ауф*), а также через игровое искажение формы (*чиназес*). Таким образом, субкластер «положительная оценка» отражает стремление молодежи к позитивному самовыражению, поддержанию благоприятного коммуникативного климата и закреплению в языке ценностей успешности, привлекательности, эмоционального благополучия и взаимного уважения.

Субкластер «отрицательная оценка».

Субкластер объединяет сленговые единицы с пейоративной коннотацией, выражающие неодобрение, пренебрежение, насмешку или социальную стигматизацию. Критерием выделения послужил функционально-прагматический признак – доминирование отрицательной оценочной модальности, реализуемой в экспрессивной, оценочной и регулятивной функциях. Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп по объекту оценки: 1) оценка качеств и явлений (*шлак, дичь, редфлаг*); 2) оценка внешности и телесности (*босс КФС*); 3) оценка поведения и личностных качеств (*ш-общительная, душила, токсик, ЧСВишник*); 4) оценка социальных ролей и типов (*яжемать, офник*).

Отрицательная оценка в молодежном сленге направлена как на предметы и явления, так и на людей, их внешний вид, характер и социальное поведение. Состав субкластера включает следующие единицы: *шлак* (что-либо некачественное, мусор), *ш-общительная* (чрезмерно коммуникабельная девушка, любящая быть в центре внимания), *босс КФС* (оскорбительная характеристика людей с лишним весом), *редфлаг* (качества или свойства, вызывающие неприятие и отторжение), *душила* (нудный и скучный человек), *токсик* (токсичный, нередко оскорбляющий других человек, чье поведение вызывает конфликт), *яжемать* (женщина, ставящая интересы своего ребенка в ущерб окружающим), *офник* (подросток из маргинальной среды), *ЧСВишник* (человек, с раздутым чувством собственной важности, высокомерный), *дичь* (нечто нелепое, абсурдное и неправильное). Например:

- «*Queen's, Стед ди лунит уже лет десять, просто НР постит всякий шлак, а не действительно годное музло*» [https://vk.com/wall-29573241_15953102];

- ««*Ш общительные*» люди могут быть слишком эгоцентричными и не всегда замечают чувства других людей» [https://vk.com/wall-226372432_43099];

- «*Катю Адушкину снова называют боссом кфс в новых тиктоках... Хейтеры продолжают смеяться над телосложением Кати*» [https://vk.com/wall-124438599_2558827];

- «*Ред флаг – когда начинают смеяться без тебя, то есть над тобой*» [https://vk.com/wall-123357457_324508];

- «*На самом же деле он сам тот еще душила, если выражаться его словами*» [https://vk.com/wall1529131_5023];

- «*Самое лучшее – не общаться с токсичным человеком! – так советуют некоторые психологи ... Все токсики – энергетические вампиры*» [https://vk.com/wall-155457713_58157];

- «*Терпеть не могу Яжемамок. Мне кажется, что эта самые тронутые на всю голову покупатели. Яжемать для меня – это клинический диагноз!*» [https://vk.com/wall-197309881_155795];

- «*Хочу признаться, что чертовски ненавижу офников... Мораль сей басни такова – офники не люди*» [https://vk.com/wall-164031005_6065149];

- «*если человек называет себя чсвишником – значит осознает свои поступки. А это уже скорее здоровое самолюбие, а не чсв*» [https://vk.com/wall-59870426_1254097];

- «*Василевский — о Тактарове: «Он уже пожилой человек, а порой несет всякую дичь»»*» [https://vk.com/wall-197263_4292295].

Пейоративная оценка в субкластере реализуется с разной степенью интенсивности. Мягкий, иронично-снисходительный характер имеют единицы *шлак* и *дичь*, которые чаще используются для оценки неодушевленных явлений или ситуаций и допускают игровую дистанцию.

Более выраженную отрицательную оценку несут *редфлаг, душила, ЧСВишник*: они фиксируют нежелательные черты характера или поведения, но сохраняют возможность рациональной критики. Наиболее резкую, уничижительную окраску имеют *босс КФС, офник, яжемать, ш-общительная*. Данные номинации служат стигматизации, формируя образ «чужого» на основании внешности, социального статуса или родительской роли.

Оценочность в субкластере формируется через различные механизмы: метафоризацию (*шлак, дичь*), гиперболизацию (*босс КФС, клинический диагноз*), ироническое переосмысление (*ш-общительная, офник*), которые усиливают экспрессивность и закрепляют отрицательную оценку. Функционально сленгизмы данного субкластера не только выражают неодобрение, но и выполняют регулятивную функцию, они маркируют границы приемлемого, способствуют внутригрупповой солидарности через противопоставление «своих» и «чужих» и транслируют негативное отношение к нарушению значимых для молодежи норм – аутентичности, скромности, взаимного уважения, эмоциональной зрелости.

Субкластер «агрессивно-конфликтные реакции».

Субкластер объединяет сленговые единицы, выражающие агрессивные состояния, конфликтное поведение и речевые действия, направленные на эскалацию напряженности в коммуникации. Критерием выделения послужил функционально-прагматический признак – доминирование эмоционально-экспрессивной и регулятивной функций в ситуациях конфликтного взаимодействия: *агриться* (субкластер «Эмоции и чувства»), *флеймить* (оскорблять, ругаться, вести агрессивные дебаты), *срач* (агрессивный спор, конфликт), *хейт* (проявление агрессии либо ненависти), *троллер* (человек, совершающий провокационные действия с целью разжигания конфликта), *абьюзить* (унижать, подавлять, причинять вред другому человеку), *буллить* (травить, издеваться, унижать), *лютовать* (проявлять крайнюю степень агрессии или гнева), *байтить* (провоцировать на конфликт):

- «Квест отвести ученого попятиться на псевдониганта, ученый на него **агрится**, как этого не допустить?» [https://vk.com/wall-80095938_223796];

- «Этот парень **флеймил** меня без причин в течение двух лет в пабе. Он говорил мне ужасные вещи в каждой игре» [https://vk.com/wall-52079251_1219486];

- «Что делать, когда в родительском чате начинается, извините за выражение **срач**? Родители натурально скоро поубивают друг друга, уже на матах там общаются!» [https://vk.com/wall-176160572_51581];

- «Жертвой **хейта** может стать любой человек, даже совершенно незнакомый агрессору» [https://vk.com/wall-71261598_35899];

- «Вучич знатный еще тот **троллер**... Мне понравилось, как он обошел острые углы и заявил, что большинство граждан поддерживают Россию» [https://vk.com/wall-46943161_1257783];

- «... чтобы продолжать кого-то **абьюзить**, абьюзер должен убедить всех окружающих, что не делает ничего плохого» [https://vk.com/wall-150930661_8233];

- «В детстве **булили**. Закончилось ровно тогда, когда я дал сдачи...» [https://vk.com/wall-96004921_1111912];

- «Хейтеры **лютуют**! Новая громкая победа Джонни Деппа...» [https://vk.com/video-198372529_456245243?ysclid=mm0oc38r7l277212487];

- «Что делать, если один человек пытается **байтить** меня, но **байчу** его я, но он думает, что он **байтит** меня, но **байчу** его я, а он **агрится** и пытается **забайтить** меня и горит» [https://vk.com/wall-4493128_9072656?ysclid=mm0ofni3xo259683995].

Анализ показывает, что доминирующим является негативный вектор, однако степень интенсивности и характер оценки неоднородны. Ядерную группу образуют единицы с высокой степенью агрессивности и резко пейоративной оценкой: *флеймить*, *хейт*, *абьюзить*, *буллить*, *лютовать*. Они обозначают действия, нарушающие нормы конструктивного общения, и реализуют стигматизирующую функцию, маркируя агрессора как «чужого».

Глагол *агриться* выражает эмоциональное состояние гнева, при этом оценка смещается с объекта на субъект, т.е. говорящий скорее описывает реакцию, чем оценивает ее. Здесь негативная оценочная модальность связана с констатацией эмоционального напряжения и может включать элемент самоиронии, особенно в случае сленгизма *агриться*. Особую группу составляют провокативные единицы *троллер* и *байтить*, оценочный вектор которых амбивалентен. С одной стороны, они обозначают деструктивное поведение, осуждаемое в молодежной среде; с другой – используются как игровые термины, описывающие распространенную в интернет-дискурсе практику провокации ради развлечения. В приведенных примерах *троллер* употребляется с оттенком восхищения ловкостью, а *байтить* – в подчеркнуто игровом контексте, где сам говорящий включается в цепочку взаимных провокаций. Это свидетельствует о том, что конфликт в интернет-дискурсе нередко воспринимается как форма игры, что снижает категоричность отрицательной оценки. Оценочность формируется преимущественно за счет метафоризации (*бомбить*, *лютовать*), заимствований из английского (*флеймить*, *хейт*, *абьюзить*, *буллить*, *байтить*), а также метонимического переноса (*срач*). Функционально сленгизмы данного субкластера не только выражают агрессию, но и регулируют коммуникативное поведение, они обозначают границы допустимого, предупреждают о конфликте и способствуют снятию напряжения через вербализацию. Вместе с тем закрепление в языке целого ряда единиц для обозначения агрессии отражает ее значимость в молодежной коммуникации, где конфликт может выступать как средство самопрезентации, защиты личных границ или демонстрации статуса.

Субкластер «оскорбление».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, содержащие прямые оскорбления, уничижительные характеристики и негативные социальные ярлыки. Критерием выделения послужил функционально-прагматический признак – доминирование пейоративной оценочной

модальности с установкой на социальную девальвацию и стигматизацию. Внутри субкластера можно выделить две группы по объекту номинации: 1) оскорбительные наименования лиц (*скуф, задрот, тарелочница, нищebroд, офник/офница, днище, пикми-герл*); 2) глаголы и предикаты, обозначающие действия, направленные на унижение (*хейтить, шеймить, тупить*). Некоторые единицы, например, *скуф, тарелочница, офник, пикми-герл*, уже были отмечены в субкластерах «возраст», «гендерная идентичность» и «отрицательная оценка», однако здесь они актуализируются именно как прямые оскорбления, что подтверждает их поликластерность. Приведем примеры употребления данных сленгизмов:

- «... да лааааадно, ребят, у меня парень тааааакой **задрот**, до невозможности раздражает, не отрицаю» [https://vk.com/wall-173724374_583146?ysclid=mm0p8tyshs147313308];

- «Как вычислить **тарелочниц** на этапе знакомств до свидания? ... Им не важно, какой мужчина по себе - хороший или нет» [https://vk.com/wall-72107087_1229956?ysclid=mm0pdd6be2147024346];

- «Чаще всего **нищebroдами** становятся не по своей воле. Люди, выросшие в стесненных условиях, привыкли экономить на всем» [https://vk.com/wall-34483558_146592?ysclid=mm0pg5epto665336153];

- «Год назад 38-летнего рэпера Джигана **хейтили** поклонники за «пивной живот», но с тех пор рэпер взялся за себя, похудел и подкачался» [https://vk.com/wall-113272656_657034?ysclid=mm0pk3ztgm435984899];

- «С тех пор, как Ирина повесила на машину табличку «Сигналит тот, у кого маленький огурец!», она может **тупить** на светофоре сколько угодно» [https://vk.com/wall-186038164_27852?ysclid=mm0pmtfr5x700490014];

- «...А не надоело ли вам **шеймить** Дашу Каплан за лишний вес, когда она сама говорила, что это из-за проблем со здоровьем ...» [https://vk.com/wall-88397640_2681754?ysclid=mm0pt3pysp570997663];

- «*Девочки, был ли опыт общения с так называемыми **оффницами**? Как лучше разрешать с ними конфликты?*» [https://vk.com/wall-134449726_9523083?ysclid=mm0pve6inh648667219];

- «*Редкостное **днище**! Вел и ведет себя, как дегенерат, впрочем, почему как!*» [https://vk.com/wall-143187080_364463?ysclid=mm0pzchkwn826155701];

- «*Моя сегодняшняя тема хейта – **пикми герлс**/девочки типа «выбери меня», ну яснее говоря, те девочки, которые не могут жить без внимания парней и обсираания других девочек*» [https://vk.com/wall-168084851_796735?ysclid=mm0q2cs0zj245474277].

Анализ оценочной модальности показывает, что субкластер характеризуется наиболее высокой степенью пейоративности среди всех единиц кластера «Эмоционально-оценочные реакции». Оценочный вектор стабильно негативный, с оттенками презрения, уничижения или насмешки, однако характер стигматизации варьируется. Сленговые единицы *днище* и *задрот* реализуют предельно уничижительную оценку, низводя референта на низшую ступень социальной и личностной иерархии. Они выполняют функцию социальной девальвации, маркируя «низкий» статус и несостоятельность. *Нищеврод*, *скуф*, *тарелочница* и *пикми-герл* оскорбляют через акцент на осуждаемом образе жизни или поведении, например, бедность / мелочность, неухоженность / пассивность, меркантильность / неискренность. В этих случаях оскорбление строится на стигматизации определенных социальных ролей или моделей поведения, воспринимаемых как нарушающих молодежные нормы (щедрость, успешность, аутентичность, женская солидарность). Глагольные единицы *хейтить*, *шеймить*, *тупить* выражают оскорбительные действия или оценку умственных способностей. *Хейтить* и *шеймить* обозначают публичное унижение, часто связанное с внешностью или поведением, и сами по себе содержат резко негативную оценку таких действий. *Тупить* используется как оскорбительная характеристика интеллектуальной несостоятельности, хотя может употребляться и с оттенком иронии, если говорящий включает себя в ситуацию.

Функционально данный субкластер реализует крайнюю форму социальной стигматизации. Оскорбительные номинации закрепляют иерархические отношения в молодежной среде, маркируя «чужих» и укрепляя границы «своей» группы. Одновременно они служат средством эмоциональной разрядки и демонстрации превосходства. Ценностное размежевание происходит по признакам успешности, внешности, социальной адекватности, интеллекта и аутентичности, что отражает значимость этих категорий в молодежной картине мира.

Кластер «Образ жизни».

Данный кластер объединяет сленговые единицы, отражающие основные сферы повседневной активности молодежи – учебную, профессиональную и досуговую. Основанием выделения кластера послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к сферам жизнедеятельности, а также функционально-прагматический критерий – использование данных единиц для номинации и оценки типичных ситуаций, действий и ролей в этих сферах. Внутренняя структура кластера представлена субкластерами **«академическая сфера»**, **«профессиональная среда»** и **«досуг и отдых»**, каждый из которых характеризуется специфическим набором лексики и особенностями оценочного потенциала.

Субкластер «академическая сфера».

Субкластер включает сленговые единицы, связанные с учебой в школе или университете и отражающие действия, состояния, роли и артефакты образовательного процесса: *ботан* (ученик или студент, уделяющий чрезмерное внимание учебе), *забить на пару* (пропустить занятие), *ливнуть с урока/пары* (уйти с занятия), *сливать* (выкладывать экзаменационные материалы в интернет), *завалить* (провалить экзамен), *вышка* (высшая математика), *препод* (преподаватель), *курсач* (курсовая работа), *шарага* (учебное заведение, чаще колледж). Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп: 1) номинации участников учебного процесса (*ботан, препод*); 2) действия и поведение студентов (*забить на пару, ливнуть*

с урока/пары, сливать, завалить); 3) учебные реалии и артефакты (вышка, курсач, шарага).

Примеры употребления:

- «В зависимости от того какой вам нужен результат оч. хороший или отличный? в 1-ом случае учите за день или за два с **ботаном** другом на пару» [https://vk.com/topic-1139770_1373252?ysclid=mm0qny1v5532284452];

- «решил **забить** на дистанционную **пару** в выходной день, а препода поставил зачеты присутствующим «за тягу к знаниям»» [https://vk.com/wall-129368275_391567?ysclid=mm0qqt0tqo187426281];

- «девочки провели свой первый лайв на виверс и мне пришлось **ливнуть** с **пары** расставляйте приоритеты правильно» [https://vk.com/wall-198383346_4769?ysclid=mm0qs5vnb693687333];

- «Хочу узнать по поводу сливов ответов ОГЭ. **Сливают** ли их вообще, если да, то совпадают?» [https://vk.com/wall-62787749_225593?ysclid=mm0qwbd045719449443];

- «Если студент не сдал экзамен в универе, это еще не конец света – гораздо опаснее **завалить** всю сессию» [https://vk.com/wall-344808_4728?ysclid=mm0qgxwv3q581843530];

- «**вышку** вел Макаренко, мне препода понравился, но не сразу» [https://vk.com/topic-1203686_1431709?ysclid=mm0qya4uf718298906];

- «У меня **препод** по статистике всего несколько пар провел в первом семестре и ни одной во второй» [https://vk.com/wall-168084851_824966?ysclid=mm0r4rclqz3694090];

- «Крч, препода не оценил мой **курсач**, я ему долго объяснял за лейблы, но он так и не догнал зачем они нужны...» [https://vk.com/wall-134671502_9298?ysclid=mm0raoe1p6404390261];

- «Поступил я в **шарагу** после 9 класса...Сейчас чувствуя себя лучше своих одноклассников, которые после 11 ушли в ВУЗы» [https://vk.com/wall-108531402_466333?ysclid=mm0rdymgsd700551485].

В данном случае преобладает нейтрально-описательная или сдержанно-ироничная окраска, что обусловлено прагматикой учебной коммуникации, где точность номинации превалирует над экспрессией. Нейтрально-ироничную коннотацию имеют сленгизмы *забить на пару*, *ливнуть с пары*, *сливать*, *препод*, *вышка*, *курсач*, которые фиксируют типичные явления студенческой жизни без резкой оценки. Более выраженную иронично-насмешливую окраску приобретают сленгизмы *ботан* (амбивалентная оценка чрезмерной учебной старательности), *завалить* (негативная оценка результата, смягчаемая фаталистической иронией) и *шарага* (снисходительно-пренебрежительное обозначение непрестижного учебного заведения).

Таким образом, субкластер «академическая сфера» демонстрирует умеренный оценочный потенциал, реализующийся преимущественно через нейтральную и ироничную модальность. Сленгизмы здесь выполняют прежде всего номинативную и игровую функции, закрепляя неформальное отношение к учебной деятельности и маркируя ключевые роли и практики студенческой жизни.

Субкластер «профессиональная среда».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, относящиеся к сфере работы, карьеры, профессионального саморазвития и корпоративной культуры. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к профессиональной деятельности, а также функционально-прагматический – использование данных единиц для номинации и оценки явлений деловой среды в молодежной коммуникации. Внутри субкластера целесообразно выделить несколько тематических групп: 1) процессы, события и неудачи в работе (*факап*, *челлендж*); 2) действия и технологии (*хантить*, *прокачаться*). Приведем примеры употребления данных сленгизмов:

- «На работе случился **факап**. Как выйти из ситуации без потерь?»
[https://vk.com/wall-220490570_422?ysclid=mm0ruuedhm824876758];

- «Как правильно **хантить** сотрудников... Хантинг состоит из нескольких этапов» [<https://vk.com/@humanrelations-kak-pravilno-hantit-sotrudnikov?ysclid=mm0s1zey2d357189543>];

- «Периодически в нашей компании проводятся **челленджи**. Это хороший способ мотивации, вовлечения и развлечения для сотрудников любой компании» [https://vk.com/wall-151043136_3499?ysclid=mm0s595evo755874773];

- «Всего за год он смог **прокачаться** в JavaScript и устроиться на позицию Junior-разработчика» [https://vk.com/wall-30666517_1730226?ysclid=mm0ss9ove011507380].

Анализ показывает, что представленный субкластер в целом характеризуется преобладанием нейтрально-описательной лексики, заимствованной из английского языка и сохраняющей терминологическую точность. Однако в контексте молодежной цифровой коммуникации эти единицы нередко приобретают дополнительные оценочные оттенки. Так, *факап* фиксирует неудачу с умеренно негативной, но часто иронически-фаталистической оценкой. *Челлендж* в корпоративном дискурсе сочетает позитивную оценку мотивационной практики с оттенком иронии по отношению к игровым формам управления. Положительно-одобрительную окраску реализуют единицы, связанные с профессиональным развитием и компетентностью: *прокачаться*. Они актуализируют ценности саморазвития, эффективности и конкурентоспособности, значимые для молодых специалистов.

Оценочность субкластера тесно связана с изменением отношения молодежи к трудовой деятельности. С одной стороны, фиксируется ценность профессиональной самореализации и карьерного роста; с другой – прослеживается критическое и ироническое восприятие корпоративных практик.

Таким образом, субкластер «профессиональная среда» демонстрирует преимущественно нейтрально-описательный оценочный вектор с элементами

позитивной оценки и умеренной иронии. Сленгизмы здесь выполняют номинативную, адаптивную и игровую функции, отражая интеграцию профессиональной лексики в молодежную коммуникацию и формирование неформального отношения к сфере труда.

Субкластер «досуг и отдых».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, отражающие формы проведения свободного времени, увлечения и досуговые практики молодежи. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к сфере досуга и отдыха, а также функционально-прагматический – использование данных единиц для номинации и оценки досуговых активностей. Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп: 1) пассивный отдых и расслабление (*чиллить*, *релакснуть*, *зависать*, *сериальничать*, *тиктокать*); 2) активный досуг и общение (*тусить*, *движ*, *трэпить*); 3) создание и переживание атмосферы (*вайбить*); 4) специфические формы активности (*слэмиться*). Например:

- «**Чилить** можно дома на диване, смотря целый день фильмы или целые сериалы за один присест» [https://vk.com/wall-198401756_988];

- «...я понимаю, что они никогда не выберутся оттуда, они были рождены **трэпить** и жестко **вайбить**...» [https://vk.com/wall426315674_3578];

- «Брошки сбрасывайте свои любимые треки в Комментарии, будем вместе **релакснуть**» [https://vk.com/wall-75640369_219190];

- «Проблема – хочу **тусить**. А мой парень нет. Он прям как дед старый, сидим дома и смотрим телек» [https://vk.com/wall-53167423_661475];

- «Муж постоянно **зависает** в телефоне. Как с этим бороться?» [https://vk.com/wall-40377893_99974];

- «Помимо чтения, ленты, статей или книг, иногда рисую акварельки... Но чаще **сериальничаю**, либо ем» [https://vk.com/wall-22627422_46092];

- «Это был крутой **движ**! Я участвовала впервые и результат эта грамота!» [https://vk.com/wall-203747748_10644];

- «Макс разрешает *слэмиться* и даже поддерживает слэмеров, т.к. на его концертах должен быть полный отрыв!» [https://vk.com/wall-60753811_41531];

- «Вот уже на протяжении нескольких лет мы *тиктокаем*, но нам не надоедает!» [https://vk.com/wall-61804887_25629].

Данный субкластер в целом характеризуется преобладанием нейтрально-описательной лексики, однако оценочность проявляется дифференцированно и тесно связана с характером досуговой активности. Единицы пассивного отдыха (*чиллить*, *релаксать*, *сериальничать*, *зависать*, *тиктокать*) преимущественно нейтральны, но могут приобретать легкий иронический или самокритичный оттенок, особенно когда речь идет о чрезмерном увлечении, например, «*зависать в телефоне*» как проблема, «*сериальничать*» с оттенком признания слабости. Эти сленгизмы отражают ценность расслабления и ухода от стресса, однако их употребление нередко сопровождается амбивалентной оценкой: с одной стороны, отдых признается необходимым, с другой – высмеивается его пассивная форма, ведущая к социальной изоляции.

Более выраженную позитивную оценку несут единицы, обозначающие активный досуг и общение: *тусить*, *движ*, *трэпить*, *слэмиться*. *Движ* в контексте «*крутой движ*» прямо выражает одобрение, актуализируя ценность социальной активности, ярких событий и коллективного опыта. *Тусить* и *трэпить* обозначают предпочитаемый молодежью образ жизни, связанный с общением и развлечениями, и оцениваются скорее положительно, хотя могут включать иронию по отношению к беззаботности. *Слэмиться* реализует ценность телесной свободы и эмоциональной разрядки на концертах, воспринимаемых как пространство для самовыражения. Особое место занимает *вайбить*, который выражает положительную оценку атмосферы и эмоционального резонанса. Данный сленгизм отражает ценность эстетического переживания, эмоциональной созвучности с окружением или

музыкой. Оценочный вектор почти всегда мелиоративен, поскольку сама семантика предполагает гармонию и удовольствие.

Таким образом, субкластер «досуг и отдых» демонстрирует преобладание нейтрально-описательной лексики с элементами позитивной оценки активного досуга и легкой иронии по отношению к пассивным формам отдыха. Сленгизмы выполняют не только номинативную, но и игровую функцию, маркируя разнообразие досуговых практик и закрепляя неформальное отношение к сфере свободного времени.

Кластер «Игра».

Выделение кластера «Игра» обусловлено значимостью игровой деятельности как одной из ключевых сфер самореализации, социализации и коммуникации современной молодежи, особенно в условиях интернет-дискурса. Игровое пространство формирует особый тип дискурса, в котором складывается специализированная лексика, отличающаяся высокой динамикой обновления, терминологической плотностью и выраженным оценочным потенциалом. Игровой сленг не только номинирует реалии виртуальной среды, но и транслирует ценности, связанные с соревновательностью, мастерством, командным взаимодействием и соблюдением игровых норм.

Аксиологическая значимость кластера определяется тем, что игра в сознании современной молодежи выступает не только формой досуга, но и пространством достижения, социального признания и самореализации. Соответственно, сленг данного кластера фиксирует ценности успешности, компетентности, честного соперничества и командной солидарности, а также негативно маркирует деструктивные проявления.

В структуре данного кластера мы выделили следующие субкластеры: «роль в игре», «действия в игре», «взаимодействие в игре», «результат игры».

Субкластер «роль в игре».

Данный субкластер объединяет сленговые единицы, обозначающие роли, статусы и специализации участников игрового пространства. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к игровым персонажам и функциям, а также функционально-прагматический – использование данных номинаций для идентификации и оценки участников игровой коммуникации. Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп: 1) противники и источники опасности (*босс*); 2) нарушители правил (*читер*); 3) деятели игрового пространства (*пранкер*, *стример*); 4) командные роли (*хилер*, *саппортер*, *пушер*, *ганкер*). Такое деление отражает разные уровни игровой иерархии и позволяет проследить оценочные нюансы.

Субкластер объединяет сленгизмы: *босс* (сильный игровой противник), *читер* (мошенник, обманщик в игре), *пранкер* (человек, разыгрывающий других), *стример* (человек, ведущий трансляцию собственных действий в режиме реального времени), *хилер* (лекарь, восстанавливающий силы игроков), *саппортер* (игрок, осуществляющий поддержку), *пушер* (персонаж, сосредоточенный на разрушении вражеских объектов), *ганкер* (герой, использующий тактику неожиданного нападения на врага):

- «В игре одновременно может пребывать несколько **боссов**, но не более 3х» [https://vk.com/topic-18648680_23058301];

- «Впрочем, я заметил, что **читерам** их читы не всегда помогают. И довольно часто встречаются тупые как пробка **читеры**» [https://vk.com/wall-84392011_663436];

- «**Пранкеры** стремятся дольше сохранять анонимность, это еще больше подогревает интерес к их розыгрышам» [https://vk.com/wall-97320463_185220];

- «Блогерша Алла Брулетова рассказала, что познакомилась со **стримером** Меллстромом не из-за денег, а потому что ей стало очень интересно, какой он на самом деле человек» [https://vk.com/wall-41768412_2439835];

- «Для арены можно обойтись даже без **хиллера**, но если противник попадется равный по силе, тогда пачка ляжет» [https://vk.com/topic-162315688_49049882?offset=80];

- «тоже не встречал ни одного **санпортера**, который бы считал, что он выше других, а токсиков в пт и среди простых игроков предостаточно» [https://vk.com/wall-136632429_201603];

- «**Пушеры** имеют право играть в центре площадки и в зоне нападения без ограничений, в зоне защиты их передвижение ограничено...» [https://vk.com/wall-222009875_135];

- «Чаще всего **ганкеры** попадают в черных зонах и любят поджидать игроков у врат и перекрестков» [<https://vk.com/@paygame-kak-effektivno-izbegat-gankero-v-albion-online>];

- «Андрей, зачем нужен **мидер**, который первую шмотку фармит 4200, до которой он ничего на карте сделать не может?» [https://vk.com/wall-15413538_2704192].

Данный субкластер в целом характеризуется преобладанием нейтрально-описательной лексики, называющей игровые роли и функции. Отчетливо негативную коннотацию имеет сленгизм *читер*, который маркирует нарушение игровых правил и справедливости, вызывая осуждение и пренебрежение. Сленгизмы *пранкер* и *стример* получают скорее иронично-настороженную оценку, первый ассоциируется с розыгрышами, которые могут быть как забавными, так и агрессивными; второй – с публичной демонстрацией себя, что может вызывать интерес, но и скепсис. Командные роли (*хилер*, *санпортер*, *пушер*, *ганкер*) преимущественно нейтральны, так как обозначают функциональные позиции, необходимые для эффективной игры. Однако в конкретных контекстах они могут приобретать оценочность: например, *санпортер* упоминается в противопоставлении «не считал бы себя выше других», что имплицитно указывает на стереотип о высокомерии некоторых игроков.

Функционально субкластер выполняет прежде всего номинативную и идентифицирующую функции, т.е. игровые роли служат для точного обозначения позиций и стратегий, а также для самоидентификации игроков внутри сообщества. Таким образом, субкластер «роль в игре» демонстрирует преимущественно нейтрально-описательный оценочный вектор с отдельными вкраплениями негативной и ироничной оценки.

Субкластер «действия в игре».

Субкластер объединяет сленговые глагольные единицы, обозначающие действия, операции и механики, реализуемые участниками игрового процесса. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к игровым действиям, а также функционально-прагматический – использование данных единиц для номинации и оценки игровой активности. Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп по характеру действия: 1) действия, связанные с ресурсами и их накоплением (*фармить, гриндить, лутать, крафтить*); 2) боевые действия и применение навыков (*танчить, скиллиот*); 3) вспомогательные механики и состояния (*инвиз, рандом*); 4) экономические действия в игре (*донатить*). Примеры употребления:

- «... игроки действительно не любят честный **рандом**, и чтобы убажнить игрока, надо активно его подкручивать и делать более предсказуемым» [https://vk.com/wall-155014709_2620];

- «В большинстве случаев временный **инвиз** в игре работает в течение 2-10 секунд, и очень редко длится более половины минуты» [https://vk.com/wall-196129480_6317];

- «В общем, пытайтесь убивать **скиллиотом** и берегите рывок на добитие раненых, либо на возможные сейвы» [https://vk.com/topic-124059710_33721658];

- «Не все те, кто не **донатит** – бомжи и нищebroды. У меня есть средства, но я не готова вкладываться в игры» [https://vk.com/wall-210073713_28643];

- «Ну допустим вы с компанией друзей в какой-то игре убили босса и с него что-то выпало. И вот после этого вы и начинаете **лутать** - то есть собирать что выпало» [https://vk.com/wall-103038391_1921];

- «Второй танк таунтит босса на себя и продолжает **танчить**, пока босс не кинет Руну крови на него» [https://vk.com/topic-41924621_26874455];

- «Думаю, многие помнят, как долго мы **фармили** шары и всячески активничали в GOMBLE» [https://vk.com/wall-44971063_13606];

- «Есть помойные игры, по типу Одиссеи, в которой тебя заставляют **гриндить** лвлва чтоб идти дальше по сюжету...» [https://vk.com/wall-93893399_1400178];

- «Так уж получилось, что я скорее так и играю. Поначалу ничего не **крафтил** поскольку все уходило в стелс и взлом» [https://vk.com/wall-50914281_3543].

Субкластер в целом характеризуется нейтрально-описательной лексикой, однако оценочность проявляется дифференцированно и связана с отношением молодежи к различным игровым механикам. Нейтрально употребляются сленгизмы *инвиз*, *лутать*, *крафтить*, *танчить*, которые обозначают стандартные игровые операции без выраженной положительной или отрицательной коннотации, их основная функция – это точная номинация. Более выраженную оценочность приобретают *скиллишот*, *фармить*, *гриндить*, *рандом*, *донатить*. *Скиллишот* реализует позитивную оценку, так как обозначает действие, требующее мастерства и точности, что соответствует ценности игровой компетентности. *Фармить* и *гриндить* могут получать амбивалентную окраску: с одной стороны, они отражают необходимую для прогресса рутинную деятельность, с другой – ассоциируются с монотонностью и потерей времени, что в отдельных контекстах выражается иронически или критически. *Рандом* оценивается скорее негативно, игроки не любят честный случай, предпочитая предсказуемость и контроль, что свидетельствует о ценности справедливости и управляемости игрового процесса. *Донатить* вызывает неоднозначное отношение, в игровой среде

платное преимущество нередко осуждается как нарушающее принцип честного соревнования, на что указывает пример с противопоставлением «*не донатит – бомж*», где сам акт *доната* связывается с социальным статусом.

Функционально сленгизмы данного субкластера выполняют прежде всего номинативную и идентифицирующую функции: глагольные сленгизмы обозначают игровые действия и маркируют принадлежность говорящего к игровому сообществу. Вместе с тем они реализуют экспрессивную функцию, особенно в оценочных контекстах (*скиллшот, рандом*). Оценочность тесно связана с ценностями мастерства, эффективности, честности и управляемости игры, одобряются действия, демонстрирующие умение и ведущие к успеху, критикуются случайность, рутинность и платное преимущество.

Субкластер «взаимодействие в игре».

Данный субкластер объединяет сленговые глагольные единицы, обозначающие различные формы взаимодействия между игроками в командных и соревновательных играх. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к игровому взаимодействию, а также функционально-прагматический – использование данных единиц для координации, оценки и регуляции коллективных действий. Внутри субкластера можно выделить две основные группы по характеру взаимодействия: 1) кооперативные действия, направленные на поддержку команды и достижение общей победы (*керрить, саппортить, хилить, ганкать, дефать, сейвить*); 2) деструктивные действия, наносящие ущерб команде или нарушающие игровой процесс (*грифить, руинить*); а также пограничная группа действий, связанных с контролем и жалобами (*репортить*). Например:

- «Смотришь Зака, начинаешь понимать игру и идешь **керрить**, чтобы быть таким же сильным как Зак!» [https://vk.com/wall-52712708_1278880];

- «Речь о саппортах которые действительно **саппортят** или пытаются, а не просто плачут героя класса сап» [https://vk.com/wall-152933276_99260];

- «Тот, кто **грифит**, получает бан на пару часов, после чего заходит на сервер и начинает **грифить** опять!» [https://vk.com/topic-30931661_26146388];

- «Увы, среди саппортов попадают и те, кто не понимает, что нужно **хилить** союзников» [https://vk.com/wall-80197218_1698954];

- «В доте можно **репортировать** игроков, даже тех, у кого отключен чат из-за порядочности» [https://vk.com/wall-56333679_4855078];

- «Я рекомендую **ганкать** с кем-нибудь, потому что в одиночку вам может быть тяжело кого-то убить» [https://vk.com/topic-8702823_28277621];

- «Наглядный пример как можно **дефать** одному/вдвоем и выигрывать игру по итогу» [https://vk.com/wall-15413538_2363112];

- «Никогда специально не **руиню** игры, ибо считаю это глупым» [https://vk.com/wall-20793074_1639744];

- «Когда один игрок **сейвит**, вероятность победы команды СТ в раунде после проигрыша увеличивается на 4,3%» [https://vk.com/wall-218823940_293].

Сленгизмы, представленные в данном субкластере, имеют четкий оценочный вектор, контекстуально выраженный как позитивно-одобрительными значениями («керрить», «саппортировать», «хилить», «ганкать», «дефать», «сейвить»), так и негативно-осуждающими оттенками значений («грифить», «репортировать», «руинить»).

Оценочный вектор субкластера тесно связан с типом игрового взаимодействия. Кооперативные действия (керрить, саппортировать, хилить, ганкать, дефать, сейвить) реализуют преимущественно позитивно-одобрительную оценку. Эти глаголы обозначают поведение, соответствующее ценностям командной игры, взаимопомощи и мастерства, поэтому в контекстах они часто употребляются с положительной коннотацией или предписанием к действию («идешь керрить», «нужно хилить союзников»). Особо выделяется сленгизм сейвить, который прямо связывается с повышением вероятности победы, что подчеркивает ценность спасения

союзника. Деструктивные действия (*грифить, руинить*) имеют стабильно негативную оценку, так как нарушают командные интересы и осуждаются игровым сообществом. Глагол *репортить* занимает промежуточное положение: сам по себе он нейтрален, обозначая функцию контроля за соблюдением правил, но его употребление может сопровождаться негативным отношением к тем, на кого жалуются, или к самой практике доноительства, что отражает амбивалентность.

Функционально субкластер выполняет номинативную, идентифицирующую и регулятивную функции. Сленгизмы точно обозначают типы игровых действий и ролей, маркируют принадлежность к игровому сообществу и регулируют коллективное поведение, предписывая одни действия и осуждая другие.

Субкластер «результат игры».

Субкластер объединяет сленговые единицы, обозначающие итоги, последствия и эмоциональные состояния, связанные с завершением игровых действий. Критерием выделения послужил денотативно-референциальный признак – отнесенность к результатам игры, а также функционально-прагматический – использование данных единиц для оценки итогов и выражения эмоциональной реакции на них. Внутри субкластера можно выделить несколько тематических групп: 1) положительный результат и успех (*GG/ГГ, фрагануть, крашнуть*); 2) отрицательный результат и неудача (*фейл, слить катку, фид, ванишот*); 3) эмоциональные состояния, вызванные результатом (*лулз, тильт*). Примеры употребления:

- «...когда люди понимают это, легче написать **GG**, а не потеть еще час ради проигрыша» [https://vk.com/wall-107577484_222048];

- «А какие вы совершаете частые **фейлы** в игре (не обязательно в *dome*)?» [https://vk.com/wall-140227554_125007];

- «Андрэ Давтян, главный умелец, засунул мешап в игру ради **лулзов**, спасибо ему» [https://vk.com/wall-39786657_365811];

- «Как вы боретесь с **тильт**ом в играх? Делитесь советами в комментариях» [https://vk.com/wall-23977452_778503];

- «хронофаг – это неутолимое желание **фрагануть** колесника команды противника, ну или посмотреть, как его уничтожат союзники» [https://vk.com/wall-75568196_529494];

- «За эти полторы недели игроки нашли больше способов как **крашнуть** сервак чем за весь прошлый год» [https://vk.com/wall-115027503_187939];

- «Сообщество жалуется на руинеров – они заходят в игру и максимально быстро **сливают катки** для того, чтобы получить Аркану...» [https://vk.com/wall-20793074_1612327];

- «Больше всего меня бесят **ванишоты** с единственной возможной развязкой. Чувствуешь себя не героем, а заложником» [https://vk.com/wall-123614682_265].

Данный субкластер демонстрирует выраженную поляризацию оценочных значений. Позитивную оценку реализуют единицы *GG/ГГ*, *фрагануть*, *крашнуть*. *GG* выражает признание качественной игры и уважение к сопернику, что отражает ценность честного соперничества и достоинства в победе или поражении. *Фрагануть* и *крашнуть* обозначают выдающиеся индивидуальные или командные успехи, актуализируя ценности мастерства, результативности и доминирования. Негативную оценку несут *фейл*, *слить катку*, *фид*, *ванишот*. *Фейл* и *слить катку* обозначают неудачу и проигрыш, причем *слить катку* часто подразумевает намеренную или неумелую игру, вызывающую осуждение. *Фид* маркирует слабость или деструктивное поведение, ведущее к гибели персонажа. *Ванишот* в приведенном контексте оценивается негативно, так как лишает игрока возможности сопротивляться, подрывая чувство справедливости и удовольствия от игры. Особую группу составляют *лулз* и *тильт* (субкластер «Эмоции и чувства»). *Лулз* обозначает злорадное или ироничное веселье, чаще связанное с чужим проигрышем или абсурдом; его оценка амбивалентна, это положительная эмоция, но построенная на негативном событии для другого.

Тилт выражает отрицательное эмоциональное состояние, вызванное неудачей, и маркирует утрату контроля, что осуждается, так как мешает эффективной игре.

Функционально данный субкластер выполняет номинативную, экспрессивную и оценочную функции. Сленгизмы не только называют результаты игры, но и передают эмоциональное отношение к ним, позволяя игрокам выражать радость победы, разочарование поражения или ироническую дистанцию. Оценочность тесно связана с ценностями успешности, мастерства, справедливости и эмоциональной саморегуляции: одобряются выдающиеся достижения и достойное поведение, осуждаются неумелость, деструктивность и потеря контроля.

Таким образом, субкластер «результат игры» демонстрирует четко выраженную оценочную поляризацию. Положительная оценка связана с успехом и мастерством, отрицательная – с неудачей, слабостью и несправедливостью. Сленгизмы выполняют важную эмоционально-экспрессивную функцию, способствуя эмоциональной разрядке и групповой идентификации.

В результате анализа эмпирического материала выделены четыре тематических кластера молодежной сленговой лексики: **«Самопрезентация и идентичность»**, **«Эмоционально-оценочные реакции»**, **«Образ жизни»**, **«Игра»**.

Рисунок 3. Тематические кластеры молодежной сленговой лексики и их субкластеры

Внутренняя структура каждого кластера конкретизируется субкластерами, отражающими ключевые сферы самоопределения, эмоционального реагирования, повседневных практик и игровой деятельности молодежи. Анализ оценочного потенциала сленгизмов позволил установить, что он реализуется преимущественно через мелиоративные, пейоративные и нейтрально-иронические контекстуальные значения, при этом оценочный вектор соотносится с доминирующей функцией единицы (экспрессивной, идентификационной, регулятивной).

Выявленная поликластерность ряда сленгизмов свидетельствует о многомерности их семантики и необходимости использования кластерного подхода для последующего аксиологического моделирования. Полученные результаты служат основанием для реконструкции ценностных доминант молодежной коммуникации в следующем параграфе.

3.3. Аксиологические кластеры молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе как отражение ценностных доминант

Аксиологический кластер молодежного сленга представляет собой иерархически организованное объединение сленговых лексических единиц, выделяемое на основе общности их ценностно-смыслового содержания и оценочной направленности, которое в своей совокупности объективирует определенную ценностную доминанту или группу взаимосвязанных доминант в языковой картине мира современной молодежи и функционирует как целостный сегмент аксиосферы интернет-дискурса. Аксиологический кластер молодежного сленга в интернет-дискурсе характеризуется следующими сущностными признаками:

1. Когнитивно-ценностная однородность входящих единиц. Все сленгизмы, образующие аксиологический кластер, объединены не просто тематически, а именно общностью выражаемых ими ценностных установок, оценок и поведенческих ориентиров. В отличие от тематического кластера, где основанием группировки служит сфера действительности, аксиологический кластер формируется по принципу значимости для сознания молодежи.

2. Наличие внутренней субкластерной структуры, конкретизирующей ценностную доминанту через более частные социальные практики и коммуникативные сферы.

3. Оценочная маркированность. Сленгизмы, входящие в аксиологический кластер, обладают устойчивым оценочным вектором, который и является индикатором ценностного отношения носителей сленга к соответствующему фрагменту действительности.

4. Иерархичность и системность. Аксиологический кластер представляет собой целостную систему, в которой элементы связаны парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями, что позволяет рассматривать их как единый концептуальный комплекс.

5. Динамичность и открытость. Границы аксиологических кластеров подвижны, возможны межкластерные пересечения, отражающие полифункциональность сленгизмов и многомерность ценностной картины мира.

Под ценностной доминантой в настоящем исследовании понимается наиболее значимая для сознания молодежи аксиологическая категория, объективируемая в сленговой лексике через устойчивую оценочную модальность и высокую частотность соответствующих единиц. Ценностная доминанта реконструируется на основе анализа оценочного вектора сленгизмов, их тематической связности и количественной представленности внутри аксиологических кластеров.

Материалом исследования послужили 825 из 1615 сленговых единиц, полученные методом сплошной выборки и сгруппированные по аксиологическому критерию. В результате применения метода кластерного анализа были выделены четыре доминирующих аксиологических кластера, репрезентирующих ключевые жизненные ориентиры молодого поколения: «Отношения» (264 ед., 32 %), «Карьера» (223 ед., 27 %), «Развлечения» (190 ед., 23 %), «Здоровье» (148 ед., 18 %). Выделение кластеров осуществлялось на основе частотности употребления и тематической однородности лексики; высокая представленность данных сфер в сленге свидетельствует об их аксиологической значимости.

Опираясь на анализируемую лексику молодежного общения, были выделены **аксиологические кластеры**, репрезентирующие основные жизненные принципы молодого поколения: **«Отношения»**, **«Карьера»**, **«Здоровье»**, **«Развлечения»**, а также субкластеры, являющиеся их сегментами.

Аксиологический кластер «Отношения» - 32% (264 сл. ед.) включает следующие субкластеры: **«знакомство»**, **«общение»**, **«дружба»**, **«любовь»**.

Субкластер **«знакомство»** (85 сл. ед.) объединяет лексику, репрезентирующую процессы установления межличностных контактов. Данные единицы являются языковым выражением как самопрезентации человека, необходимой для успешного построения отношений, так и эмоций, вызванных первым впечатлением: *вайбнуть* (создать особую атмосферу), *Rizz/pиз* (обаяние, харизма, умение флиртовать), *шипперить* (представлять

романтические отношения между персонажами или реальными людьми), случился *метч* (совпадение интересов, взаимная симпатия), *спид-дейтинг* (быстрое свидание), *зафрендить* (добавить в друзья, познакомиться), *сконнектиться* (установить контакт), *го знакомиться* (призыв к знакомству):

- «Дизайнеры, для вас сообщение: настало время **вайбнуть** ваши чеки... Наконец-то можно выбрать компанию, с которой вы будете на одной волне» [https://vk.com/wall-46638176_111655];

- «только вчера смотрела видео на ютубе, и там чел в шутку говорил, какой же он **rizz...**» [https://vk.com/wall-212062345_1084];

- «В сети начали **шипперить** Мию Бойка и Шамана. Во время премии Муз-ТВ Ярослав Дронов подошел к Миу и поцеловал ее в шею. В сети тут же стали строить теории о том, что у них роман» [https://vk.com/wall-54965848_235139];

- «Почему те, с кем **случился мэтч** в Тиндере, не пишут? Или пишут мало...» [https://vk.com/wall-87184075_361646].

- «Мы остались в «Шляпине» после **Спид-Дейтинга**. Танцевали, болтали, пели караоке» [https://vk.com/topic-92713972_32313849];

- «...готов **зафрендить** даже папуаса, если он этого захочет и мне напишет об этом» [https://vk.com/wall7425734_60799];

- «Книга, которую я получила еще до отпуска, но похвастаться не успела. Сперва увидела ее у своих блогных коллег, а потом мы **сконнектились с автором...**» [<https://t.me/mimikriyabooks/2589>⁵];

- «**Го знакомиться...Ищу общения. 21 год**» [<https://vk.com/public133944070>].

Субкластер «**общение**» (64 сл. ед.) представлен молодежным сленгом, способствующим установлению, ведению либо прерыванию коммуникативного контакта: *рил ток* (реальный, настоящий разговор), *форсить* (навязчивое общение, быстрое и навязчивое продвижение человека, мнения либо идеи), *абаюдна/обоюдно* (в молодежном сленге искаженная

⁵ РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ

форма наречия, означающая взаимное согласие с высказыванием собеседника), *войсить* (общаться голосовыми сообщениями), *стримить* (вести прямую трансляцию для общения с аудиторией), *газлайтить* (манипулировать собеседником при помощи искажения фактов, введения в заблуждение и заставляя оппонента сомневаться в своих действиях), *отписаться* (полностью прекратить контакт с кем-либо: в социальных сетях – перестать читать чьи-то посты и смотреть фотографии, в реальной жизни – оборвать общение), *кикнуть* (выгнать, исключать из чата, прекращать общение):

- «Меня **кикнули** с урока литературы, после того как я сказал, что Онегин – краш Татьяны Лариной. ... И за что тичер на меня агритсся? Это же **рил ток!**» [<https://vk.com/@-157397883-ril-tok-s-roditelyami-ili-kak-ponimat-sovremennyh-shkolnikov>];

- «Ребят, кто это и почему его все **форсят**?... Иван Золо или Зола кароче **пофиг**» [https://vk.com/wall-169905208_1576481];

- «Женищина ответила, что никому ничего не должна, и тогда Корш сделал знаменитый жест – большой палец и мизинец оттопырены, остальные пальцы сжаты, рука поднесена ко рту – и бросил **Обоюдно**» [https://vk.com/wall-46525323_17286];

- «А Вы знали, что Саша очень любит **войсить**? ... А вы любите это делать? Или больше любите кружочки записывать?» [https://vk.com/wall-126619999_8478];

- «Для меня стрим – немного большее чем хобби. **Стримлю** ради общения и своих постоянных зрителей, успевших стать моими друзьями» [https://vk.com/topic-127131310_35366544];

- «Я выбрала уйти, это моя жизни, моя ответственность и я понимаю, что я делаю и для чего... Даже сейчас, в очень редкие встречи бывший партнер «газлайтит» не переставая, всегда выкручивает все, пытается вывернуть в свою пользу» [https://vk.com/wall-3291025_381326];

- «*Я **отписалась** от всех, когда начала ценить свое время!*»
[https://vk.com/wall-98000476_7063];

- «*Milaбka хочет всех банить она меня **кикнула** за не за что*»
[https://vk.com/wall-125958582_974614].

Субкластер «**дружба**» (43 сл. ед.) составляют следующие сленгизмы: *бэсти*, *ЛП* (лучшая подруга), *ЛД* (лучшие друзья), *мейт*, *бро* (приятель, друг, товарищ), *соулмейт* (родственная душа), *френдзона* (дружеские отношения между мужчиной и женщиной), *падик* (собрание друзей, тусовка):

- «*Каждая девушка рада иметь **бэсти** – ту самую подругу, с которой можно вытворять что угодно и доверять ей все самое сокровенное*»
[https://vk.com/wall-221657128_10755];

- «*Мы с моей **ЛП** гуляем* Она привела своего друга, мы познакомились и начали с ним общаться*» [https://vk.com/wall-49205712_71296];

- «*Ну блин, она сама ему призналась и попросила сделать вид что они не знакомы, а теперь ноет что больше они не **лд...***» [https://vk.com/wall-150591966_3165689];

- «*Я знал, что ты была моим **мейтом**, и то, что ты была влюблена в другого мужчину и уничтожила себя, чтобы спасти его и что... что мне было плевать на это*» [https://vk.com/wall-88362207_119434];

- «*мой **бро** сказал, что мужчина не плачет ... И мой **бро** в этот день заплакал*» [https://vk.com/wall-184537593_16];

- «*У меня к вам вопрос: встречали ли вы когда-нибудь **соулмейта**?*»
[https://vk.com/wall-33291210_1860761];

- «***Френдзона** – невероятно удобная вещь, благодаря которой девушка может: ходить в разные заведения за счет своего приятеля...*»
[https://vk.com/wall-115407140_7714];

- «*А потом вас выгонит тетя Люда в халатике и пойдете вы на мороз из **падика***» [https://vk.com/wall-117871293_464190].

Субкластер «**любовь**» (72 сл. ед.) включает лексические единицы, репрезентирующие романтические чувства, отношения и модели поведения. В его составе могут быть выделены следующие группы:

1. Обозначения партнеров: *МЧ* (молодой человек, парень), *тян* (девушка, возлюбленная).

2. Чувства и состояния: *запасть* (сильно увлечься, влюбиться), *вкрашиться* (влюбиться).

3. Модели и паттерны отношений: *литромантик* (человек, испытывающий сильное влечение только к недоступному объекту и теряющий интерес при взаимности), *делюжншип* (фантазийные отношения, не существующие в реальности), *лавбомбинг* (чрезмерное, навязчивое внимание на начальном этапе отношений с целью быстрого завоевания партнера).

4. Действия и проявления: *химичить* (демонстрировать сильную эмоциональную и романтическую связь, «искру»).

- «Проблема: *мч* хочет очень жить вместе (и пожениться), очень обижается что я отказываюсь и не хочу...» [https://vk.com/wall-155622384_3361304];

- «Заходишь вместе с *тян* в лифт... мило стоите краснеете и смущаясь поглядываете друг на друга» [https://vk.com/wall-57536014_9734451];

- «... как перестать быть *литромантиком* и как влюбить в себя *литромантика*, если угораздило в него влюбиться самому» [https://vk.com/wall-50805932_7778];

- «В мыслях уже начинается планирование свадьбы, счастливой семейной жизни, в то время как этот человек даже не догадывается о вашем существовании... Тогда вы точно попали в *делюжншип*» [https://vk.com/wall-221657128_9291];

- «*Лавбомбинг* буквально провоцирует ситуацию, когда от внимания становится дискомфортно, невозможно продохнуть. При этом жертва *лавбомбинга* чувствует себя любимой, единственной, уникальной» [https://vk.com/wall-209319798_4828];

- «И почему я на нее **запал**? Не знаю, есть в ней что-то, что не поддается логике» [https://vk.com/wall-102870733_377156];

- «Как можно **вкрашиться** в человека, которого ни разу не видел в живую?» [https://vk.com/wall-170678266_75991];

- «Джерри Ян и Сюй Жо Хань 'Летние цветы' чувственная и красивая пара, **химичили** на все 100%» [https://vk.com/wall-127583482_617232].

Субкластер «любовь» репрезентирует романтическую сферу как ценностно значимую, поскольку включает сленгизмы, обозначающие партнеров, эмоциональные состояния, модели и паттерны отношений, а также действия, связанные с проявлением романтической привязанности и эмоциональной связи.

Кластер «Отношения» репрезентирует систему ценностных ориентаций, центральной из которых выступает доминанта межличностной близости и аффилиации, то есть потребность в установлении, поддержании и углублении значимых социальных связей. Данная доминанта реализуется через комплекс взаимосвязанных ценностей:

1) **ценность эмоциональной интимности** – значимость доверительных, романтических и дружеских отношений, предполагающих взаимное принятие и психологическую открытость;

2) **ценность коммуникации** – признание общения как самостоятельной ценности, важность обмена информацией, эмоциями и поддержания контакта в различных форматах;

3) **ценность самопрезентации и социального признания** – потребность в одобрении, позитивном впечатлении и подтверждении собственной значимости в процессе взаимодействия;

4) **ценность коммуникативной автономии** – право на выбор партнеров по общению и возможность добровольного прекращения нежелательных контактов;

5) **ценность психологической безопасности** – значимость неманипулятивного, комфортного общения, свободного от токсичности и эмоционального насилия.

Таким образом, в аксиологическом содержании кластера «Отношения» доминирует потребность в межличностной близости, которая дополняется ценностями аутентичной коммуникации, эмоциональной глубины, автономии и психологической защищенности. Это позволяет рассматривать отношения как одну из ключевых ценностных доминант современного молодежного интернет-дискурса.

Аксиологический кластер **«Карьера и социальный статус»** – 27% (223 сл. ед.) включает три субкластера, отражающих различные аспекты профессиональной самореализации и положения в обществе: **«самопрезентация и имидж»**, **«профессиональная деятельность»**, **«материальное благополучие»**.

Субкластер **«самопрезентация и имидж»** (87 сл. ед.) объединяет лексику, репрезентирующую значимость внешнего образа, репутации и узнаваемости для достижения успеха. Молодежь активно использует сленг для оценки и маркировки различных имиджевых стратегий: *гигачад/гигачадка* (эталон уверенности и успешности), *импостер* (человек, чей образ не соответствует реальной компетентности), *ноунейм* (неизвестная, не имеющая веса личность), *свага* (стиль и харизма как капитал), *альтушка* (девушка, делающая ставку на индивидуальность), *позер* (человек, имитирующий успешность), *хайпбист* (следящий за трендами), *фрик* (эпатажный образ как способ выделиться) и др.:

- *«КТО ЗДЕСЬ НАСТОЯЩИЙ ИМПОСТЕР? В ряды боксов затесался предатель, который отличается от других, скорее отыщи его в комментах»* [https://vk.com/wall-192715193_8011958];

- *«Ноунейм при знакомстве старается вести себя как статусный господин, и это видно»* [https://vk.com/wall-186610533_901];

- «...даже чел, который спел эту популярную песню про **свагу** в тиктоке у него столько **сваги** нет» [https://vk.com/wall-191337746_24587];

- «Сначала ты смеешься над **альтушками**. Потом ты к ним примыкаешь... Не выдержала и стала **альтушкой**» [https://vk.com/wall289318346_710];

- «Все представители **хайпбистов** – это молодежь, живущая и одевающаяся на деньги родителей или же экономящая на завтраках в школе» [https://vk.com/wall-163986918_2110].

Субкластер «**профессиональная деятельность**» (61 ед.) состоит из сленговой лексики, связанной с работой, профессиями, трудовыми процессами: **суетолог** (человек, создающий суету как в жизни, так и на работе: сотрудник, постоянно ищущий быстрые способы заработка), **факапер** (человек, совершающий серьезные ошибки в работе), **гуру SMM** (мастер продвижения продуктов или услуг с помощью социальных сетей):

- «Вакансия **суетолога** появилась в Новосибирске. Требования к потенциальному сотруднику особенно шикарные» [https://vk.com/wall-43618728_2889915];

- «Или вообще в команде появился самый настоящий **факапер**, который то и дело подрывает рабочие процессы» [https://vk.com/wall-40963459_8939];

- «На эфирах Иван рассказывает о всех тонкостях в SMM! Для меня он просто **гуру SMM** и коуч по личностному росту...» [https://vk.com/wall138364928_934].

Субкластер «**материальное благополучие**» (75 ед.) представлен сленговой лексикой, отражающей отношение к деньгам, богатству, уровню достатка: **броук** (понятие, обозначающее малообеспеченного человека), **профит** (прибыль), **успешный успех** (демонстрация богатства и высокого материального достатка), **мажор** (ребенок богатых родителей, живущий за их счет), **папик** (мужчина, который финансово обеспечивает девушку), **базовый минимум** (фундаментальный уровень чего-либо), **роскошный максимум** (премиальная степень чего-либо):

- «Категорически Вас приветствую! В этом посте мы разберемся как же перестать быть **броуком** в отношениях с друзьями, коллегами, противоположным полом» [https://vk.com/wall-214902289_362];

- «Ставки на проекте растут, как и число активных пользователей! Пришло время повысить % Вашего **профита!**» [<https://vk.com/quickzbiz>];

- «Проводя время в социальных сетях, мы постоянно натываемся на людей типа «**успешный успех**». Каждый второй – бизнесмен или коуч, который смог» [https://vk.com/wall-12412368_10283];

- «Правда ли, что Гарри Поттер – типичный **мажор**? ... тупо мажорит на деньги родителей» [https://vk.com/wall-31480508_1552601];

- «Вопрос в другом, что будет делать дальше «это тело», которое всю жизнь сидела на шее у **папика?**» [https://vk.com/wall-134449726_10924456];

- «Решила любопытствовать, что же является **базовым минимумом** у девушек в подслушке в отношениях с мужчиной? Чтоб цветы дарил? На руках носил? Айфон купил?» [https://vk.com/wall-175030989_507814];

- «... какая любая подходит под **роскошный максимум**, ты о чем? большинство нищенки с зарплатой меньше 200к, что и так копейки, с плохой генетикой серой мышки» [https://vk.com/wall-41768412_2527204].

Репрезентируется ценность финансовой обеспеченности и материального статуса как значимых маркеров социальной успешности, однако в ряде единиц отражается иронически-критическое отношение к демонстративному потреблению и статусной имитации.

Аксиологический кластер «Карьера и социальный статус» репрезентирует ценностную доминанту социальной успешности и самореализации, которая реализуется через комплекс взаимосвязанных ценностей:

1) **ценность профессиональной компетентности и достижений** – значимость мастерства, квалификации, эффективности и карьерного роста;

2) **ценность имиджа и управления впечатлением** – важность внешнего образа, репутации и узнаваемости как ресурсов социального позиционирования;

3) **ценность материального благополучия** – значимость финансовой обеспеченности и высокого уровня достатка как маркера успешности;

4) **ценность социального признания** – потребность в статусе, уважении и подтверждении собственной значимости; при этом такие единицы, как *ноунейм* и *позер*, маркируют антиценности — некомпетентность и неискренность в демонстрации успеха.

Таким образом, доминирующей ценностью кластера выступает социальная успешность, понимаемая как синтез профессиональной самореализации, эффективного имиджа и материального благополучия, при одновременной критике деструктивных форм статусной демонстрации.

Аксиологический кластер «Здоровье» – 18% (148 ед.) репрезентирует ценности физического и психического благополучия, телесной эстетики и осознанного отношения к себе. В его составе выделяются следующие субкластеры: **«физическое здоровье и внешность»**, **«спорт»** и **«питание»**.

Субкластер **«физическое здоровье и внешность»** (62 ед.) включает лексику, связанную с отношением к телу, физической форме и уходу: *зожник* (ЗОЖ – здоровый образ жизни), *фитоняшка* (девушка, активно занимающаяся фитнесом и пропагандирующая здоровый образ жизни), *найк про* (девушка, часто публикующая в социальных сетях фото в спортивной одежде, привлекая внимание к своей фигуре: понятие связано с кроссовками фирмы Nike, прочно вошедшими в моду), *менталка* (ментальное здоровье, психологическое благополучие), *соскуфиться* (потерять внешнюю привлекательность, перестать следить за собой):

- «Народная примета: встретил **ЗОЖника** – готовься к лекции... ЗОЖ – это личное дело каждого, но личные границы нужно уважать.

Непрошенные советы никого не красят...» [https://vk.com/wall-101886745_142846];

- «*Мечтаете о свидании с **фитоняшкой** – придется соответствовать. Рассказываем, что делать*» [https://vk.com/wall-17406378_1038346];

- «*По отношению к мужчинам фразу «**найк про**» использовать вообще не следует: бро может не понять*» [https://vk.com/wall-167210359_12209?ysclid=mgnekyvqkq125779180];

- «*... у меня постоянные проблемы с **менталкой**, на протяжении всей жизни и с каждым днем мне становится все хуже, я чувствую, что не вывожу без медикаментов*» [https://vk.com/wall-165341775_1506346];

- «*Муж **соскуфился**, постоянно газлайтит, намекает на поиск новой работы... Последнее время ничем не интересуется, сидит в тиктоке, жрет пиво*» [https://vk.com/wall-146119392_425991].

Субкластер «**спорт**» (49 сл. ед.) включает: *кроссфит* (перекрестный фитнес, система круговых тренировок повышенной интенсивности), *спортник* (человек, чаще всего спортсмен, занимающийся соревновательными видами спорта), *потренить* (потренироваться), *качаться* (наращивать мышцы тренировками), *сушиться* (соблюдать режим тренировок и питания для прорисовки мышц), *дрыщ* (худой, неспортивный человек), *спортоголик* (человек, страстно увлеченный спортом):

- «*Летом этого года Сергей увлекся **кроссфитом**...Пришла идея собрать мини-группу по **кроссфиту** для мужчин под руководством Сергея*» [https://vk.com/wall-172583868_3019?ysclid=mgnewnj6ko322552661];

- «*Тиктокер Иван Ржевский то был «**спортником**», то женственным, а теперь он брутальный парень с доберманом и сигаретами*» [https://vk.com/wall-59386154_622777?ysclid=mgnf1tf13o272952727];

- «*Пятница – хороший день **потренить** и уйти на отдых...*» [https://vk.com/wall51395970_18275?ysclid=mgnf13o272952727];

- «*Все потому, что противник качка, который умеет только **качаться**, болтать языком и ноги брить*» [https://vk.com/wall-27685949_3306548];

- «Соблюдай питание и не зашьет. Смысл **сушиться**, чтобы потом опять набрать. И организму стресс» [https://vk.com/wall-73953791_342564];

- «Нейт никогда не имел крутой физической формы, он всегда был **дрыщем**. Он никогда не качался...» [https://vk.com/wall-204868257_2541];

- «Сейчас ты, возможно, подумала: «А что такого? Ну и пусть **спортоголик**. Не алкоголик же...»» [https://vk.com/topic-32981840_27483576].

В субкластер «питание» (37 сл. ед.) входит сленговая лексика, связанная с диетами, здоровым питанием и пищевыми практиками: **бцшки** (аминокислоты, употребляемые для поддержания мышечного синтеза), **флекситарианец** (приверженец гибкого вегитарианства), **читмил** (запланированный срыв диеты):

- «Кто-то становится **флекситарианцем**, чтобы поддержать партнера, придерживающегося более строгой диеты» [<https://vk.com/@domashnierecepti-chem-vegany-otlichautsya-ot-vegetariancev-pesketariancev-i-f>];

- «В день **читмила** вы можете спокойно пообедать сочным стейком, а в завершении обеда с чистой совестью позволить себе съесть любой десерт, которой вы пожелаете» [https://vk.com/wall445816961_383];

- «Не обязательно употреблять эти **суперфуды**, если они не нравятся вам по вкусу» [https://vk.com/wall-149725861_295650?ysclid=mm7lq0ffh9985425887].

Аксиологический кластер «Здоровье» репрезентирует ценностную доминанту заботы о себе, понимаемую как комплексная ориентация на физическое, психическое и социальное благополучие. Данная доминанта реализуется через систему взаимосвязанных ценностей:

- 1) **ценность физического совершенства** – значимость спорта, фитнеса, эстетики тела и поддержания физической формы;
- 2) **ценность здорового образа жизни** – ориентация на правильное питание, отказ от вредных привычек и соблюдение режима;

3) **ценность ментального благополучия** – признание важности психологического здоровья, эмоциональной устойчивости и профилактики стресса;

4) **ценность экологичности** – связь заботы о собственном здоровье с экологическими практиками и ответственным отношением к окружающей среде;

5) **ценность принятия себя** – значимость бодипозитивного отношения к телу, отказа от жестких стандартов и навязанных идеалов.

Особенностью кластера является сочетание телесно-ориентированных практик с психологическим и ценностным измерением: здоровье осмысливается молодежью не только как отсутствие болезни или хорошая физическая форма, но и как элемент личностного роста, самодисциплины и социального имиджа. При этом в сленговой номинации присутствует и ироническая рефлексия над крайностями ЗОЖ-культуры, что свидетельствует об амбивалентном отношении к нормативным моделям телесности.

Таким образом, ценностной доминантой кластера «Здоровье» выступает забота о себе как интегративная ценность, объединяющая физическое, ментальное и экологическое благополучие, а также принятие собственного тела и критическое отношение к деструктивным проявлениям культа здоровья.

Аксиологический кластер «Развлечения» (190 ед., 23%) репрезентирует ценностные ориентации молодежи в сфере досуга, гедонизма, субкультурной идентификации и творческого самовыражения.

В рамках данного кластера выделены субкластеры: **«досуг и субкультурная идентификация»**, **«компьютерные игры»** и **«музыка»**.

Субкластер **«досуг и субкультурная идентификация»** (61 сл. ед.) включает лексические единицы, обозначающие типы личности, сформированные на основе досуговых предпочтений, а также субкультурную принадлежность. Эти номинации выполняют идентифицирующую функцию, позволяя молодежи маркировать свою принадлежность к определенному сообществу или, напротив, дистанцироваться от «других»: *гик* (человек,

интересующийся сферами комиксов, видеоигр, технологиями или научной фантастикой), *чиллерша* (девушка, предпочитающая часто отдыхать и ведущая расслабленный образ жизни), *стример* (человек, ведущий трансляцию зачастую различных игр либо повседневных занятий), *квадробер* (участник одноименной субкультуры, имитирующий движения животных), *нормис* (человек, придерживающийся общепринятых взглядов и норм), *clean-girl* (девушка, отказавшаяся от яркой косметики и одежды), *томбой* (пацанка; девушка, любящая активные и агрессивные виды спорта), *хипстер* (человек, своим образом жизни и внешностью стремящийся показать, что он отличается от других):

- «Я считаю, что у **гиков** большое будущее, ведь они умны и креативны. Взять хотя бы Билла Гейтса или Стива Джобса – самых известных гиков, создавших технологии, изменившие мир...» [https://vk.com/wall-119398658_1491?ysclid=mgngink0tt668358549];

- «А это **Чиллерша** Лера Иванова с твича, можете ее симпить тут» [https://vk.com/wall409666235_789?ysclid=mm7r0q4j8m681209662];

- «Произошла такая ситуация, влюбилась я в **стримера!**» [https://vk.com/wall-72107087_1061344?ysclid=mgnhhgncs61166704].

- «**Девочка-квадробер** в маске гуляла с большой собакой без намордника и бросала палки в других детей, чтобы спровоцировать животное» [https://vk.com/wall-111968737_969405?ysclid=mm7rjrggx1730257298];

- «Я прекрасно осознаю, что под мое определение **нормисов** попадает очень много людей, и я не осуждаю их» [https://vk.com/wall-172037485_245659?ysclid=mm7rmjna6607472990];

- «живу как **CLEAN GIRL** || ранний подъем, тренировка, правильное питание, смузи, макияж» [https://vk.com/video-225501871_456239039?ysclid=mm7rv55pht917248178];

- «Запомните уже, одежда и стрижка вообще ничего не значит.-. Дохрена знакомых девушек **томбоев**, дохрена с парнями, а некоторые с детьми» [https://vk.com/wall-93330757_3641187];

- «Приходя в то или иное заведение, **хипстеры** непременно чекинутся»
[https://vk.com/wall-147384103_150].

Субкластер «**компьютерные игры**» (74 сл. ед.) объединяет лексику, связанную с процессом, ролями и явлениями в компьютерных играх. Эта лексика активно проникает в повседневную речь, выходя за пределы чисто игрового контекста: *ачивер* (тип игрока, для которого важны выполняемые действия и последующие за ними результат и достижения), *нуб* (новичок, человек без опыта в игре), *критовать* (наносить критические удары):

- «**Ачивер** с удовольствием будет выполнять домашнюю работу, вписывать свои результаты и получать удовлетворение от своих успехов»
[https://vk.com/wall-153706571_2418];

- «Я знаю похож на **нуба**, но все равно. На какой лвл тяну?»
[https://vk.com/wall-140674661_305359?ysclid=mgnidgx1zu331477449];

- «Все дело в том, что стаки от иллюзий пополняют счетчик, что позволяет им **критовать** почти каждую атаку» [https://vk.com/wall-107577484_1069966].

Данный субкластер репрезентирует: ценность достижения и мастерства – значимость успеха, победы, высокого уровня навыка (*ачивер*, *критовать*); ценность соревновательности – стремление быть лучше других, конкуренция; антиценность некомпетентности – негативная маркировка неопытности (*нуб*).

Субкластер «**музыка**» (55 сл. ед.) включает лексику, описывающую процессы создания, распространения и потребления музыкального контента, а также явления музыкальной культуры: *дропнуть* (выпустить новую песню), *коллабить* (совместно с другими исполнителями создавать музыкальные продукты), *релизить* (выпускать новый музыкальный материал), *шазамить* (узнавать название песни при помощи мобильного приложения Shazam), *бэнгер* (популярная, зажигательная песня), *скипнуть* (пропустить, переключить песню), *биф* (публичная вражда между исполнителями), *задиссить* (рэп-композиция, оскорбляющая другого музыканта):

- «*Вот и JONY **дропнул** попсовый сингл!*» [https://vk.com/wall-217962212_4445?ysclid=mgnirodnka43682119];

- «*Kauzo настолько любит **коллабить** с рок-музыкантами, что сделал это вновь*» [https://vk.com/wall-1959_7127461?ysclid=mgnj1ut2mr762678919];

- ««***наРЕЛиЗили***» – обзор Музыкальных новинок первой половины Сентября от Автора песен и Музыкального Маркетолога» [https://vk.com/wall-222521339_17?ysclid=mgnjf5ox7e320970642];

- «*Трек, который я **шазамил** несколько лет назад в Пинтере...*» [https://vk.com/wall-22800250_22348];

- «*Вот это точно станет хитом 2023 г. Как же я жду этот трек ... просто **бэнгер***» [https://vk.com/wall-178813815_17505];

- «*При первом прослушивании альбома я просто **скипнул** эту песню, так как не хотел слышать нравоучения от парня парню*» [<https://vk.com/@abynachto-nam-predlozhili-sdelat-obzor-na-vypuschnyyi-albom-i-mu-ne-m>];

- «*Десятка лучших **бифов** в истории хип-хопа с победителями по версии одного из американских хип-хоп ресурсов...*» [https://vk.com/wall-55310229_25142];

- «*Machine Gun Kelly **задиссил** Slipknot во время выступления... выступления Machine Gun Kelly и Slipknot на фестивале начались одновременно, и артисту это явно не понравилось*» [https://vk.com/wall-45172096_1816210].

Данный субкластер репрезентирует: ценность новизны и эксклюзивности – важность быть в курсе новых релизов (*дропнуть, релизить*); ценность кооперации и творческого союза – значимость совместного творчества (*коллабить*); ценность эмоционального воздействия музыки – поиск «качающих», драйвовых треков (*бэнгер*); ценность автономии и контроля – право выбирать, что слушать, и отсеивать неинтересное (*скипнуть*); ценность конфликта как элемента культуры – интерес к

противостоянию, конкуренции в музыкальной среде (*биф, задиссить*), что отражает более общую ценность соревновательности.

Аксиологический кластер «Развлечения» репрезентирует ценностную доминанту гедонистической самореализации, то есть стремление к получению удовольствия и самовыражению через разнообразные формы досуга, игры и творчества. Данная доминанта реализуется через комплекс взаимосвязанных ценностей:

- 1) **ценность субкультурной идентификации** – принадлежность к сообществам по интересам как способ самовыражения и поиска единомышленников;
- 2) **ценность гедонизма и релаксации** – значимость отдыха, расслабления и получения удовольствия;
- 3) **ценность новизны и эксклюзивности** – стремление быть в курсе новых трендов, релизов и событий;
- 4) **ценность самовыражения через досуг** – выбор субкультуры, стиля, хобби как способ конструирования идентичности;
- 5) **ценность автономии и контроля** — право выбирать, что потреблять, и отсеивать неинтересное.

Таким образом, доминирующей ценностью кластера «Развлечения» является гедонистическая самореализация, объединяющая стремление к удовольствию, творческому самовыражению, принадлежности к сообществу и достижению мастерства в избранных сферах досуга.

В процессе кластеризации и статистического анализа молодежного сленга в интернет-дискурсе (825 сл. ед.) были выделены четыре аксиологических кластера, посредством которых была сделана попытка сгруппировать лексику, отражающую ценностные установки современных молодых людей. Кроме того, было установлено процентное и количественное соотношение рассматриваемой лексики, способствующее выявлению основного и второстепенных ценностных приоритетов молодого поколения:

1) «отношения» – 32 % (264 сл. ед.); 2) «карьера» – 27% (223 сл. ед.); 3) «развлечения» – 23 % (190 сл. ед.); 4) «здоровье» – 18 % (148 сл. ед.).

Рисунок 4. Аксиологические кластеры молодежной сленговой лексики

Аксиологическая кластеризация молодежного сленга интернет-дискурса позволила систематизировать лексику на основе общности ценностно-смыслового содержания и оценочной направленности, выявляя тем самым основополагающие векторы мировоззрения современной молодежи. Такой подход подтверждает значимость сленга как источника реконструкции аксиосферы языковой картины мира молодежи.

ВЫВОДЫ

В данной главе были обоснованы принципы кластерной систематизации сленговой лексики, выделены ее тематические кластеры и субкластеры, а также определены аксиологические кластеры, отражающие ценностные доминанты молодежной коммуникации. Основные результаты главы заключаются в следующем:

1. Обоснована методологическая целесообразность кластерного подхода к систематизации молодежного сленга в интернет-дискурсе. Кластерное моделирование, в отличие от традиционной тематической

классификации, позволяет группировать лексические единицы по совокупности семантических, функциональных и аксиологических признаков, что делает его эффективным инструментом лингвоаксиологического исследования.

2. В исследовании последовательно применяются два взаимодополняющих типа кластеризации молодежной сленговой лексики – тематическая и аксиологическая. Тематические кластеры выделяются на основе денотативно-референциального признака, то есть по отнесенности сленгизмов к определенным предметно-понятийным сферам (самопрезентация, эмоциональные реакции, образ жизни, игра). Они позволяют систематизировать материал, описать его состав и внутреннюю структуру, а также выявить оценочный потенциал единиц внутри каждой сферы. В отличие от тематических кластеров, формируемых по признаку отнесенности к сфере действительности, аксиологические кластеры выделяются по критерию ценностной значимости. Тематическая кластеризация дает формально-содержательную картину сленга, а аксиологическая – выходит на уровень ценностных доминант, реконструируя аксиосферу языковой картины мира молодежи.

3. В результате тематико-оценочной кластеризации эмпирического материала выделены четыре тематических кластера функционирования молодежной сленговой лексики, внутренняя структура которых конкретизируется следующими субкластерами:

1) тематический кластер **«Самопрезентация и идентичность»** включает субкластеры **«знакомство»**, **«возраст»**, **«гендерная идентичность»**, **«мировоззрение»**;

2) тематический кластер **«Эмоционально-оценочные реакции»** объединяет субкластеры **«эмоции и чувства»**, **«положительная оценка»**, **«отрицательная оценка»**, **«агрессивно-конфликтные реакции»**, **«оскорбление»**;

3) тематический кластер **«Образ жизни»** представлен субкластерами **«академическая сфера», «профессиональная среда», «досуг и отдых»;**

4) тематический кластер **«Игра»** представлен субкластерами **«роль в игре», «действия в игре», «взаимодействие в игре», «результат игры».**

Такая структура отражает ключевые сферы самоопределения, эмоционального реагирования, повседневных практик и игровой деятельности молодежи, что позволяет систематизировать сленговый материал и выявить его оценочный потенциал.

Анализ оценочного потенциала показал, что молодежные сленгизмы реализуют мелиоративные, пейоративные и нейтрально-иронические контекстуальные значения, при этом оценочный вектор коррелирует с доминирующей функцией сленговой единицы (экспрессивной, идентифицирующей, регулятивной). Выявленные межкластерные пересечения ряда сленгизмов подтверждают многомерность их семантики, полифункциональность и подвижность границ между кластерными образованиями.

4. На основе анализа 825 сленговых единиц построены четыре аксиологических кластера, репрезентирующих ключевые ценностные доминанты молодежного интернет-дискурса: **«Отношения» (32 %), «Карьера и социальный статус» (27 %), «Развлечения» (23 %), «Здоровье» (18 %).** Каждый кластер характеризуется внутренней субкластерной структурой, конкретизирующей соответствующие ценностные ориентации:

1) аксиологический кластер **«Отношения»** включает субкластеры **«знакомство», «общение», «дружба», «любовь»;**

2) аксиологический кластер **«Карьера и социальный статус»** объединяет субкластеры **«самопрезентация и имидж», «профессиональная деятельность», «материальное благополучие»;**

3) аксиологический кластер **«Развлечения»** представлен субкластерами **«досуг и субкультурная идентификация», «компьютерные игры», «музыка»;**

4) аксиологический кластер **«Здоровье»** членится на субкластеры **«физическое здоровье и внешность»**, **«спорт»**, **«питание»**.

Кластер «Отношения» репрезентирует ценности аффилиации, эмоциональной близости, коммуникативной активности, самопрезентации и психологической безопасности, что свидетельствует о приоритетной значимости межличностных связей и потребности в аутентичном общении. Кластер «Карьера и социальный статус» аккумулирует ценности профессиональной самореализации, самопрезентации, материального благополучия и социального признания. Кластер «Здоровье» включает ценности физического совершенства, здорового образа жизни, ментального благополучия, экологичности и принятия себя, что указывает на комплексное понимание здоровья как телесной практики, психологического комфорта и элемента социального имиджа. Кластер «Развлечения» репрезентирует ценности субкультурной идентификации, гедонизма, мастерства, соревновательности, самовыражения через досуг как способа конструирования идентичности.

Доминирующей ценностью кластера «Отношения» является межличностная близость и аффилиация, кластера «Карьера и социальный статус» – социальная успешность и самореализация, кластера «Здоровье» – забота о себе как интегративная ценность, кластера «Развлечения» – гедонистическая самореализация.

5. Проведенный анализ позволяет утверждать, что ценностные доминанты молодежного интернет-дискурса, реконструированные на основе аксиологических кластеров, образуют иерархически организованную систему, в которой центральное место занимает ценность межличностных отношений, а ценности карьеры, здоровья и развлечений выступают как взаимодополняющие компоненты аксиосферы языковой картины мира молодежи. Сленговая лексика, таким образом, не только отражает ценностные приоритеты, но и активно участвует в их конструировании и трансляции внутри молодежной интернет-культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено выявлению и описанию лингвоаксиологических особенностей современного молодежного сленга в интернет-дискурсе. В ходе работы решен комплекс теоретических и прикладных задач, позволивших достичь поставленной цели и получить основные результаты исследования.

В первой главе систематизированы и критически осмыслены основные подходы к изучению сленга в отечественной и зарубежной лингвистике. Интегративный междисциплинарный подход, объединяющий положения социолингвистики, лексикологии, словообразования, лингвокультурологии и лингвоаксиологии, позволил выработать адекватную объекту методологию.

Существенное внимание уделено дифференциации понятий «молодежный сленг», «сленговая лексика», «сленгизмы», «жаргон» и «арго». В работе молодежный сленг определен как социально маркированный лексический субстандарт, носителями которого выступают лица в возрасте от 14 до 35 лет, возникновение и динамика которого детерминированы принадлежностью к молодежной субкультуре, потребностью в групповой идентификации и воздействием цифровой среды. Данный социолект формируется на лексико-грамматической базе общенационального языка, однако отличается экспрессивно-сниженной оценочной коннотацией и регулярной обновляемостью лексического состава, преимущественно за счет заимствований и семантической деривации. Сленговая лексика понимается как совокупность лексических единиц, входящих в указанную подсистему, а сленгизмы – как конкретные лексемы, реализующие эту подсистему в речи.

Обоснован лингвоаксиологический подход, в рамках которого молодежная сленговая лексика трактуется как ценностно-смысловая система, объективирующая идентичность, мировоззрение и поведенческие установки молодежи. Аксиологический компонент сленга отражает специфику восприятия действительности, поскольку интерпретация реалий опосредована жизненными принципами носителей, формируемыми культурным кодом,

актуальными социальными тенденциями и процессами цифровизации. Определяющей средой порождения и распространения молодежного сленга признан интернет-дискурс, выступающий фактором его структурно-семантической трансформации и глобальной интеграции в речевую практику молодого поколения.

Во второй главе выявлены, систематизированы и описаны продуктивные деривационные модели современного молодежного сленга. Установлено, что ведущую роль играют семантическая деривация и аффиксация. Наиболее продуктивными аффиксальными формантами являются суффиксы -ер/-ор, -инг, -ик, -к, -ов(ый), -овск(ий) и префиксы за-, по-, про-, рас-, на-, от-, с-, активно участвующие в образовании существительных, прилагательных и глаголов от англоязычных и русских основ. Наряду с ними зафиксированы аббревиация, сокращение, конверсия, словосложение и намеренные графико-орфографические искажения (эрративы). Совокупность этих механизмов обеспечивает реализацию ключевых прагматических установок интернет-общения – экспрессивности, экономии языковых средств и маркирования групповой идентичности.

Количественный анализ 500 сленговых единиц показал, что 45 % рассмотренных сленгизмов обладают пейоративной коннотацией, 36 % употребляются в стилистически нейтральных значениях и 19 % характеризуются мелиоративной окраской. Преобладание негативно-ироничных, пренебрежительных и агрессивных оценочных компонентов свидетельствует о критической, оппозиционно-игровой направленности молодежного интернет-дискурса и подтверждает, что деривационные механизмы не только формируют лексический состав, но и детерминируют оценочный вектор сленгизмов.

Проанализированы механизмы адаптации англоязычных заимствований. Установлено, что этот процесс носит многоэтапный характер: доминирующая грамматическая адаптация (61 %) реализуется через морфологическое освоение (приобретение аффиксов и окончаний),

словообразовательную продуктивность и синтаксическую интеграцию в структуру русского предложения. Фонетическая (26 %) и графическая (13 %) адаптации создают необходимые предпосылки для последующего грамматического освоения и становления оценочной семантики заимствованной единицы. В процессе грамматической интеграции англицизмы не только приобретают формальные признаки русской словоизменительной системы, но и претерпевают семантические сдвиги в сторону экспрессивно-оценочного, ироничного или пренебрежительного значения.

Таким образом, подтверждена системная взаимосвязь между лингвистическими механизмами сленгообразования и аксиологическим содержанием молодежного сленга: словообразовательные модели и процессы адаптации заимствований выступают не только средством пополнения лексики, но и инструментом аксиологической категоризации действительности.

В третьей главе разработана, теоретически обоснована и апробирована методика кластерного моделирования молодежной сленговой лексики. Данный подход позволил представить материал в виде иерархической системы кластеров и субкластеров, отражающих ключевые коммуникативные практики молодежи в цифровой коммуникативной среде.

На первом этапе осуществлена тематико-ценностная стратификация с выделением четырех тематических кластеров: «Самопрезентация и идентичность», «Эмоционально-оценочные реакции», «Образ жизни» и «Игра», каждый из которых включает систему субкластеров, конкретизирующих соответствующие сферы общения. Зафиксированы многочисленные межкластерные пересечения, свидетельствующие о полифункциональности сленга и подвижности границ между коммуникативными сферами. Анализ оценочного потенциала показал, что молодежные сленгизмы реализуют мелиоративные, пейоративные и нейтрально-иронические контекстуальные значения, при этом оценочный

вектор коррелирует с доминирующей функцией сленговой единицы (экспрессивной, идентифицирующей, регулятивной).

На втором этапе на материале 825 единиц проведена кластеризация по аксиологическому принципу и впервые реконструирована иерархия ценностных доминант молодого поколения. Выделены четыре аксиологических кластера:

1) «Отношения» (32 %) – включает субкластеры «знакомство», «общение», «дружба», «любовь»; репрезентирует ценности аффилиации, эмоциональной близости, коммуникативной активности и психологической безопасности;

2) «Карьера и социальный статус» (27 %) – объединяет субкластеры «самопрезентация и имидж», «профессиональная деятельность», «материальное благополучие»; аккумулирует ценности профессиональной самореализации, социального признания и материального благополучия;

3) «Развлечения» (23 %) – представлен субкластерами «досуг и субкультурная идентификация», «компьютерные игры», «музыка»; репрезентирует ценности гедонизма, мастерства, соревновательности и самовыражения через досуг;

4) «Здоровье» (18 %) – членится на субкластеры «физическое здоровье и внешность», «спорт», «питание»; включает ценности физического совершенства, здорового образа жизни, ментального благополучия и принятия себя.

Установлено, что ценностные доминанты молодежного интернет-дискурса образуют иерархически организованную систему, в которой центральное место занимает ценность межличностных отношений, а ценности карьеры, здоровья и развлечений выступают как взаимодополняющие компоненты аксиосферы языковой картины мира молодежи. Оценочный вектор сленгизмов амбивалентен: позитивные ценности солидарности, успеха, гедонизма и заботы о себе сосуществуют с критической дистанцией, самоиронией и установкой на игровую самопрезентацию. Молодежный сленг,

таким образом, не только отражает ценностные приоритеты, но и активно участвует в их конструировании и трансляции внутри молодежной интернет-культуры.

Лингвоаксиологический подход доказал свою эвристическую ценность, позволив реконструировать иерархию ценностных доминант молодого поколения через системное описание его лексикона.

В качестве **перспективного** направления следует рассматривать сопоставительное изучение лингвоаксиологических особенностей молодежного сленга в разных лингвокультурах. Применение разработанной кластерной методики к материалу других языков позволило бы выявить универсальные ценностные доминанты, обусловленные общими закономерностями социализации молодежи в цифровую эпоху, и лингвоспецифические особенности, детерминированные лингвокультурной традицией и структурными характеристиками конкретного языка. Не менее значимым представляется диахронический анализ динамики ценностных доминант молодежного сленга. Формирование репрезентативного корпуса сленговой лексики за различные временные срезы дало бы возможность проследить трансформацию ценностной картины мира под воздействием социокультурных, технологических и политических факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абайдельданова, М. К. Русский язык в интернете: анализ молодежного сленга с оценочным значением / М. К. Абайдельданова, Р. Гусман Тирадо // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 177-189.
2. Абросимова, Л. С. Когнитивные основания словообразовательной мотивации / Л. С. Абросимова, Е. А. Редкозубова // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 21-25.
3. Адамс, М. Сленг: народная поэзия. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. Стр. 238. – Том 40, выпуск 3 – Филлип М. Картер, 2011.
4. Адливанкин, С. Ю. Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1984. С. 3-12.
5. Александров, Р. Ю. Социально-философские аспекты развития молодежной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №5. С. 77-81.
6. Андросенко, Н. А. Понятие «англицизм» в лингвистике / Н. А. Андросенко // Идеи. Поиски. Решения: Материалы XVII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 20 октября 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 8-12.
7. Андросова, О. Е. Связь основных социально-демографических факторов со спецификой употребления жаргона учащейся молодежью: автореф. дис. кандидата психологических наук соц. псих. наук: 19.00.05. – Самара, 2006. – 22 с.
8. Анохина, Д. В. Сленг в современной молодежной субкультуре (сопоставительный анализ) / Д. В. Анохина // Теория, история, литературоведение и методика преподавания немецкого языка. Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе

России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Калуга, 14 апреля 2017 года. – Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», 2017. – С. 26-29.

9. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография: – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

10. Апресян, Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. С. 6-17.

11. Апресян, В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. №1. С. 19-51.

12. Аракелова, А. Р. Лингвоаксиологические характеристики современного англоязычного дискурса моды: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аракелова Амалия Робертовна, 2017. – 222 с.

13. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. – 300 с.

14. Арустамова, А. А. Современный молодежный сленг и особенности его функционирования (на материале речи студентов Республики Адыгея): специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Арустамова Ася Артавазовна. – Майкоп, 2006. – 260 с.

15. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 688 с.

16. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

17. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. – 1978. – Т. 37. – №4. – С 333-343.

18. Атрощенко, И. Г. Анализ определений понятия «дискурс» в современной лингвистике / И. Г. Атрощенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1(54). – С. 26-31.
19. Афанасова, Н. В. Интернет-сленг как один из компонентов самопрезентации современной молодежи / Н. В. Афанасова // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку: Межрегиональная конференция, Рязань, 15-17 декабря 2015 года / Ответственный редактор: О.А. Скрыбина. Том Часть 1. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2015. – С. 65-68.
20. Ахметшина, Ю.В. Современные англоязычные заимствования и проблема межвариантности в свете общей теории заимствования / Ю. В. Ахметшина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1(80). – С. 324-326.
21. Ахренова, Н. А. Интернет-дискурс как гипертекст / Н. А. Ахренова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 3. – С. 4.
22. Ахренова, Н. А. Интернет-лингвистика: доминантный подход / Н. А. Ахренова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – 178 с.
23. Ахренова, Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Ахренова Наталья Александровна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Мытищи, 2018. – 53 с.
24. Бабенко, Е. А. Адаптация иноязычных заимствований в языке / Е. А. Бабенко, Д. А. Стригина // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25 июня 2021 года / БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 116-120.

25. Багана, Ж. Роль тематической классификации в терминологических исследованиях / Ж. Багана, Е. Н. Таранова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 46-49.

26. Балакин, С. В. Деривационный потенциал лексических систем языка: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Балакин Сергей Владимирович. – Челябинск, 2018. – 602 с.

27. Бархатова, Э. И. Концептуализация событий и их лексическая репрезентация в новой лексике современного английского языка: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бархатова Эльвира Игоревна, 2020. – 175 с.

28. Башкирцева, О. А. К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов селфмейд, хэндмейд, мастрид, мастхэв) / О. А. Башкирцева, Д. М. Дедковская // Русская речь. – 2019. – № 6. – С. 19-31.

29. Беккер, Е. В., Панова, О. Б. Аксиология и лингвоаксиология в современном гуманитарном научном дискурсе (на примере исследования концепта «человек» в русской и китайской культурах) // Евразийский Союз Ученых. 2015. №4-12 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-i-lingvoaksiologiya-v-sovremennom-gumanitarnom-nauchnom-diskurse-na-primere-issledovaniya-kontsepta-chelovek-v-russkoy-i> (дата обращения: 23.07.2025).

30. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / под ред. вступ. статей и комм. Ю.С. Стеманова. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1974.

31. Береговская, Э. М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы / Э.М. Береговская. – Смоленск, 1975. – 120 с.

32. Береговская, Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование. – М.: МГУ, 2002. 354с.

33. Берестнев, Г. И. Ценностные концепты русского языкового сознания и «национальная идея» / Г. И. Берестнев // Оценки и ценности в

современном научном познании : Сборник научных трудов, Калининград, 20-22 июня 2008 года / Под редакцией С. С. Ваулиной, В. И. Грешных. Том Часть 1. – Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2009. – С. 14-23.

34. Библиева, О. В. Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. №304. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-forma-reprezentatsii-molodezhnoy-kultury-v-sredstvah-massovoy-informatsii> (дата обращения: 13.07.2025).

35. Блумфилд, Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.

36. Богословская, В. Р. Ортологические проблемы фонетико-графической адаптации глобализмов в русском языке / В. Р. Богословская, А. Н. Долгенко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 3(28). – С. 259-261.

37. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. образования РФ, Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Москва: ЯСК, 2018. – 478 с..

38. Бондалетов, В. Д. Иноязычная лексика в русских аргю: учеб. пособие к спецкурсу. – Куйбышев, 1990. – 112 с

39. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика. Изд-во «Стереотип» М.: URSS, 2019. – 208 с

40. Бреус, Н. В. Молодежная субкультура: проблемы исследования / Н. В. Бреус // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2021. – № 1-2(39). – С. 24-29.

41. Букина, Л. М. Термин «заимствование» в русской и Европейской языковедческих традициях / Л. М. Букина // Поливановские чтения. – 2016. – № 11. – С. 19-26.

42. Буланова, В. А. Разные походы к понятию «дискурс» / В. А. Буланова // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 12. – С. 194-198.

43. Булыга, Ф. С. Алгоритмы агломеративной кластеризации применительно к задачам анализа лингвистической экспертной информации / Ф. С. Булыга, В. М. Курейчик // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2021. – № 6(223). – С. 73-88.

44. Буянова, Л. Ю. Дискурс как код культуры и репрезентанта языковой личности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2013. №4-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-kak-kod-kultury-i-reprezentanta-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 07.08.2025).

45. Буянова, Л. Ю. Кластер как категориально-классификационная структура систематизации терминов: репрезентативно-интегративный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1(52). С. 147-152.

46. Ван Дейк, Т. А. (1998). К определению дискурса. – URL <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html> (дата обращения: 07.07.2025).

47. Варавина, Д. Н. О графической адаптации новейших англоязычных заимствований в русском языке / Д. Н. Варавина // Слово о Слове: исследования молодых ученых-филологов: материалы III Международной научно-практической конференции, Астрахань, 06 апреля 2023 года. – Астрахань: Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, 2023. – С. 11-13.

48. Васильева, А. А. Особенности современного молодежного сленга / А. А. Васильева, В. А. Пантрина // Успехи молодежной науки в агропромышленном комплексе: Сборник трудов LIX Студенческой научно-практической конференции, Тюмень, 30 ноября 2022 года. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2022. – С. 166-174.

49. Васильева, А. М., Горохова А. И. Способы образования англицизмов в молодежной речи интернет-пространства // МНИЖ. 2020. №12-3 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obrazovaniya>

anglitsizmov-v-molodezhnoy-rechi-internet-prostranstva (дата обращения: 21.03.2026).

50. Васильева, К. В., Никитина, Т. Г., Рогалева, Е. И. Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации: лингвоаксиологический и лексикографический аспекты. Научный диалог. 2024;13(4):32-50.

51. Ваулина, И. А. Краш и крашиха: фоносемантика в молодежном жаргоне / И. А. Ваулина // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 238-247.

52. Вельдина, Ю. В. Англоязычные заимствования в русском языке / Ю. В. Вельдина, Е. А. Зайцева // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 113-4. – С. 31-34.

53. Власова, К. А. Современные заимствования из английского языка / К. А. Власова // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания : (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 года. – Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Деком»», 2016. – С. 282-286.

54. Власюк, О. И. Кластеры служебных слов во фразе: типичные морфолого-семантические модели соединений и их просодическая структура / О. И. Власюк // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 01-02 марта 2018 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 8-11.

55. Володарская, Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96-118.

56. Волоснова, Е. С. Оценка возраста в положительных и отрицательных номинациях лиц в русском и английском молодежном сленге / Е. С. Волоснова // Наука молодых: вызовы гуманитарной науки : материалы

Всероссийской научной школы с международным участием для молодых исследователей, Абакан, 19–21 сентября 2024 года. – Абакан: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2024. – С. 32-38.

57. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УССР, 2002. – 280 с.

58. Воронцова, К. Б. Особенности Интернет-коммуникации и употребления Интернет-сленга в молодежной среде / К. Б. Воронцова // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования, Барнаул, 14-17 ноября 2017 года / Алтайский государственный университет. Том Часть 2. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 169-173.

59. Воронцова, Ю. А. Социолингвистические особенности использования английского молодежного сленга в фильмах / Ю. А. Воронцова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 3. – URL: <https://sflk-mn.ru/PDF/08FLSK324.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).

60. Вотинцева, Е. В. Способы языковой репрезентации ценностных ориентиров в языковой картине мира молодежи: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вотинцева Екатерина Викторовна, 2018. – 168 с.

61. Гаврилова, М. Причины возникновения конфликтов в современной молодежной среде / М. Гаврилова, Ю. М. Измайлова // Научные исследования: проблемы и перспективы развития: Сборник статей по материалам Всероссийской национальной научно-практической конференции, Саратов, 23 ноября 2023 года – Саратов: Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии им. Н.И. Вавилова, 2024. – С. 177-181.

62. Галичкина, Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия ВГПУ. 2021. №7 (160). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-osnovnye-napravleniya-izucheniya-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 07.08.2025).

63. Галичкина, Е. Н. Словообразовательная систематизация лексики молодежного сленга в интернет-дискурсе (на материале русскоязычной социальной сети Вконтакте) / Е. Н. Галичкина // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 173-176.

64. Гальперин, И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. / И.Р. Гальперин. – Москва: Наука, 2015. – 150 с.

65. Герасимов, В. В., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 5–11.

66. Гильманова, Л. Р. Молодежный сленг в интернет -дискурсе (на материале русских, китайских и башкирских видеоблогов) / Л. Р. Гильманова // Казанская наука. – 2024. – № 3. – С. 346-349.

67. Го, Ц. Интернет-сленг в виртуальном общении как языковой феномен / Ц. Го // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 1082-1088.

68. Голев, Н. Д. Текстовая деривация и деривационное функционирование лексических единиц в тексте//Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т. 1. М., 1995 (в).

69. Голикова, Т. А. Опыт исследования интернет-словаря молодежного сленга как нового типа массовых коммуникаций / Т. А. Голикова // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2018. – № 26. – С. 6-15.

70. Голушин, И. Конверсия в русском и сербском языках: сопоставительный аспект / И. Голушин, О. А. Попова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 3(108). – С. 111-122.

71. Гончар, И. Е. Исследование ценностной картины мира современной российской молодежи / И. Е. Гончар, В. В. Стебляк // Молодежь третьего тысячелетия: Сборник научных статей XLVII региональной

студенческой научно-практической конференции. В 2-х частях, Омск, 01 апреля 01-15.2023 года. Том Часть 1. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2023. – С. 608-611.

72. Горбачева, Е. Ю. Пейоративная коннотация интернет-дискурса в современной разговорной речи / Е. Ю. Горбачева, О. Э. Безрукова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 11 (115). — С. 1688-1690. — URL: <https://moluch.ru/archive/115/30690>.

73. Горностаев, С. В. Грамматическая адаптация англоязычных заимствований сферы игровой индустрии в русском языке / С. В. Горностаев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2017. — № 1. — С. 76-84. — DOI 10.18522/1995-0640-2017-1-76-84.

74. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов, Орел, 15 мая 2007 года / Ответственный редактор А.Г. Пастухов. Том Выпуск 5. — Орел: Орловский государственный институт культуры, 2007. — С. 223-237.

75. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. — 288 с. — 500 экз.

76. Гриноу, Дж. Б, Киттридж, Дж. Л. Слова и их путь в английскую речь: — США: 1901. —258 с.

77. Гусейнов, Г. Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику — URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения, 31.01.2026).

78. Гусякова, А. В. Особенности современного американского сленга [Текст]: дис. ... канд. филол. н. / А. В. Гусякова. — М., 2008. — 171 с.

79. Дедюхин, А. А. Актуализация и популяризация англоязычных заимствований в современном русском языке / А. А. Дедюхин, А. Г. Дедюхина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2020. — № 3(262). — С. 39-43.

80. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
81. Десяев, С. Н. Методический инструментальный анализ сленга как выражения субкультуры молодежных движений / С. Н. Десяев, Н. Д. Десяева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023 – Т. 11 – № 5 – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/66PDMN523.pdf> (дата обращения: 28.07.2025).
82. Джеус, Н. А. Лексико-семантическое словообразование в молодежном сленге: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Джеус Наталья Александровна. – Краснодар, 2008. – 171 с.
83. Дмитриев, А. В. Процессы адаптации немецких заимствований в английском языке на лексическом уровне / А. В. Дмитриев, Е. С. Крупнова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 28-42.
84. Дмитриева, Е. И. Семантическая кластеризация и комбинаторность аффиксов английского языка // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №1 (25).
85. Дмитриева, С. О. Динамика молодежного сленгового лексикона: лингвосоциокультурологический и лексикографический аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дмитриева Софья Олеговна, 2024. – 239 с.
86. Дьяков, А. И. Англицизмы: заимствование или словообразование / А. И. Дьяков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5(16). – С. 72-76.
87. Дюран, Б. Кластерный анализ / Б. Дюран. - М.: Книга по Требованию, 2012. - 128 с.
88. Ершова, Т. А. Молодежный сленг как способ репрезентации картины мира / Т. А. Ершова // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 7. – С. 243-246.

89. Ефимов, Д. К. Аббревиация в английском языке на примере молодежного сленга / Д. К. Ефимов, В. Д. Кропотина // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2024. – № 2(4). – С. 155-160.

90. Жегалина, О. К. Особенности адаптации английских экономических терминов в русском языке (на материале российских СМИ) / О. К. Жегалина, Т. В. Евсюкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2025. – № 2(357). – С. 32-38.

91. Жилина, М. А. Образовательный блог как жанр персонального интернет-дискурса / М. А. Жилина // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей VI Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2022 года / Редколлегия: И.П. Зайцева, Е.М. Маркова, Т.С. Чабаненко, Е.М. Шахова [и др.]. Том I. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. – С. 106-109.

92. Жираковская, А. А. Модели метафорических и метонимических переносов в образовании номинаций лиц в молодежном сленге // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-metaforicheskikh-i-metonimicheskikh-perenosov-v-obrazovanii-nominatsiy-lits-v-molodezhnom-slenge> (дата обращения: 22.08.2026).

93. Журавлев, Н. Ю. Молодежь в структуре населения России в контексте изменения возрастных границ / Н. Ю. Журавлев // Парадигмы и модели демографического развития: Сборник статей XII Уральского демографического форума, Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 03–04 июня 2021 года / Редакторы О.А. Козлова [и др.]. Том II. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. – С. 76-81.

94. Закирова, Л. Р. Англицизмы в современном русском языке / Л. Р. Закирова // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 175-177.

95. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // *Russian Linguistics*. 1996. Vol. 20. P. 237–264
96. Земкая, Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Изд-во КомКнига, 2005. — 224 с.
97. Зенина, Л. А. Словообразовательные модели в социальных диалектах (на примере американского сленга): автореф. дис. / Л.А. Зенина. — Москва, 2005 — 16 с.
98. Зимарева, О. Л., Песина, С. А. Кластерный анализ семантической структуры полисемантов в свете инвариантной теории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. № 4. С. 860-870.
99. Зоркина, К. В. Лингвопрагматические характеристики молодежного сленга (на материале немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зоркина Ксения Вадимовна, 2021. — 213 с.
100. Иванова, Г. Р. Функции сленга в речевой деятельности американских студентов / Г. Р. Иванова // *Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики*. М., 1990. 133 с.
101. Иванова, Н. С. Молодежный жаргон в культурологическом освещении: дис... канд. филол. н. / Н.С. Иванова. — Екатеринбург. — 2007. — 136 с.
102. Ивин, А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А. А. Ивин // *Философский журнал*. — 2010. — № 1(4). — С. 66-78.
103. Ивлиева, Е. А. Особенности современного интернет-дискурса (на материале русского, испанского и английского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. №4. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennogo-internet-diskursa-na-](https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennogo-internet-diskursa-na)

materiale-russkogo-ispanskogo-i-angliyskogo-yazykov (дата обращения: 20.03.2026).

104. Игнатьева, Э. С. Адаптация англицизмов в русскоязычном молодежном сленге / Э. С. Игнатьева, Е. Ю. Балашова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в современном иноязычном образовании. – 2025. – № 3. – С. 98-102.

105. Ильиных, С. А. Ценности российской молодежи: традиционность в эпоху перемен / С. А. Ильиных // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 303-306.

106. Исраилова, Н. Х. Заимствования из других языков как способ обогащения лексического состава языка в процессе глобализации / Н. Х. Исраилова // Наука и мир. – 2015. – № 10-2(26). – С. 15-17.

107. Истомина, А. Л. Адаптация англоязычных заимствований в современном русском научном экономическом дискурсе / А. Л. Истомина // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Ижевск, 28 ноября 2022 года / Сост. Л. А. Юшкова. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2022.

108. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. / Йоргенсен М.В., Филипс Л. Дж. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

109. Каверина, Д. А. Специфика обновления англоязычной концептуальной картины мира при помощи молодежного сленга / Д. А. Каверина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3(20). – С. 52-54.

110. Калюк, Н. В. Молодежный сленг в современных реалиях / Н. В. Калюк // Научный диалог: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 20

сентября 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 103-105.

111. Капер, А. Ю. Особенности словообразования молодежного интернет-сленга в английском языке / А. Ю. Капер, Л. Н. Мирошниченко // Лингвистические горизонты: Международный сборник научных трудов / Отв. редакторы Е.А. Огнева, Л.Н. Мирошниченко, Д.Е. Смирнова. Том Выпуск VII. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – С. 51-56.

112. Карамова, А. А. Специфические особенности современного молодежного жаргона (на материале интернет-источников) / А. А. Карамова, А. Ю. Сметанина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 223-229.

113. Карасик, В.И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития / В.И. Карасик // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 13-20.

114. Карасик, В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе / В. И. Карасик // Иностранные языки в высшей школе. – 2015. – № 1(32). – С. 25-35.

115. Карасик, В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики / В. И. Карасик // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке : Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, 09–11 октября 2024 года. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2024. – С. 183-188.

116. Карасик, В. И. Язык социального статуса. – М., 2002. – 333 с.

117. Карпов, Э. С. Функционирование сленга в дискурсе интернет-коммуникаций: специальность 10.01.10 «Журналистика»: автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Карпов Эрнест Сергеевич. – Москва, 2016. – 22 с.

118. Картавцева, Ю. В. Англоязычные заимствования в русском молодежном сленге и их языковая адаптация / Ю. В. Картавцева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2026. – Т. 36, № 2. – С. 337-343.

119. Картавцева, Ю. В. Деривационные особенности сленговой лексики в русском и немецком языках: сравнительно-сопоставительный подход / Ю. В. Картавцева // Казанская наука. – 2024. – № 9. – С. 304-306.

120. Картавцева, Ю. В. Деривационный потенциал иноязычных лексем интернет-сленга / Ю. В. Картавцева // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – № 5(53).

121. Картавцева, Ю. В. Интернет-дискурс как коммуникативное пространство функционирования молодежного сленга / Ю. В. Картавцева // Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики: Сборник статей Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 28 апреля 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 365-370.

122. Картавцева, Ю. В. Кластерный подход к описанию молодежного сленга в интернет-коммуникации / Ю. В. Картавцева, З. Р. Хачмафова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 9(903). – С. 45-52.

123. Картавцева, Ю. В. Когнитивно-деривационный принцип формирования сленговой лексики в интернет-дискурсе / Ю. В. Картавцева // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сборник материалов IX Международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 23 октября 2024 года. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2024. – С. 26-35.

124. Картавцева, Ю. В. Когнитивно-функциональные особенности сленговой лексики в современном молодежном дискурсе / Ю. В. Картавцева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 10-3. – С. 181-183.

125. Картавцева, Ю. В. Оценочный потенциал молодежной сленговой лексики в интернет-дискурсе (мелиоративная коннотация и пейоративность) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. №3. С. 30-38.

126. Карташева, А. Н. Аффиксация как продуктивный способ словообразования молодежного сленга / А. Н. Карташева // Говор: альманах. – 2024. – № 8. – С. 608-611.

127. Катермина, В. В., Липириди, С. Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2021.

128. Катермина, В. В. Аксиологический потенциал англоязычных неологизмов в дискурсивных практиках / В. В. Катермина. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – 192 с.

129. Катермина, В. В. Аксиологический потенциал английских неологизмов-гастронимов / В. В. Катермина, Н. С. Соловьева // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2022. – № 2. – С. 123-135.

130. Кибрик, А. А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов. Вопросы языкознания. 2009. № 2. — 3–21 с.

131. Кириллова, А. В. К вопросу о классификации глагольных сленгизмов с отрицательной коннотацией / А. В. Кириллова, Д. Е. Меренкова, М. В. Шурупова // Казанская наука. – 2018. – № 1. – С. 29-31.

132. Колесникова, В. В. Молодежный сленг в Интернете / В. В. Колесникова, Ю. В. Картавцева // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : Сборник материалов V международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 22 октября 2020

года. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2020. – С. 126-133.

133. Комалова, Л. Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия»: на материале разносистемных данных корпусной лингвистики: дис. ... доктора филологических наук: Москва, 2016. 348 с.

134. Компанцева, Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. Луганск: Знание, 2008.

135. Косякова, Я. С. Особенности современного молодежного сленга / Я. С. Косякова, А. Мазовка // Молодой ученый. – 2017. – № 22-1(156). – С. 14-16.

136. Коцюбинская, Л. В. К вопросу об аксиологии в лингвистике / Л. В. Коцюбинская, О. А. Кузина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 7, № 1. – С. 59-66.

137. Кривко, Т. В. Понятие дискурса в современной лингвистике / Т. В. Кривко // Научное образование. – 2020. – № 3(8). – С. 24-26.

138. Кронгауз, М. А. Конкуренция и взаимодействие языков: социолингвистический подход // Слово. ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 45-49.

139. Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

140. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

141. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 157 с.

142. Кубрякова, Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.

143. Кубрякова, Е. С., Панкрац, Ю. Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. – Пермь: Изд. ПГУ, 1982. – С. 7–20.
144. Кубрякова, Е. С. О когнитивных основаниях словообразования / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы современного словообразования: Материалы международной научной конференции, Кемерово, 01–03 июля 2009 года / Под общей редакцией Л.А. Араевой. Том Выпуск 3. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2009. – С. 15-19.
145. Кубрякова, Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – Москва: Наука, 1972. – С. 344-393.
146. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
147. Кузнецов, В. Ю. Понятие молодежного сленга в современной лингвистике / В. Ю. Кузнецов // EurasiaScience: Сборник статей LVI международной научно-практической конференции, Москва, 30 сентября 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ», 2023. – С. 137-138.
148. Кузьмина, Н. А., Макарова, О. С. Трансплантация как способ заимствования новейших англо-американизмов (по материалам современной молодежной прессы) // ОНВ. 2008. №5 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transplantatsiya-kak-sposob-zaimstvovaniya-noveyshih-anglo-amerikanizmov-po-materialam-sovremennoy-molodezhnoy-pressy> (дата обращения: 06.02.2026).
149. Кунаева, Н. В. Становление понятия «дискурс» и его значение в современной лингвистике / Н. В. Кунаева // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательство Истоки, 2012. – С. 10-15.

150. Кунгурова, Е. А. От «кринжа» до «пикми»: изменение языковой моды в контексте молодежного сленга конца 2010-х – середины 2020-х гг. / Е. А. Кунгурова, Н. В. Асадчая // Язык и культура. 2026. № 73. С. 67-85. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koха:001292706>
151. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Биробиджан: ИП "ТРИВИУМ", 2000. – С. 57–70
152. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кустова Галина Ивановна. – Москва, 2001. – 413 с.
153. Лазаревич, С. В., Ерофеева, А. В., Дорожкина Д. С. Жаргонизмы с оценочным значением в современном молодежном сленге // МНИЖ. 2016. №9-4 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhargonizmy-s-otsenochnym-znacheniem-v-sovremennom-molodezhnom-slenge> (дата обращения: 23.07.2025).
154. Латипова, А. Л. Лингвистические особенности языка интернет-дискурса // Известия ВГПУ. 2018. №6 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-yazyka-internet-diskursa> (дата обращения: 20.03.2026).
155. Латипова, А. Л. Лингвистическая специфика Интернет-дискурса в разносистемных языках (на материале английского, русского и турецкого языков): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Латипова Азиза Лачиновна, 2021. – 172 с.
156. Левонтина, И. Б. Русский язык и ценности общества потребления / И. Б. Левонтина // Вопросы культуры речи. Том 10. – Москва, 2011. – С. 26-31.
157. Лескина, С. В. Вербализация мелиоративности и негативности как демонстрация явления бинарности (на материале русского и английского языков) / С. В. Лескина // Авангард социально-гуманитарной науки. Ведущие

научные школы: Материалы I Международной научной конференции, Челябинск, 21–22 марта 2014 года / Редколлегия: Обжорин А.М., Омельченко Е.В., Лескина С.В., Кудинов В.В., Селиванова Е.А., Шаронова В.Б. – Челябинск: Индивидуальный предприниматель Обжорин Алексей Михайлович, 2014. – С. 18-22.

158. Леффлер, Г. Германистическая социолингвистика. Издательство Эриха Шмидта, Берлин, 1985, ISBN 3-503-02231-7, стр. 127, 132.

159. Либба, Е. А. Дискурс и дискурс-анализ: понятия и характерные аспекты в коммуникативной лингвистике // Вестник СВФУ. 2025. №1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-diskurs-analiz-ponyatiya-i-harakternye-aspekty-v-kommunikativnoy-lingvistike> (дата обращения: 20.03.2026).

160. Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолектики / А. Т. Липатов. – М.: ООО Изд-во Элпис, 2010. – 318 с.

161. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е. Ф. Серебрянниковой. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

162. Ломова, Н. А. Молодежный сленг и его статус в современной русской языковой картине мира / Н. А. Ломова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 38-42.

163. Майер, В. С. Лингвистические маркеры современности в социокультурной сфере (на материале немецкого языка) : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Майер Валерия Станиславовна, 2021. – 203 с.

164. Макаревич, Т. В. Теоретические подходы к определению понятия "дискурс" в отечественной лингвистике / Т. В. Макаревич // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 2. – С. 124-128.

165. Максимова, К. М. Молодежный сленг как неотъемлемая часть языка / К. М. Максимова // Родной язык в лингвокультурологическом аспекте. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2023. – С. 341-347.

166. Маркелова, Т. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка / Т. В. Маркелова, М. В. Петрушина: Институт современного искусства. – Москва: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт современного искусства», 2019. – 232 с.

167. Марьянчик, В. А. Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса (на материале газетных публикаций начала XXI века): специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Марьянчик Виктория Анатольевна. – Архангельск, 2005. – 210 с.

168. Марьянчик, В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): специальность 10.02.01 "Русский язык" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Марьянчик Виктория Анатольевна. – Архангельск, 2013. – 38 с.

169. Маслова, В. А. Современная лингвокультурология: проблемы взаимодействия с когнитивной лингвистикой / В. А. Маслова // Язык как ценность бытия: сборник научных трудов в честь юбилея профессора Марии Иосифовны Конюшкевич. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2023. – С. 219–227.

170. Матусевич, А. А. Грамматические средства выражения эмоций в сетевом общении / А. А. Матусевич // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета- 2014. – С. 94 -97.

171. Мельникова, О. К. К вопросу об определении термина «интернет-дискурс» // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. 2018 Т. 2 № 4 (7).

172. Мингазова, Д. Р. Классификация молодежного сленга в Интернет-взаимодействии / Д. Р. Мингазова, Е. Д. Платова // Актуальные проблемы

речевой культуры будущего специалиста : Материалы II Республиканской студенческой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета, Донецк, 18 мая 2020 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. – С. 174-176.

173. Миралаева, О. Д. Современный русский молодежный жаргон (социолингвистическое исследование): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Рос. АН Ин-т языкознания. — Москва, 1994. — 19 с.

174. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке: Учеб. пособие [для вузов] / А.И. Моисеев; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987 - 206 с.

175. Мотеюнайте, М. Э. Аббревиация в английском молодежном сленге (на материале социальных сетей) / М. Э. Мотеюнайте // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания : сборник статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции, Москва, 17–18 ноября 2018 года / ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова». Том Выпуск 2. – Москва: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2019. – С. 32-35.

176. Мужикова, О. Н. Концепты цвета в картине мира английского сленга: специальность 10.02.04 "Германские языки": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мужикова Ольга Николаевна, 2016. – 204 с.

177. Мужикова, Э. А. Функции молодежного сленга в современных художественных текстах (на примере произведений Стейс Крамер «Мы с истекшим сроком годности» и «50 дней до моего самоубийства») / Э. А. Мужикова // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии : Сборник научных статей по итогам НИР и НИРС кафедры

филологии и массовых коммуникаций СФ МГПУ / Под редакцией С.Б. Козинца. – Самара: Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", 2019. – С. 129-136.

178. Мухина, Е. Н. Семантическая адаптация англицизмов в русском молодежном сленге / Е. Н. Мухина // Языки и культуры в эпоху перемен: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2021 года / Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2021. – С. 46-51.

179. Нелюбин, Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.

180. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: уч. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 756 с.

181. Николаев, С. Г. Доля А.Б. Семантический параметр мелиоративности/пейоративности как эмоционально-оценочная основа этнических стереотипов в английском языковом сознании // Научная мысль Кавказа. 2019. №3 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiiy-parametr-meliorativnosti-peyorativnosti-kak-emotsionalno-otsenochnaya-osnova-etnicheskih-stereotipov-v-angliyskom> (дата обращения: 25.07.2025).

182. Новицкая, Н. П. Понятие интернет-дискурса и жанры интернет-коммуникации / Н. П. Новицкая, В. Г. Аргунова // Инновационное развитие современной науки : сборник научных трудов по материалам XL Международной научно-практической конференции, Анапа, 11 октября 2021 года / Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2021. – С. 53-60.

183. Новоселецкая, Д. И. Терминологический кластер «техника и технологии» как лингвистическая модель представления технического знания: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Новоселецкая Дарья Ильинична. – Краснодар, 2024. – 300 с.
184. Нургалиева, Н. Х. Кластерный подход в лингвистическом анализе (на материале корпуснолингвистического анализа заимствований из английского языка (англицизмов) в немецком языке) / Н. Х. Нургалиева // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 2. – С. 454-460.
185. Общая и русская лингвоаксиология / М. С. Милованова, К. Я. Сигал, В. И. Карасик [и др.]; Российская Академия наук. Институт языкознания; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – Ярославль: Издательство "Канцлер", 2022. – 390 с.
186. Овчаренко, Е. Н. Лингвопрагматический аспект вербализации оценки в медиадискурсе (на материале общественно-политической российской прессы): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Овчаренко Елена Николаевна, 2022. – 166 с.
187. Оглезнев, В. В. Проблемы определения кластерных понятий / В. В. Оглезнев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 70-78.
188. Оноприенко, С. Р. Особенности современной молодежной лексики / С. Р. Оноприенко // Интернаука. – 2023. – № 14-3(284). – С. 57-60.
189. Орлова, Н. О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-vs-zhargon-problema-definitsii> (дата обращения: 20.03.2026).
190. Орлова, Н. О. Функциональное назначение сленга (на материале русских и американских сленгизмов) / Н. О. Орлова, О. Ю. Богданова //

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21, № 6. – С. 98-104.

191. Павлов, С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С. Г. Павлов // Вестник Минского университета. – Мн., 2013. – № 2. – С. 56–68.

192. Пасечная, Л. А. Оценочный потенциал неологизмов немецкого молодежного сленга / Л. А. Пасечная, В. Е. Щербина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1(164). – С. 261-264.

193. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль; под ред. А. А. Холодовича. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 500 с. – Текст: непосредственный.

194. Петрова, Ю. А. Особенности сленга и его функционирования в современных молодежных субкультурах / Ю. А. Петрова, С. В. Самарская // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 2. – С. 65-74. – DOI 10.18522/2070-1403-2020-79-2-65-74.

195. Пешкова, А. Б. Словообразование в словообразовательной системе русского языка / А. Б. Пешкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 1. – С. 110-118.

196. Плаксина, В. А. Кластерная организация концепта «Лицемерие / hypocrisy» // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternaya-organizatsiya-kontsepta-litsemerie-hypocrisy> (дата обращения: 27.02.2026).

197. Плугарь, О. А. Молодежь как социальная группа: определение, социально-демографические характеристики и перспективные направления исследования / О. А. Плугарь, Т. М. Кононова, О. М. Горева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 674.

198. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

199. Прокофьева, Е. В., Прокофьева О. Ю. «Сравнительный обзор идентификационных возможностей кластерного, корреляционного и структурно-лингвистического анализа в распознавании образов» // Судебная экспертиза. 2013. №4.

200. Просянюк, Д. В. Методы тематической классификации текста (на примере образа Российской Федерации в New York Times): специальность 22.00.01 "Теория, методология и история социологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Просянюк Дарья Вячеславовна, 2015.

201. Псеунова, Б. Х. Лексикографическое представление антропонима как компонента сленга способы образования антропонимических сленговых единиц / Б. Х. Псеунова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6-2(25). – С. 16-19.

202. Раздужев, А. В. Адаптация англоязычных терминов в русском языке (на материале терминосистем сфер нанотехнологий и политологии) / А. В. Раздужев, З. У. Хакиева, Т. А. Чепракова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6(72). – С. 107-115.

203. Разуваева, Н. Г. Англицизмы в русском молодежном сленге / Н. Г. Разуваева, С. Н. Кайырбаева, Д. К. Ефимов // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1(3). – С. 106-112.

204. Раренко, Б. Сленг как повышение и понижение социального статуса // Языковое бытие человека и этноса. 2017. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-kak-povyshenie-i-ponizhenie-sotsialnogo-statusa> (дата обращения: 06.04.2026).

205. Редкозубова, Е. А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. А. Редкозубова. – Ростов-на-Дону, 2014. – 413 с.

206. Резникова Л. В., Погребиская А. Л. «Эволюция сленга в цифровую эпоху» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. — 2024. — №08. — С. 149–153.
207. Рец, И. В. Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неонимации: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рец Ирина Владимировна, 2014. — 201 с.
208. Розина, Р. И. Категориальный сдвиг в семантической деривации / Р. И. Розина // Вопросы языкознания. — 2002. — № 2. — С. 13-23.
209. Розина, Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол / Р. И. Розина. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский центр "Азбуковник", 2005. — 302 с.
210. Рубцова, Е. А. Молодежный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике // Русистика. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-protivorechivoe-yavlenie-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 24.07.2025).
211. Рудковская, А. В. Молодежный сленг в современной социолингвистике / А. В. Рудковская // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: Сборник материалов международной научно-практической конференции молодых исследователей, Москва, 09–10 апреля 2013 года / Ответственный редактор Ю.М. Шемчук. — Москва: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2013. — С. 87-89.
212. Русанов, Е. К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме /Е.К. Русанов // Гуманитарные юридические исследования. — 2016. — №1. — С.214-217.
213. Савельев, М. А. К вопросу о молодежном сленге (на примере молодежного сленга обучающихся колледжа) / М. А. Савельев // Молодой ученый. — 2018. — № 14(200). — С. 84-87.

214. Савченкова, Е. А. К вопросу о понятии дискурса в современной лингвистике / Е. А. Савченкова // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути развития: Материалы III Международной научно-практической конференция, Брянск, 20–21 апреля 2017 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2017. – С. 265-268.

215. Садикова, В. А. Дискурс и коммуникация: соотнесенность понятий / В. А. Садикова // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Тверь, 01–02 апреля 2016 года / Ответственный редактор Н.А. Комина. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – С. 208-211.

216. Саямова, В. И. Понятия и термины «текст» и «дискурс» в лингвистике / В. И. Саямова, Т. В. Олешко // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2023. – № 4-2. – С. 106-113.

217. Серебренникова, Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2008. – С. 8-31.

218. Скопич, Н. П. Соотношение двух категорий в аксиологии: «ценность» и «оценка» / Н. П. Скопич // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 7-2. – С. 155-157.

219. Скуридина, С. А. Особенности сленга уличной культуры (на материале российской граффити-сцены) / С. А. Скуридина, Д. В. Новиков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2026. – № 1(60). – С. 51-58.

220. Снегирев, Ф. В. К вопросу об определении понятия «сленг» // Молодой ученый. – 2018. – №9. – с. 199-202.

221. Соколова-Сербская, Л., Сороковникова, В. Молодежные субкультуры // Народное образование. 2008. № 7. С. 265-268.

222. Сон, Л. П. Язык интернет-коммуникации: вторичный глоттогенез и формирование новой символическо-семиотической системы / Л. П. Сон // Организационная психолингвистика. – 2023. – № 3(23). – С. 67-79.

223. Спиридонов, Г. А. Современный молодежный сленг русского языка / Г. А. Спиридонов, Д. А. Кисель // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 18–19 марта 2021 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. – С. 67-71.

224. Старостина, Ю. С. Лингвоаксиологическая доминанта как когнитивно-коммуникативный конструкт в англоязычном драматургическом дискурсе / Ю. С. Старостина // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 546-550.

225. Старостина, Ю. С. Сопоставительная лингвоаксиологическая интерпретация доминанты «внешняя привлекательность» в англоязычном драматургическом дискурсе / Ю. С. Старостина // Поволжский педагогический вестник. – 2024. – Т. 12, № 3(44). – С. 43-47.

226. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

227. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке: Текст для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз. – Москва: Высшая школа, 1984. – 264 с.

228. Сургай, Ю. В. Понятие «Дискурс» в современной лингвистике / Ю. В. Сургай // Проблемы качества научных исследований в СУРГПИ: поиски и решения : Сборник тезисов докладов Девятой отчетной научной конференции преподавателей, аспирантов и соискателей института: в 2-х частях, Сургут, 29 января 2005 года. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2005. – С. 58-60.

229. Терехова, А. А. Подходы к изучению ценностей в современной лингвоаксиологии и аксиологической лингвистике / А. А. Терехова //

Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2024. – № 17-1. – С. 112-120.

230. Титаренко, С. А. Лингвопрагматический потенциал английской субстандартной лексики (на материале английского сленга) : специальность 10.02.04 "Германские языки": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Титаренко Сергей Александрович, 2022. – 261 с.

231. Тратникова, А. В. Понятие семантической деривации / А. В. Тратникова. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 53-55.

232. Требух, М. А. О проблеме заимствований в русском языке / М. А. Требух // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы IV международной научно-практической конференции, Сочи, 09 января 2017 года / Научно-образовательное учреждение «Вектор науки». – Сочи: Издательство «Перо», 2017. – С. 180-183.

233. Трегубова, Ю. А. Сленг болельщиков фигурного катания в русскоязычной интернет-коммуникации / Ю. А. Трегубова, Е. В. Лаврищева, А. С. Кисарин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 84—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-84-100.

234. Трошина, Н. Н., Нойланд, Э. Молодежный язык. Neuland E. Jugendsprache. – 2, überarb. u. Erweit. Auflage. – Tübingen: NARR, 2018. – 274 s / Н. Н. Трошина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2020. – № 3. – С. 34-39.

235. Трусова, И. С. Литературный язык и нелитературные варианты языка. – Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2005 – 27 с.

236. Ульман, С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М., 1970 – Вып. 5

237. Улуханов, И. С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. М., 2012.
238. Ухова, П. С. Оценочный потенциал лексических единиц молодежного сленга / П. С. Ухова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 180-184.
239. Ухова, П. С. Структурно-семантические характеристики студенческого сленга (на материале русского и французского языков): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ухова Полина Сергеевна, 2017. – 356 с.
240. Ушанова, И. А. Анализ онлайн-дискурсов: традиции и перспективы (на материале немецких медиа) / И. А. Ушанова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2015. – № 1(1). – С. 10.
241. Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 25.02.2025).
242. Финская, Т. Е. Отражение аксиологической диады «paix-guerre» в различных типах дискурса: на материале французского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.6. / Финская Таисия Евгеньевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»; Диссовет ПДС 0500.006]. – Москва, 2023. – 192 с.
243. Финогеева, А. А. Мультиmodalность в современном университетском интернет-дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnost-v-sovremennom-universitetskom-internet-diskurse> (дата обращения: 20.03.2026).
244. Фоос, Ю. Б. Особенности семантического развития английской сленговой лексики (Опыт этимологизирования сленговой лексики на индоевропейском фоне): специальность 10.02.04 "Германские языки":

автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фоос Юлия Болиславовна. – Москва, 2004. – 16 с.

245. Фуко, М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет/М. Фуко. – М.: Касталь, 1996 б. – 448 с.

246. Харькова, Е. В. Способы словообразования в молодежном сленге русского языка / Е. В. Харькова, К. М. Амирханова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10-1(64). – С. 161-163.

247. Химик, В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. (стр. 13)

248. Хлопова, А. И. Эмоционально-оценочный компонент как маркер изменения ценности / А. И. Хлопова // Эмоции, текст, дискурс: актуальные лингвистические аспекты: Сборник научных трудов, посвященных юбилею профессора Светланы Валентиновны Ионовой. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2025. – С. 133-140.

249. Ходжагельдыев, Б. Д. Причины появления заимствованных лексических дублетов в русском языке / Б. Д. Ходжагельдыев, О. С. Шурупова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2016. – № 1(7). – С. 140-143.

250. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода. Автореф. докт. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

251. Хомяков, В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Изд. 2-е – Москва: [ЛИБРОКОМ], 2009. – 102, [2] с.

252. Хорошева, Н. В., Мадей Е. Д. Актуализация эмотивных смыслов, в переводах пьес А.П. Чехова: кластерный подход // Язык и культура. 2023. № 63. С. 77-99.

253. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии. Пятое издание. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2009. 184 с.

254. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 20.03.2026).

255. Хусаинова, Р. Р. Англицизмы в современной России / Р. Р. Хусаинова, А. А. Хуртина // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : Сборник материалов X международной молодежной научно-практической конференции, Магнитогорск, 23–24 октября 2024 года. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2024. – С. 527-529.

256. Хэ, Я., Елистратов, В.С. Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга // Философия и культура. 2025. № 2. С. 1-20.

257. Целепидис, Н. В. Взаимодействие народов и культур и проблема межкультурной коммуникации молодежи / Н. В. Целепидис // Вестник славянских культур. – 2009. – № 3(13). – С. 30-34.

258. Цибизова, О. В. Англицизмы в молодежном сленге 2020-2021 гг.: опыт описания и анализа / О. В. Цибизова, И. И. Галанкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 684-698.

259. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов, 2001. С. 11-22.

260. Чжан, В. Типы и функции молодежного сленга в русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чжан Вэй, 2024. – 194 с.

261. Чимбергонов, Б. Молодежный сленг. Причины появления сленгов в русском языке / Б. Чимбергонов, С. Тлеулиев // *Renaissance in the Paradigm of Innovations in Education and Technology in the 21st Century*. – 2023. – Vol. 1, No. 1. – P. 128-130. – DOI 10.47689/xxia-ttipr-vol1-iss1-pp128-130.
262. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Электронный ресурс]: монография / Н.М. Шанский. — М.: Флинта, 2019. — 335 с.
263. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США.-М.: Наука, 1983.-216 с.
264. Швецова, М. Г. Функции молодежного сленга / М. Г. Швецова // *Альманах мировой науки*. – 2016. – № 9-1(12). – С. 69-71.
265. Ши, Ч. Источники пополнения молодежного жаргона / Ч. Ши // *Молодые голоса : Сборник трудов молодых ученых / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральский гуманитарный институт, Департамент «Филологический факультет», Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Том Выпуск 8*. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2019. – С. 76-80.
266. Шишканова, А. Р. Молодежный сленг в китайском интернет-пространстве / А. Р. Шишканова, А. В. Кравцова // *Инновационные научные исследования*. – 2022. – № 6-2(20). – С. 118-126.
267. Шмелев, А. Д. Язык и социокультурные изменения. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.
268. Юрова, Е. Д. Использование молодежного сленга в интернет-СМИ "Dvhab.ru" / Е. Д. Юрова, Л. А. Троценко // *Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы III Международной студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 10 декабря 2019 года*. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. – С. 334-339.

269. Юртаева, Е. С. Характеристики виртуальной языковой личности в коммуникативном пространстве Интернет-дискурса / Е.С. Юртаева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2016. – С.307-312.

270. Яковлюк, А. А. Лингвистические особенности интернет-дискурса (на материале немецкого языка): специальность 10.02.04 "Германские языки": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Яковлюк Александр Александрович. – Уфа, 2015. – 22 с.

271. Яковчик, Д. В. Цифровая социализация и молодежный сленг: речевое выражение девиантности в интернет-среде / Д. В. Яковчик // Цифровая трансформация и права человека: тренды, вызовы, решения: сборник материалов международного конкурса студенческих научных работ, Санкт-Петербург, 01–15 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний", 2022. – С. 219-231.

272. Brkić, Z. Zum Gebrauch der substantivischen Komposita - Analyse der Jugendzeitschrift Bravo und des Nachrichtensportals Deutsche Welle DHS 2 (15) (2021), 85-110

273. Bross, F. (2022): Jugendsprache in Gebärdensprache? Ein kurzer Vergleich der deutschen Jugendsprache mit der jugendsprachlichen Varietät der Deutschen Gebärdensprache. In: Sprachreport, 38(3), 16–21.

274. Coleman, J. (2004), A history of cant and slang dictionary, Volume II (1785-1858), Oxford University Press, Oxford, UK.

275. Coleman, J. The Life of Slang. Oxford University Press, 2012.

276. Diko, M. Multiethnolekte im Deutschen und Schwedischen: Strukturen und Gebrauchsmuster. Eine Untersuchung über die Konstruktion vom Ghetto-Slang bei Jugendlichen mit oder ohne Migrationshintergrund. Learning and Teaching Languages: Creating Bridges to the Future Papers from the 1st FIPLV East European

Regional Congress 26th BETA-IATEFL Annual International Conference 22nd-25th June 2017 Varna, Bulgaria

277. Dressler, W. Textlinguistik mit und ohne Kontext: Diskurs versus Text. in: Text und Kontext, eds. Oswald Panagl & Ruth Wodak. Nürnberg: Königshausen & Neumann 2004. 11-22.

278. Fairclough, N. Textual analysis for social research. New York: Routledge. 2003. 270 p.

279. Glück, H. (Hrsg.), unter Mitarbeit von Friederike Schmöe: Metzler Lexikon Sprache. 3., neu bearbeitete Auflage. Metzler, Stuttgart/Weimar 2005.

280. Grevisse, M., Goosse, A. Le Bon Usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui; 14e ed. Paris: Duculot, 2008. 1160 p.

281. Halliday, Michael A. K. Language as Social Semiotics: The Social Interpretation of Language and Meaning / Michael A. K. Halliday. – L.: University Park Press, 1978. – 256 p.

282. Heinemann, M., Heinemann W., 2002. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen: Niemeyer. 294 S.

283. Partridge, E. Slang today and yesterday: 4th ed. / E. Partridge. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1972. – 476 p.

Справочники, словари, энциклопедии

284. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 6-е. – М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2012. – 571 с.

285. Большая российская энциклопедия – URL: <https://bigenc.ru/c/igra-c36df3> (дата обращения: 22.07.2025).

286. Вишневецкая, М. Словарь перемен 2015-2016. – URL: <https://marvish.ru/index.php?id=12&name=dictionary> (дата обращения: 25.07.2025).

287. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского сленга : свыше 12000 слов и выражений арг, кинемалогос, жаргоны / В. С. Елистратов. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2010. – 668, [1] с.
288. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
289. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с.
290. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
291. Милфы, скуфы, краши. Самый полный словарь молодежного русского сленга (2016-2026) – URL: <https://www.litres.ru/book/alena-viktorovna-sto/milfy-skufy-krashi-samyu-polnyu-slovar-molodezhnogo-r-71112439/chitat-onlayn/> (дата обращения: 25.07.2025).
292. Мокиенко, В. М. Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний. – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
293. Никитина, Т. Г. «Толковый словарь молодежного сленга. Слова, непонятные взрослым. Около 2000 слов» (издания «Астрель», АСТ, 2006).
294. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст]: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, 2003. – 944 с.
295. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – Москва: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 669, [2] с.
296. Словарь молодежного сленга. – URL: https://pikabu.ru/story/slovar_molodyozhnogo_slenga_2025_12825547?ysclid=mn07dksb9j335011577 (дата обращения: 28.07.2025).

297. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожин; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 696 с.
298. Торн, Т. Словарь современного англоязычного сленга [около 30 000 слов, словосочетаний и значений. Около 15 000 примеров. Сленговые слова и выражения с 50-х годов XX в. до наших дней] / Тони Торн; [рус. пер. Л.Е. Нефедовой]. – Москва: АСТ, Астрель, 2010. – 477 с.
299. Gerdes, J. Jugendsprachliche Wörterbücher im Interlingualen Vergleich <https://doi.org/10.1515/9783110472226-019>, 2018.
300. Grose, F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. – URL: https://openlibrary.org/books/OL6997575M/A_classical_dictionary_of_the_vulgar_tongue (дата обращения: 28.07.2025).
301. Green, J. Chambers Slang Dictionary. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd, 2008.
302. Green, J. Green's Dictionary of Slang / J. Green. – Digital edition © Jonathon Green and Abecedary Limited, 2017. –1316 p.
303. Hotten, J. C. A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words, Used at the Present Day in the Streets of London / J.K. Hotten.L., 1860. 300 p.
304. Hotten, J. C. The Slang Dictionary. – East Ardsley, Wakefield, Yorkshire, England: Republished by EP Publishing, Ltd., 1972c. – 382 p.
305. Spears, R. A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. М.: Рус. яз., 1991 XV+528 p.
306. Spears, R. A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, matters / R. A. Spears. – New York: Jonathan David Publishers, Inc. 1981 – XXVIII. – 448 p.
307. Wentworth, H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. – New York: 1960.